

Клайв Стейплз ЛЪЮИС

КОСМИЧЕСКАЯ
ТРИЛОГИЯ

Мастера фантазии

Клайв Льюис

Космическая трилогия

«АСТ»

1938, 1943, 1945

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Льюис К. С.

Космическая трилогия / К. С. Льюис — «АСТ», 1938, 1943, 1945 — (Мастера фантазии)

ISBN 978-5-17-112741-1

Марс, населенный таинственными полулюдьми-полудухами... Прекрасная Венера, которой угрожает загадочная опасность... Земля, обращенная безумными учеными в почти кафкианский по мощи технократический ад... Неисчислимое многоцветье инопланетных культур, гуманоидных и негуманоидных... Мир, в котором персонажи артурианы соседствуют с космическими кораблями, а христианские ангелы и демоны – с представителями рас «чужих»... В своей «Космической трилогии» Клайв Стейплз Льюис впервые в мировой литературе соединил в одном произведении научную фантастику, космическую оперу, фэнтези и философскую притчу. И именно это безоговорочное новаторство обеспечивает романам трилогии заслуженно высокое место в истории фантастики.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-112741-1

© Льюис К. С., 1938, 1943, 1945

© АСТ, 1938, 1943, 1945

Содержание

За пределы безмолвной планеты[1]	6
Примечание автора	6
Глава I	7
Глава II	12
Глава III	15
Глава IV	17
Глава V	20
Глава VI	24
Глава VII	26
Глава VIII	29
Глава IX	31
Глава X	35
Глава XI	38
Глава XII	42
Глава XIII	45
Глава XIV	49
Глава XV	52
Глава XVI	56
Глава XVII	60
Глава XVIII	66
Глава XIX	70
Глава XX	74
Глава XXI	79
Глава XXII	84
Постскриптум	86
Переландра[21]	90
Глава I	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Клайв Стейплз Льюис

Космическая трилогия

C. S. Lewis
SPACE TRILOGY
OUT OF THE SILENT PLANET
PERELANDRA
THAT HIDEOUS STRENGTH

Перевод с английского *Е. Парахневич* («За пределы безмолвной планеты»), *Л. Сумм* («Переландра»), *Н. Трауберг* («Мерзейшая мощь»)

© C. S. Lewis Pte Ltd. 1938, 1943, 1945
© Перевод. Н. Трауберг, наследники, 2018
© Перевод. Л. Сумм, 2018
© Школа перевода В. Баканова, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

За пределы безмолвной планеты¹

Примечание автора

Некоторые отсылки к другим, более ранним произведениям этого жанра, которые можно встретить на страницах книги, помещены туда исключительно для драматических целей. Автор будет крайне опечален, если кто-то из читателей вдруг решит, будто он слишком глуп, чтобы наслаждаться плодами фантазии мистера Г. Дж. Уэллса, или чересчур неблагодарен, чтобы не отдавать тому дань уважения.

¹ © Перевод Е. Парахневич.

Глава I

Не успела гроза отгреметь, как путник сложил карту в карман, поправил на усталых плечах рюкзак и вышел из-под сени большого каштана напрямик на дорогу. На западе сквозь прорехи в тучах лился свет ярко-желтого заката, но впереди небо над холмами было свинцово-серым. С каждого листа и травинки падали капли, и дорога под ногами сияла речной лентой. Однако путник не стал тратить время на пустое любование пейзажем; он стремительно зашагал вперед с видом человека, которому предстоит пройти немало миль. Увы, так оно и было. Если путник вдруг оглянулся бы (чего он не сделал), то наверняка увидел бы вдали над-дербийский церковный шпиль – и ругнулся бы в адрес недружелюбной гостиницы, где ему, невзирая на пустующие номера, отказали в ночлеге. Со времени последнего похода гостиница успела сменить владельца. Прежний добродушный старик куда-то пропал, и заправляла теперь всем, по словам официантки из бара, некая «леди». Видимо, эта особа была из когорты тех закостенелых британских отельеров, которые считают постояльцев досадной помехой своим делам. Единственной надеждой путника оставался Стерк по ту сторону холмов в шести милях отсюда. Судя по карте, там тоже имелась гостиница. Правда, нашему скитальцу хватало опыта не строить насчет нее чересчур радужных иллюзий.

Он шагал быстро и решительно, не озираясь по сторонам, как человек, слишком занятый своими мыслями. На вид ему, высокому и немного сутулому, можно было дать лет тридцать пять – сорок; заношенная одежда выдавала в нем представителя интеллигенции в отпуске. Возможно, врача или школьного учителя, хотя для первого ему не хватало солидности, а для второго – задорной искорки в глазах.

На самом деле он был филологом, преподавателем из Кембриджа, и звали его Рэнсом.

Покидая Наддерби, Рэнсом надеялся найти приют на одной из окрестных ферм, тогда не пришлось бы шагать до самого Стерка. Увы, по эту сторону холмов другого жилья было не видеть. Во все края тянулись за чахлой оградой унылые грядки с капустой и репой, да кое-где торчали одинокие деревья. В отличие от земель к югу от Наддерби, эти места не могли похвастать плодородностью, а промышленный округ на севере, к которому относился Стерк, отгородился от здешней пустоши стеной холмов. Сумерки густели, понемногу замолкали птицы, и вокруг становилось все тише и тише. Только под ногами назойливо хрустел гравий.

Путник оставил за спиной уже мили две, как вдруг впереди блеснул огонек. Здесь, у подножия холмов, совсем стемнело, так что Рэнсом обрадовался, но когда подошел к источнику света ближе, понял, что его надеждам на большой фермерский коттедж не суждено сбыться – он обнаружил крохотный уродливый домик постройки прошлого века, сложенный из красного кирпича. Из открытых дверей вдруг выскочила женщина, едва не сбив Рэнсома с ног.

– О, простите, сэр! Я думала, это мой Гарри идет...

Рэнсом спросил, нельзя ли поблизости сыскать ночлег.

– Нет, сэр, – ответила та. – Только в Стерке. Или, мой вам совет, идите лучше назад в Наддерби...

Она говорила рассеянно, словно занятая своими не самыми веселыми мыслями.

Рэнсом пояснил, что в Наддерби ему отказали.

– Тогда даже не знаю, сэр... До самого Стерка другого жилья не сыскать, чтобы вам подошло. Да и нет здесь больше ничего, кроме «Холмов», где мой Гарри работает. Вы, небось, мимо него проходили, я поэтому и выскочила, как вас услыжала, – думала, Гарри идет. Он уж давно должен был вернуться.

– «Холмы»? – переспросил Рэнсом. – А что это? Ферма? Там можно переночевать?

– Да что вы, сэр! С тех пор как мисс Элис померла, там и не живет никто, окромя профессора и того джентльмена из Лондона. А они никого не принимают, сэр! Даже слуг не держат. Разве что мой Гарри у них за печками смотрит, и то его в дом не пускают!

– А как зовут профессора? – со слабой надеждой встрепенулся Рэнсом.

– Ох, не знаю я, сэр... – пожала плечами женщина. – Тот, второй джентльмен – мистер Дивайн. А про первого мой Гарри говорит, что он, мол, профессор. Только ж Гарри в этом ничего не смыслит, сэр. Слегка тугодум мой Гарри. Я поэтому и волнуюсь, что его до сих пор нет. Они ведь обещали, что в шесть вечера будут его отпускать. Он и так день-деньской на них трудится...

У женщины был чересчур скудный словарный запас, чтобы сполна передать ее эмоции, да и бубнящий голос не отличался выразительностью, но Рэнсом видел, как ее трясет; она чуть ли не рыдала. Наверное, с его стороны будет добрым поступком заглянуть в дом к таинственному профессору и велеть мальчику поскорей идти домой. Тем более что среди собратьев по профессии вполне можно рассчитывать на гостеприимство...

Мысль о ночевке под кровом «Холмов» выглядела столь приятной, что Рэнсом немедленно сообщил женщине о своих планах.

– Ох, не знаю даже, как вас, сэр, благодарить! Только не могли бы вы моего Гарри до самых ворот проводить и глянуть, чтобы он и впрямь домой пошел?.. А то он так профессора боится, что назад шмыгнет, стоит голову отвернуть!

Рэнсом заверил ее, что обязательно проводит мальчика, и, выведав, где находятся эти самые «Холмы» (в пяти минутах ходьбы отсюда, слева от дороги), распрощался. Усталые ноги, пока он стоял на одном месте, успели вконец задеревенеть и переставлялись теперь с немалым трудом.

По левую сторону отчего-то не было видать ни малейшего проблеска света: только плоские поля да какое-то темное пятно; Рэнсом сперва принял его за рощицу. Спустя некоторое время (по ощущениям прошло куда более пяти минут) он понял, что ошибся – то была живая изгородь, посаженная ровным рядом, с крепкими белыми воротами посередине. Должно быть, это и есть те самые «Холмы» и за деревьями отыщется дом с садом. Ворота оказались заперты. На мгновение под натиском ночной тьмы и тишины Рэнсом оробел. Наверное, лучше продолжить путь и, невзирая на усталость, идти в Стерк. С другой стороны, слово, данное женщине... Тем более что преодолеть хилую изгородь при желании не составит труда. Желания, правда, не было, ни малейшего. Хорошим же он выставит себя дураком, когда выползет из кустов, чтобы поведать какому-то престарелому чудику (а кто еще будет запирается на ночь в этой глуши?!), что его соседка бьется в истерике: мол, ее слабоумный сынок задержался на работе уже на полчаса! И все же слово надо держать. Рэнсом снял рюкзак с плеч и перебросил его на ту сторону, тем самым отрезая себе путь к отступлению: теперь придется идти в любом случае, хотя бы затем, чтобы забрать вещи. Изрядно осерчав и на женщину, и на себя, он встал на четвереньки и червяком пополз сквозь кусты.

Спустя несколько минут Рэнсому удалось выбраться во влажную тьму по ту сторону изгороди, изрядно пострадав от колючего терновника и крапивы. Он на ощупь подобрал рюкзак и, осмотревшись по сторонам, различил очертания большого каменного дома, перед которым простирался заросший неухоженный газон. Дорога под ногами делилась надвое: правая, изящно изгибаясь, вела к парадному входу, левая же уходила прямо, видимо, в хозяйственные постройки. Отчего-то вся она была изрыта (в ямах теперь плескалась вода), словно по ней то и дело ездили тяжелые грузовики. Другая же, по которой Рэнсом зашагал к дому, вся поросла мхом. Некоторые окна были заколочены, другие, напротив, зияли черными провалами без ставней и штор. О том, что дом все-таки обитаем, свидетельствовал лишь столб дыма, поднимавшийся откуда-то позади – причем дыма очень густого, словно там находилась фабрика или как минимум прачечная, но никак не обычная кухня. В общем, «Холмы» выглядели не

самым приятным пристанищем на ночь, и Рэнсом немедленно повернул бы обратно, не держи его опрометчиво данное слово.

Он поднялся по трем ступенькам и позвонил в дверь. Не дождавшись ответа, позвонил еще раз и присел на деревянную скамью на крыльце. Сидел так долго, что, невзирая на теплую безоблачную ночь, испарина на лице успела высохнуть. Рэнсом очень устал, наверное, поэтому он и не спешил подниматься и звонить еще раз. Тем более что все вокруг – тихий сад, красивое звездное небо, случайное уханье совы – дышало покоем. Он даже задремал – и встрепенулся от неожиданных странных звуков. Шум стал громче: за домом кто-то то ли дрался, то ли играл в регби. И кричал! Слов отсюда было не разобрать, однако свирепые вопли взбудораженных мужчин слышались безошибочно. Рэнсом вовсе не горел желанием вляпаться в какую-нибудь историю, но надо же все-таки понять, что там вообще происходит... Тем более что ночь пререзал новый отчаянный крик:

– Пустите! Пустите!

И потом, через секунду:

– Я туда не пойду! Я хочу домой!

Отшвырнув рюкзак, Рэнсом спрыгнул с крыльца и ринулся в ту сторону, позабыв про негнущиеся ноги. Расплескивая ботинками грязь на дорожке, выскочил во двор, где оказалось неожиданно много строений. Краем глаза он успел заметить высокую трубу, какую-то дверцу, подсвеченную изнутри красным, и огромный черный купол вроде миниатюрной обсерватории, закрывающий звезды.

Однако все это Рэнсом тут же выбросил из головы, потому что чуть не налетел на троицу сцепившихся в драке мужчин. С первого же взгляда стало понятно, что двое незнакомцев куда-то волокут того самого «тугодума» Гарри, а дурачок тщетно вырывается. Рэнсом хотел проорать во всю мощь легких: «А ну живо отпустили парня! Вы что это задумали?!» – но вышло лишь неубедительное восклицание: «Эй! Послушайте...»

Мужчины тут же отскочили от хнычущего парнишки.

– Позвольте спросить, – заговорил тот, что был выше и крепче сложен, – вы кто вообще, черт возьми, такой и что здесь забыли?

Басище у него был что надо – как раз такого Рэнсому недоставало.

– Я просто шел мимо. И пообещал бедной женщине...

– К черту вашу бедную женщину! Вы как сюда попали?

– Сквозь изгородь перелез, – огрызнулся Рэнсом, начиная злиться. – Не знаю, что вы делали с парнем, но...

– Давно надо было завести собаку, – не слушая Рэнсома, сказал бугай своему приятелю.

– Заводили уже. Вы сами решили использовать Тартара для опытов, – заговорил второй, до сей поры хранивший молчание.

Он практически не уступал первому ростом, хотя был худощавей и моложе. Его голос показался на удивление знакомым.

Рэнсом решил напомнить о себе:

– Слушайте, уже ночь на дворе, давно пора отпустить мальчишку домой. Я нисколько не намерен вмешиваться в ваши личные дела, но...

– Вы кто такой вообще?! – рявкнул толстяк.

– Меня зовут Рэнсом. И...

– Постойте-ка! – перебил тощий. – Вы, случайно, в школе Уэйденоу не учились?

– Да, именно в ней, – удивился Рэнсом.

– А я-то смотрю, голос знакомый... Мое имя Дивайн. Помните такого?

– Да, конечно! Само собой, – отозвался Рэнсом, и они пожали друг другу руки с вымученной сердечностью, обычной для подобных встреч.

(Надо признать, к концу учебы Рэнсом не переваривал Дивайна на дух.)

– До чего трогательно, да? – хмыкнул тот. – Где бы еще довелось встретиться – духу товарищества прямо-таки дано воцариться под пальмой и сосною² на пустоши между Стерком и Наддерби! Самое время с комком в горле вспомнить воскресные проповеди в родной школьной часовне... А с Уэстоном вы, наверное, не знакомы, нет?.. – Дивайн указал на своего громогласного приятеля-верзилу. – Итак, перед вами Уэстон. Тот самый! Величайший физик. Заткнет за пояс Эйнштейна и сожрет с потрохами Шредингера. Уэстон, позвольте представить моего школьного приятеля, Рэнсома. Доктора Элвина Рэнсома. Того самого! Величайшего филолога. Который заткнет за пояс Есперсена³ и...

– Знать его не желаю! – отрезал Уэстон, все еще держа беднягу Гарри за шкуру. – Не ждите, что я начну рассыпаться в любезностях перед человеком, который только что вломился ко мне в дом. Плевать, в какой школе он учился и на какую ерунду тратит деньги, которых так не хватает настоящей науке. Пусть говорит, зачем явился, и проваливает на все четыре стороны.

– Уэстон, не будьте ослом! – произнес Дивайн неожиданно серьезным тоном. – Его визит очень даже кстати. Рэнсом, не берите в голову, не обижайтесь на Уэстона. Он, как говорится, под грозной внешностью прячет доброе сердце. Вы ведь не откажетесь выпить и поужинать?

– Благодарю за приглашение... Однако что насчет парнишки?..

– Он слабоумный, – пояснил Дивайн, увлекая Рэнсома за собой. – Обычно пашет как вол, но порой случаются припадки. Тогда мы затаскиваем его в душевую и запираем на часик, чтобы пришел в себя. В таком состоянии отпускать домой его нельзя. Если хотите, чуть позже сами парнишку и проводите. А потом вернетесь и переночуете у нас.

Рэнсом был немало озадачен: уж больно подозрительным и даже противозаконным душком отдавала вся эта ситуация. С другой стороны, как любой человек его возраста и образования, Рэнсом был уверен, что с противоправными деяниями можно столкнуться лишь в книгах, но никак не в реальности, и уж конечно же в темных делишках не могут быть замешаны старые школьные приятели и университетские профессора. Тем более, даже если над мальчишкой и впрямь издеваются, в одиночку его не отбить...

Дивайн тем временем вполголоса переговаривался с Уэстоном. Нельзя сказать, что они шептались: видимо, и впрямь обсуждали, как лучше устроить гостя на ночь. Наконец Уэстон недовольно буркнул в знак согласия. Рэнсому вдобавок ко всему стало еще и совестно: выходит, он напрашивается в гости. Он открыл было рот, когда Уэстон громко обратился к слабоумному парню:

– Натворил же ты сегодня дел, Гарри! В любой другой стране всыпали бы тебе розог. Замолчи уже, хватит реветь! Не хочешь, не пойдешь в душевую...

– Это не душевая! – захныкал дурачок. – Совсем не душевая. Я в эту штуку больше не полез.

– Он про лабораторию, – перебил Дивайн. – Залез туда как-то, и его случайно заперли на пару часов. А он отчего-то перепугался до полусмерти. Ну, вы знаете, «индеец бедный Бога в облаках находит»⁴ и все такое... Гарри, слушай внимательно. Этот джентльмен сейчас отдохнет с полчаса и ответит тебя домой. А ты пока посиди тихонько в коридоре, тогда получишь то, что тебе так нравится...

Он изобразил звук открывающейся бутылки (Рэнсом припомнил, что в школе это было одним из любимейших трюков Дивайна). Гарри одобрительно угукнул.

² Цитата из известного стихотворения Р. Киплинга «Отпустительная молитва», написанного в 1897 году к юбилею королевы Виктории.

³ Йенс Отто Харри Есперсен – датский лингвист, автор ряда трудов по вопросам истории и теории английского языка. Самая известная его работа – «Философия грамматики».

⁴ Цитата из трактата «Опыт о человеке» Александра Поупа (1733–1734), обычно упоминается, когда речь заходит о суевериях, свойственных необразованному человеку.

– Ведите его внутрь, – бросил Уэстон и исчез в доме.

Рэнсом замешкался было, однако Дивайн заверил, что на самом деле тот рад гостям. Врал, конечно же, но Рэнсом, поддавшись искушению отдохнуть и выпить, быстро позабыл о смущении. Последовав за Дивайном и Гарри, он вошел в дом и очень скоро уже сидел в кресле, дожидаясь, пока Дивайн принесет закуски.

Глава II

В комнате, где очутился Рэнсом, причудливым образом смешались роскошь и нищета. Окна без штор были наглухо заколочены, голый пол усеян пустыми коробками, стружками и газетами, на обоях светлели пятна от висевших здесь некогда картин. Однако посреди этого хаоса стояли два поистине дорогих кресла, а на столе среди дешевой посуды, консервных банок из-под сгущенного молока и сардин, хлебных корок, недопитого чая и окурков валялись устричные раковины, сигары и бутылки из-под шампанского.

Хозяева куда-то запропастились, и Рэнсом, пользуясь случаем, задумался. К Дивайну он испытывал смутное отвращение, какое всегда бывает, когда наконец прозреваешь и иначе глядишь на кумира юных лет. Дело в том, что Дивайн прежде прочих однокурсников освоил искусство сарказма, которое заключалось в постоянном пародировании сентиментальных и идеалистических клише из взрослой речи. Несколько недель вся школа, включая самого Рэнсома, потешалась над его рассуждениями о «патриотическом долге», «верности традициям», «бремени белого человека» и «принципах честной борьбы». Однако вскоре, еще в Уэйденшоу, Рэнсом понял, что на деле Дивайн ужасно скучен, а в Кембридже и вовсе стал его избегать, поражаясь лишь, как такому зануде, не способному самостоятельно родить хоть одну маломальски толковую мысль, удастся быть в центре внимания. Потом Дивайна неожиданно пригласили преподавать в Лестерский университет, и он загадочнейшим образом начал богатеть. Затем и вовсе перебрался из Кембриджа в Лондон, где, по слухам, стал вращаться в правительственных кругах. Порой его имя всплывало в разговорах, и собеседник всегда добавлял: «По-своему он даже умен» или тоскливо завершал: «Ума не приложу, как ему удалось взлететь так высоко». Судя по недавним репликам во дворе, однокашник Рэнсома за все эти годы ничуть не изменился.

От воспоминаний Рэнсома отвлекла хлопнувшая дверь. Дивайн явился один, неся бутылку виски, стаканы на подносе и сифон.

– Уэстон пока ищет, чем перекусить.

Он поставил поднос на пол рядом с креслом и начал откупоривать бутылку. Рэнсом, у которого изрядно пересохло во рту, с тоской заметил, что хозяин его из категории тех унылых персон, которые не умеют одновременно и говорить, и заниматься делом. Дивайн подцепил было серебристую бумагу на пробке, но тут же замер, спросив:

– Как вы вообще попали в это захолустье?

– Решил развеяться, устроить поход, – ответил Рэнсом. – Вчера переночевал в Сток-Андервуде, сегодня думал устроиться в Наддерби. Но там не было мест, пришлось идти в Стерк.

– Боже! – воскликнул Дивайн, позабыв про штопор. – Вам что, платят за это или все мазохизма ради?

– Просто мне нравятся походы, – ответил Рэнсом, выразительно уставившись на закупоренную бутылку.

– А непосвященным можно объяснить, в чем прелесть этого занятия? – спросил Дивайн, опомнившись наконец и оторвав крохотный клочок бумаги.

– Даже не знаю как. Начнем с того, что мне нравится сам процесс ходьбы...

– Господи! Вам, должно быть, и армия пришлась по душе? Когда шагом марш – и сто раз туда-сюда по плацу... Да?

– Нет-нет. В армии совсем по-другому. Там ведь главное в том, что ты никогда не остаешься один, не можешь сам решать, куда идти или хотя бы по какой стороне дороги. А в походе ты сам по себе. Захотел – остановился, захотел – пошел дальше. И никто тебе не указ.

– Пока однажды вечером в отеле вас не будет поджидать телеграмма: «Немедленно возвращайтесь».

Дивайн, хвала господу, снял с пробки остатки бумаги.

– Только если хватило глупости составить заранее список адресов и придерживаться маршрута. А мне грозит разве что объявление по радио: «Внимание! Доктор Элвин Рэнсом, который, судя по всему, разгуливает где-то в центральных графствах»...

– Я начинаю понимать, в чем соль, – задумчиво произнес Дивайн, в который раз забывая о пробке. – Занимайся вы бизнесом, такой трюк не прокатил бы. Счастливчик!.. Однако разве можно вот так просто взять и исчезнуть? А как же жена, дети, горячо любимые родители, в конце концов?

– У меня только сестра, и та замужем и живет в Индии. Тем более я, как видите, преподаватель. Вы наверняка помните, что преподаватель в разгар каникул – это такое эфемерное создание. Университету до него нет никакого дела, остальным – тем более.

Пробка наконец-то выскочила из бутылки с приятным сердцу хлопком.

– Скажите, когда хватит, – предупредил Дивайн, и Рэнсом торопливо подставил бокал. – Все равно я чувствую, что есть какой-то подвох... Неужто и впрямь никто не знает ни где вы есть, ни когда вернетесь домой?

Рэнсом молча кивнул. Дивайн, взявшись за сифон, неожиданно чертыхнулся.

– Боюсь, он пустой... Вы не против, если я долью вам обычной воды? Только придется сходить на кухню. Сколько вам?

– До краев, пожалуйста, – попросил Рэнсом.

Через пару минут тот вернулся и протянул воделенный напиток. Наполовину опорожнив его одним глотком и с довольным вздохом уронив голову на спинку кресла, Рэнсом заметил: мол, бог с ним самим, с его манерой проводить отпуск – нынешнее пристанище Дивайна тоже вызывает немало вопросов.

– Верно, – кивнул тот. – Но знай вы Уэстона, поняли бы, что проще согласиться и поехать, куда ему заблагорассудится, нежели спорить. Мой коллега тот еще упрямец...

– Коллега? – удивился Рэнсом.

– В некотором смысле да.

Дивайн покосился на дверь, придвинул кресло поближе к Рэнсому и заговорил доверительным тоном:

– В своем деле он мастак. Строго между нами: я вкладываю деньги в кое-какие его исследования. Все совершенно законно – мы трудимся ради прогресса и на благо человечества. Тем не менее оформить патент не мешает...

Дивайн все говорил и говорил, а с Рэнсомом происходило нечто странное. Сперва ему показалось, что тот несет полную чепуху. Мол, «все давно поставлено на колеса, но в Лондоне особо не развернешься»... И вдруг Рэнсом понял: он не разбирает слов Дивайна, потому что вовсе их не слышит! Ничего удивительного – ведь и сам Дивайн вдруг удалился на целую милю, хотя Рэнсом по-прежнему видел его лицо, словно бы в перевернутый телескоп. Тот сидел в своем крошечном кресле и смотрел на бывшего однокашника каким-то новым взглядом: пристальным и очень неприятным. Рэнсом хотел было встать, но руки и ноги не слушались. Конечности словно примотали к креслу – мягкому и удобному – бинтами, а голову зажали в тиски, упругие, но жесткие. Страшно не было, хотя он понимал, что надо бы испугаться. Затем и комната понемногу померкла в глазах.

Рэнсом так и не понял, было ли его видение всего лишь сном или оно предвещало грядущие события. Он, Уэстон и Дивайн очутились вдруг в крохотном саду, окруженном стеной. Здесь ярко светило солнце, хотя снаружи все было окутано тьмой. Они решили перелезть через стену, Уэстон велел его подсадить. Рэнсом все повторял, что лучше бы им остаться, слишком уж там темно, однако его не слушали. В итоге Рэнсом вскарабкался на стену последним и уселся

верхом, подвернув полы пиджака, чтобы не пораниться о битое стекло. Те двое уже спустились во тьму, но прежде чем он успел последовать за ними, в стене вдруг отворилась незамеченная прежде дверца, и какие-то странные на вид люди вернули Дивайна с Уэстоном в сад, а потом и сами исчезли, захлопнув за собой дверь. А Рэнсом вдруг понял, что не может слезть. Он даже не испугался, только сидеть было неудобно, потому что правой ногой оказалось слишком темно, а левой – чересчур светло. «Еще немного стемнеет, и нога совсем отвалится, – сказал он вслух, посмотрел наружу и спросил: – Вы кто такие?» А те странные люди, которые, видимо, никуда не ушли, отозвались эхом: «Кийе... кийе... кийе?»...

Постепенно Рэнсом осознал, что нога онемела вовсе не от темноты и холода, просто он ее отсидел. Он находился все в той же комнате. Рядом шел разговор, продолжавшийся, очевидно, уже давно. В голове прояснилось, Рэнсом понял, что его то ли опоили, то ли загипнотизировали, а теперь понемногу транс спадал.

Он прислушался, стараясь не выдать себя лишним движением.

– До чего мне все это надоело, Уэстон! – возмущался Дивайн. – На кону мои деньги! Говорю вам, он годится не хуже парнишки. Даже лучше. Только он вот-вот придет в себя. Давайте немедленно перенесем его на борт. Надо было сразу...

– Парень был идеальным подопытным, – бурчал Уэстон. – Для человечества он бесполезен, только новых идиотов наплодит. В цивилизованном обществе его сразу отправили бы в государственную лабораторию для опытов.

– Ничуть не спору. Но в Англии его пропажей заинтересуется Скотланд-Ярд. А этого прилипали еще долго не хватятся, да и потом никто не узнает, где и когда именно он исчез. Путешествует в одиночестве. Адреса нет. Родни нет. Да и вообще сам виноват, что сунул нос не свое дело!

– Не по душе мне это. В конце концов, он человек. Дурак – тот все равно что... подопытный образец. А этот – личность, хоть и весьма бесполезная. Впрочем, мы и сами рискуем жизнью. Ради великой цели можно и...

– Ох, умоляю, только не начинайте! У нас нет на это времени.

– Возможно, он согласился бы, сумей осмыслить всю важность нашей затеи, – торжественно подытожил Уэстон.

– Берите его за ноги, а я – за голову, – велел Дивайн.

– Если он и впрямь скоро придет в себя, надо бы добавить еще одну дозу, – заметил Уэстон. – До рассвета все равно не начнем. Что хорошего, если он три часа будет буянить на борту? Пусть лучше уже в пути проснется.

– Верно. Приглядите пока за ним, я схожу наверх за препаратом.

Дивайн вышел. Рэнсом приоткрыл веки и увидел стоящего рядом с ним Уэстона. Он не знал, готово ли слушаться тело; приходилось рисковать. Едва Дивайн закрыл за собой дверь, как Рэнсом, собрав силы, пнул Уэстона в кресло, вскочил и ринулся в прихожую. От слабости ноги подгибались, он рухнул на пол, но от ужаса нашел силы подняться, нащупал дверь и принялся дергать засовы. Однако руки тряслись, и в темноте ничего не было видно. Не успел он отпереть один замок, как сзади по голому полу прогремели шаги. Рэнсома схватили за плечи и ноги. Он забился и завертелся, заорал во всю глотку, тщетно надеясь на чью-нибудь помощь. В одно дивное мгновение дверь вдруг распахнулась, и свежий ночной ветер дунул в мокрое от пота лицо; Рэнсом, торжествуя, увидел звезды и даже свой собственный рюкзак на крыльце. А потом на голову обрушился сокрушительный удар, сознание померкло, и напоследок он почувствовал, как его втаскивают обратно в темный коридор, а дверь с треском захлопывается.

Глава III

Очнулся Рэнсом в незнакомой темной комнате. Ужасно болела голова, от слабости он едва мог шевельнуть рукой, поэтому не сразу осознал, где находится. Утерев со лба обильный пот, он понял, что в помещении, чем бы оно ни было, на удивление жарко. Он сбросил с себя простыню и потрогал стену справа от кровати – не просто теплая, а горячая! Левой же рукой Рэнсом нашарил лишь пустоту, причем там воздух был более прохладным; вероятно, жар шел от стены.

Он ощупал лицо – под левым глазом обнаружился большущий отек. Тут же вспомнилась драка с Уэстоном и Дивайном. Рэнсом огляделся. Сверху проникал слабый свет: в темноте были видны руки. Над самой головой через окошко был виден квадрат ночного неба, так густо усеянного звездами, словно там, снаружи, стояла морозная ночь. Звезды точно бились в агонии или мучительном наслаждении – так ярко они пульсировали; их россыпь, бессчетная, разбросанная в непроглядной черноте, притягивала взгляд, волновала, тревожила... Рэнсом испуганно подскочил на кровати. Голову пронзило болью, и он вспомнил об отраве, которой его опоили. Все ясно: должно быть, наркотик каким-то образом воздействовал на зрачки, поэтому-то небо и кажется неестественно светлым. Однако тут в самом уголке окошка показалось слабое зарево, как будто из-за горизонта выползло миниатюрное бледное солнце. Спустя несколько минут в окно вполз шарик полной луны. Рэнсом в недоумении застыл. Никогда еще он не видел луну столь огромной и ослепительно-белой. «Как футбольный мяч прямоком за стеклом, – подумалось ему, и тут же: – Нет, еще больше!» Да, с глазами точно творится нечто странное: луна просто не бывает такой крупной.

Свет необъятной луны залил все помещение, словно настал солнечный день. Комната, где заперли Рэнсома, тоже оказалась престранной. Совсем крохотный пол едва вмещал кровать и стул возле нее, а потолок – раза в два шире, и стены уходили вверх под наклоном, отчего складывалось впечатление, будто лежишь на дне глубокой тесной тачки. Видимо, со зрением и впрямь беда – и хорошо если на время, а не навсегда!

В остальном, впрочем, Рэнсом чувствовал себя гораздо лучше, он даже испытывал неожиданную легкость на сердце и приятное волнение в душе. Правда, по-прежнему было очень жарко, так что он, сбросив лишнюю одежду, остался в рубашке и брюках. Потом решил встать, чтобы оглядеться, но тут случилось нечто вовсе невообразимое, отчего Рэнсом опять помянул недобрым словом выпитую отраву с ее побочными эффектами. Вроде бы он двигался не резко, однако слетел с кровати так прытко, что взмыл в воздух, саданулся лбом об острый угол окна и кулем рухнул на пол у противоположной стены. Той самой, которая по подсчетам должна располагаться под наклоном, словно боковина тачки. Как бы не так! Рэнсом ощупал ее, пристально оглядел – она совершенно точно располагалась под прямым углом. Он снова встал, на сей раз соблюдая меры предосторожности. Во всем теле испытывалась необычайная легкость – буквально вот-вот взлетишь. В голову впервые закралось нехорошее подозрение: уж не умер ли он и не стал ли призраком?.. Рэнсом вздрогнул, но тут же, благодаря многолетней привычке рассуждать рационально, отогнал эту глупую мысль. И решил осмотреть свою тюрьму. Результат получился удивительным: складывалось впечатление, будто все стены располагаются под наклоном и потолок гораздо шире пола. На деле же стоило подойти ближе, как выяснялось, что каждая стена совершенно прямая: не только на вид, но и на ощупь, если пальцами измерить угол между ней и полом. Обнаружились и два других прелюбопытнейших факта: все поверхности были выстланы металлом и тихонько вибрировали, причем почти как живой организм, а не механический двигатель. И пусть дрожь эта почти не ощущалась, тишину нарушали другие звуки: металлический лязг и неровное постукивание откуда-то сверху. Словно стальную камеру, в которой заперли пленника, то и дело осыпали короткими автоматными

очередями. Вот теперь Рэнсом испугался по-настоящему. Причем испытал он не банальный страх человека, угодившего вдруг в разгар боевых действий. Голову вскружила паника, почти неотличимая от обычного волнения; он словно замер на краю пропасти, готовый сорваться в бездну чудовищного ужаса или экстатической радости.

Итак, вряд ли его заперли в подводной лодке. От передвижения на колесах подобной вибрации тоже не будет... Значит, он на корабле, или, возможно, в каком-нибудь дирижабле... Однако это все равно не объясняет той нелепицы, которая происходит с органами чувств. Озадаченный, Рэнсом сел на кровать и уставился на жуткое светило в небе.

Хорошо, пусть дирижабль или аэроплан. Почему луна такая огромная? Даже больше, чем сперва казалось... Не бывает она таких размеров. Подсказка билась в глубине сознания, но Рэнсом от ужаса гнал абсурдные подозрения. А еще он задохнулся от поистине чудовищной мысли: сегодня луна вообще не может быть круглой! Из Наддербии он шел практически в полной темноте, не мог же крохотный серпик месяца за несколько часов вдруг взять и вырасти?! Превратиться в необъятный диск, одержимый манией величия? Какой там футбольный мяч – диск уже не меньше детского обруча, закрывает полнеба! И где привычное лицо старухи, много поколений взирающей свысока на людей?

Выходит... это вовсе не луна?

У Рэнсома от ужаса зашевелились волосы.

За спиной вдруг что-то хлопнуло, и он невольно повернулся на шум. Дверь открылась, впуская в комнату сноп ярких лучей. На пороге возник крупный голый мужчина. Уэстон. Однако Рэнсом не обрушился на него с упреками, вопросами или мольбами, он не удостоил пришельца даже лишнего взгляда – все его внимание занимал жуткий шар над головой. Уэстон был лишь обычным человеком, притом знакомым, привычным, можно сказать.

Его появление сломило стену нервного напряжения, которое долгое время не давало Рэнсому сорваться в бездну отчаяния.

– Уэстон! Уэстон! Что это?! Это же не луна? Она ведь такой не бывает, правда?..

– Конечно, не луна, – отозвался тот. – Это Земля.

Глава IV

У Рэнсома подкосились ноги, и он, не заметив того, упал на кровать. Им овладела паника. Он не сознавал даже, чего именно боится; бесконечный, невнятный ужас затопил все его существо. Вот бы лишиться сознания, уснуть, умереть... а лучше всего проснуться и обнаружить, что это не более чем кошмар! Увы... Наконец к нему вернулось самообладание, эта полулицемерная добродетель образованного человека, и Рэнсом сумел заговорить без позорной дрожи в голосе.

– Земля?

– Безусловно.

– Где же мы?

– В восьмидесяти пяти тысячах миль от нее.

– Хотите сказать... в космосе?

Последнее слово Рэнсом выдал шепотом: так перепуганные дети говорят о призраках, а безутешные пациенты – о раке.

Уэстон кивнул.

– Зачем? – спросил Рэндом. – И на черта вы меня похитили? И как вообще вам удалось?..

Сперва Уэстон помедлил, словно не собираясь отвечать, затем все-таки передумал, сел на кровать рядом и заговорил:

– Полагаю, лучше ответить на все вопросы разом, нежели месяц терпеть ваши приставания. Как нам удалось? Хотите знать устройство корабля? Объяснять не буду, все равно не поймете. Разобраться, как он работает, смогли бы человека три или четыре на всем свете. Даже будь вы физиком по образованию, я все равно не стал бы делиться секретами. Хотя если в двух словах – люди, далекие от настоящей науки, отчего-то всегда любят, чтобы знания им разжевали и положили в рот, – то мы используем неизученную прежде энергию солнца. Второй вопрос: зачем? Мы направляемся к Малакандре, чтобы...

– Малакандра – это такая звезда?

– Надо же иметь в голове хоть немного соображения и понимать, что за пределы Солнечной системы нам не выйти! Малакандра находится гораздо ближе любой звезды, мы доберемся до нее примерно за двадцать восемь дней.

– Нет ведь такой планеты – Малакандра... – возразил Рэндом.

– Я использую настоящее ее название, не тот бред, который придумали земные астронавты, – отмахнулся Уэстон.

– Что за глупости? Откуда вам знать настоящее название?

– От ее обитателей.

Эти слова Рэнсом переварил не сразу.

– Вы уже бывали на этой звезде... планете или как ее там?

– Да.

– Думаете, я поверю?! Это же, черт возьми, такое событие! Почему тогда о нем никто не слышал? Где новости в газетах?!

– Мы не совсем идиоты, чтобы трепать зря языком! – огрызнулся Уэстон.

После долгой паузы Рэнсом заговорил снова:

– Так что это за планета по нашей терминологии?

– Повторяю еще раз: я вам не скажу. Если выясните сами на месте – ради бога. До ваших научных изысканий мне не будет никакого дела. А пока вам эти знания ни к чему.

– Но, по вашим словам, планета обитаема? – уточнил Рэнсом.

Уэстон смерил его странным взглядом и кивнул.

Клубок противоречивых эмоций, владевших Рэнсомом, вдруг вылился в дикий гнев.

– Я-то здесь при чем?! – вспыхнул он. – Вы на меня напали, опоили какой-то дрянью и заперли в этой адской штуковине. Что я вам сделал?

– Сперва объясните, зачем вы как последний воришка влезли ко мне в дом! Не совали бы нос не в свои дела – вас бы здесь не было. Да, признаю, нам пришлось нарушить некоторые ваши права. Однако могу сказать в свою защиту, что великая цель оправдывает любые мелкие прегрешения. Насколько мне известно, то, что мы делаем, – совершенно беспрецедентно не только для человечества, но и, может быть, для всей Вселенной. Мы сумели покинуть крохотный островок материи, на котором появился наш вид, и теперь в руках человеческого рода бесконечное пространство и, вероятно, даже время. Должно же вам хватить ума, надо понимать, что по сравнению с этим судьба одной человека – да что там, хоть миллиона людей – ничто!

– Никогда не соглашусь. Я всегда выступал и буду выступать против опытов на людях! – парировал Рэнсом. – Однако вы так и не ответили. Зачем я вам нужен? Что я должен делать на этой, как ее там, Малакандре?

– Понятия не имею, – пожал плечами Уэстон. – Это не наша затея. Мы всего лишь выполняем приказ.

– Чей приказ?

Уэстон замолчал.

– Поймите, – проговорил он наконец, – вы снова и снова задаете вопросы, на которые я не могу ответить: или потому что сам не знаю, или потому что вы не поймете объяснений. Дорога будет куда приятнее для всех, если вы смиритесь со своей участью и не будете к нам приставать. До чего ж было бы проще, не будь вы столь узколобым эгоистом! Роль, которая вам выпала, воодушевила бы любого; последний червяк согласился бы на такую жертву, имея он хоть немного мозгов. И не поймите превратно: пожертвовать придется исключительно временем и свободой. Вашей жизни практически ничего не грозит.

– Что ж, – сдался Рэнсом, – все козыри у вас на руках, должен же я извлечь хоть немного пользы из ситуации. Как по мне, ваша философия жизни – полный бред. Все эти рассуждения о бесконечном пространстве и времени – не более чем попытка оправдать свое стремление вытворять что хочется: мол, тогда некие существа, ведущие свой род от человека, протянут на пару веков подольше!

– Вот именно – ради этого можно творить что угодно! – сурово возразил ученый. – И любой, кто уважает истинную науку, а не всякую чепуху вроде истории или литературы, со мной согласится. Советую вам запомнить мое мнение. А пока давайте пройдем в соседнюю комнату и позавтракаем. Только двигайтесь осторожно: по сравнению с Землей здесь вы практически ничего не весите.

Рэнсом встал, и его похититель открыл дверь. Помещение тут же затопило ярким золотым сиянием, затмившим тусклое свечение Земли.

– Сейчас дам вам темные очки, – сказал Уэстон, проходя в комнату, откуда лился свет.

Рэнсому показалось, будто тот шагнул в гору, а потом в один миг пропал из виду. С немалой осторожностью он последовал за ним. Возникло чувство, словно он приближается к обрыву: та, вторая комната отчего-то завалилась набок, и ее дальняя стена лежала почти на одном уровне с полом его спальни. Однако когда Рэнсом рискнул переставить ногу, пол оказался вполне ровным, стены вдруг встали как надо, и закругленный потолок очутился над головой. Оглянувшись, он увидел, что запрокинулась уже спальня: ее потолок стал стеной, а одна из стен – полом.

– Скоро привыкнете, – бросил Уэстон, заметив его взгляд. – Корабль выстроен в форме шара, и здесь, когда мы за пределами гравитационного поля Земли, нас притягивает к собственному металлическому ядру, которое находится в центре. Само собой, мы это предусмотрели и специально с таким расчетом построили судно. Ядро полое, там хранятся припасы, а его внешняя поверхность – наш нынешний пол. Вокруг расположены каюты, их стены – пере-

городки, на которых держится внешний шар, – по нашим меркам крыша. Поскольку «пол» всегда внизу, то участок, на котором вы стоите, кажется горизонтальным, а ближайшие стены – вертикальными. Внутренний шар довольно маленький, вы можете за него заглянуть – все равно что за горизонт, будь вы ростом с блоху – и увидеть стены и пол соседней комнаты в другой плоскости. На Земле происходит то же самое, естественно; просто мы не замечаем из-за ее габаритов.

После этих объяснений Уэстон довольно бесцеремонно предложил своему то ли гостю, то ли пленнику устроиться поудобнее. Рэнсом по его совету снял всю одежду и нацепил стальной пояс с грузами, призванный компенсировать непривычную легкость тела. Кроме того, он надел темные очки и позволил усадить себя за небольшой стол, накрытый к завтраку. Рэнсом успел изрядно оголодать и измучиться от жажды, поэтому жадно накинулся на еду: мясные консервы, булочки с маслом и кофе.

Правда, жевал он машинально, не замечая вкуса. Первая трапеза на борту космического судна не оставила совершенно никаких воспоминаний, кроме яркого света и жары. На Земле они были бы невыносимыми, но здесь, на борту, воспринимались совсем иначе. Свет при всей его ослепительности казался бледнее обычного, не такой белый, как дома, а словно бы золотистый и оставлявший на удивление резкие тени.

Что до жары, то она, совершенно сухая, давила на тело сильными руками массажиста и вызывала не сонливость, а, напротив, неожиданную бодрость. Головная боль прошла, Рэнсом как никогда ощущал прилив сил, храбрость и воодушевление. Постепенно он осмелился поднять голову к потолку. Окна были затянуты железными ставнями, оставляя лишь крохотную щель, прикрытую к тому же плотным темным материалом, и даже сквозь него невыносимый свет резал глаза.

– Я всегда думал, что в космосе темно и холодно, – смущенно заметил он.

– Забыли про солнце? – презрительно отозвался Уэстон.

Какое-то время Рэнсом ел молча. Наконец заговорил снова:

– Если уже рано утром такое творится...

И сразу осекся, увидев, как перекосило его собеседника. На миг стало жутковато: здесь ведь не бывает ни утра, ни вечера, ни ночи – лишь бесконечный полдень царит на миллионы, миллиарды кубических миль вокруг.

Рэнсом снова взглянул на Уэстона. Тот предупреждающе вскинул руку.

– Молчите. Все, что нужно, мы уже обсудили. На борту слишком мало кислорода, чтобы тратить его на пустые разговоры.

Потом он встал и, не позвав за собой Рэнсома, вышел в одну из многочисленных дверей, которые до сих пор были закрыты.

Глава V

Казалось бы, дни, проведенные на космическом корабле, должны были отложиться в памяти Рэнсома как полные ужаса и тревоги. Его отделяли от Земли астрономические расстояния, а тем двоим представителям человеческой расы, что разделяли с ним тяготы путешествия, ни в коем случае нельзя было доверять. Куда его везут, зачем? Похитители наотрез отказывались говорить о своих мотивах. Дивайн и Уэстон по очереди сидели в помещении, куда Рэнсома не пускали; видимо, там находился пульт управления кораблем. Уэстон, сменившись с дежурства, практически все время хранил молчание. Дивайн был более словоохотлив и частенько болтал с пленником, громко при этом хохоча, так что Уэстон не выдерживал и начинал колотить в перегородку, требуя не тратить попусту воздух. Однако и Дивайн всегда замолкал, стоило разговору свернуть в определенное русло. Впрочем, он всегда был готов высмеять идеалиста Уэстона. Похоже, самому ему было плевать и на будущее человеческого рода, и на контакты двух инопланетных рас.

– На Малакандре есть что поважнее, – добавлял он, подмигивая.

Когда же Рэнсом спрашивал, что именно, бывший однокашник лишь ухмылялся в ответ и начинал разглагольствовать о бремени белого человека и благах цивилизации.

– Так планета обитаема? – пытался выяснить хоть какие-то подробности Рэнсом.

– А, в таких делах всегда встает вопрос коренного населения! – отмахивался Дивайн. По большей части он рассуждал о том, что будет делать по возвращении на Землю, и планы его неизбежно сводились к дорогим яхтам, шикарным женщинам и роскошным пляжам Ривьеры. – Ради пустой забавы рисковать бы я не стал.

Если Рэнсом спрашивал об уготованной ему роли напрямую, в ответ слышал лишь тишину. Только однажды Дивайн, видимо, не совсем трезвый, признался, что на него хотят «спихнуть кой-какую грязную работенку».

– Уверен, уж вы-то честь мундира не посрамите, – с усмешкой добавил он.

Все это, само собой, вызывало немалую тревогу. Однако, странное дело, Рэнсом практически не волновался. К чему бояться туманного будущего, если нынче все так чудесно? С одного борта корабля царила вечная ночь, с другого – бесконечный день, и оба были на удивление прекрасны. Рэнсом в полном восторге переходил из помещения в помещение. Ночью, которую можно было устроить простым поворотом дверной ручки, он долгие часы лежал на спине и созерцал небо. Диск Земли давно скрылся из виду, и оно щедро, словно нестриженный газон – маргаритками, было усыпано звездами, чью власть не оспаривали ни облака, ни лунный месяц, ни солнечный свет. Перед глазами плыли величественные планеты и невиданные прежде созвездия: небесные сапфиры, рубины, изумруды и капли расплавленного золота; в левом углу притаилась крохотная далекая комета, а вокруг – бездонная таинственная чернота, куда более осязаемая, нежели на Земле. Растянувшись голый в постели, точно Даная под божественным золотым дождем, Рэнсом все более проникался верованиями древних астрологов: он то ли воображал, то ли и впрямь чувствовал, как «небесное мерцание»⁵ изливается на его покорное тело.

Царила полная тишина, нарушаемая стальным позвякиванием. Теперь Рэнсом знал, что его издают метеориты, крохотные частицы космической материи, которые то и дело колотят по полюсу корпусу корабля; знал он и то, что в любой момент их может ждать встреча с более крупным объектом, который превратит в горстку метеоритов сам корабль с его обитателями. Однако страшно не было. Наверное, Уэстон неспроста называл его узколобым... Слишком

⁵ Джон Мильтон. «Потерянный рай». Книга 7:... Плеяды и ЗаряКружились в хороводе и, вождюПредшествуя, приятное вокругНеяркое мерцанье изливали.(Пер. А. Штейнберга.)

уж невероятным выходило это путешествие сквозь застывшую в своем торжестве Вселенную, чтобы вызывать какие-то другие эмоции, помимо благоговейного восторга. Впрочем, дни – точнее, часы, проведенные на освещенной солнцем половине их крохотного мирка, – были несравненно лучше. Зачастую Рэнсом, отдохнув лишь пару часов, торопливо возвращался на светлую сторону. Его не переставало удивлять, что в любой миг, когда ни пожелай, там ждет полдень. Он купался в волнах чистейшего эфирного света: растянувшись на полу колесницы, которая с легкой дрожью влекла их сквозь космические глубины, где не властвовала ночь, прикрывал глаза и подставлял себя теплым лучам, омывавшим его и заполнявшим живой энергией. Уэстон как-то нехотя пояснил в двух словах, чем с научной точки зрения вызваны эти необычайные ощущения: мол, на корабль воздействует множество лучей, которые не способны проникнуть сквозь земную атмосферу.

Впрочем, сам Рэнсом со временем нашел другую, более духовную причину столь светлого настроения и ликования в душе. Он понемногу избавлялся от фобии, навеянной стараниями современной науки. Слишком много книг нынче писали о «космическом пространстве», и под влиянием этих текстов в голове складывался образ черной ледяной пустыни, разделяющей миры. Прежде Рэнсом и не сознавал, насколько сильны его заблуждения, – пока сам не оказался посреди океана небесного сияния, столь дивного, что называть его «пространством» не поворачивался язык. Как можно считать это место безжизненным, если жизнь струится из него каждую секунду? Ведь именно в космическом океане и зародились планеты со всеми своими обитателями. Нет, никакое это не «пространство». Древние мыслители были куда мудрее, когда называли его «небесной сферой» – небесами, возвещавшими божественную славу.⁶

«Край счастливый, где вовеки день не опускает веки, в небе голубом горя»⁷ – Рэнсом не раз с любовью вспоминал эти строки Мильтона. Хотя он, конечно же, не все время валялся на солнышке. Рэнсом исследовал (насколько ему позволялось) корабль, облазил все комнаты, переходя из одной в другую неспешно, по указке Уэстона, велевшего ни в коем случае не передвигаться резко, иначе воздуха уходит больше обычного. Из-за особенностей круглой конструкции многие помещения были пусты; правда, Рэнсом не сомневался, что на обратной дороге его похитители – Дивайн-то уж точно! – набьют их под завязку. Кроме того, он взвалил на себя обязанности стюарда и кока. Отчасти потому, что сам хотел быть полезен, а в рубку, естественно, его не пускали; отчасти потому, что Уэстон все равно сделал бы из него мальчика на побегушках (такой уж он человек), а Рэнсом предпочитал быть добровольцем, нежели прислугой. Да и готовил он лучше своих спутников.

Благодаря новым обязанностям Рэнсом однажды подслушал разговор, который изрядно его встревожил. В тот день он вымыл после ужина посуду, полежал на солнце, перекинулся парой слов с Дивайном – более болтливым, нежели Уэстон, но при этом куда более мерзким – и в обычное время лег в постель. Однако что-то не давало ему покоя, и спустя час или два он вдруг вспомнил о своем намерении сделать с вечера кое-какие приготовления к завтраку. В камбуз можно было попасть через кают-компанию, где всегда царил день; он находился по соседству с рубкой. Рэнсом не медля встал и вышел, неслышно ступая босыми ногами по полу.

Хотя окно в камбузе выходило на темную сторону, Рэнсом не стал включать свет: в открытую дверь и без того лилось солнце. Дел по хозяйству, само собой, оказалось больше ожидаемого, но Рэнсом за долгие дни успел приноровиться и почти не шумел. Только он закончил и принялся вытирать полотенцем, висевшим у входа, руки, как вдруг услышал, что дверь рубки отворилась и в кают-компанию вышел человек – кажется, Дивайн. Стоя на пороге, тот обернулся и завел разговор с тем, кто оставался внутри. Поэтому его реплики Рэнсом слышал хорошо, а вот ответы Уэстона разобрать не мог.

⁶ Псалом 18: *Небеса возвещают о славе Господней, свод небесный возвещает о творениях Его.*

⁷ Джон Милтон. «Комос» (пер. Ю. Корнеева).

– По-моему, план очень глупый, – сказал Дивайн. – Ладно, если эти твари будут ждать нас на месте высадки, а если нет? Вдруг придется искать их? Предлагаете усыпить его и тащить на себе всю дорогу? Нет уж, пусть лучше сам идет и свой рюкзак тащит.

Уэстон что-то ответил.

– Откуда же ему знать? – возразил Дивайн. – Разве только какой дурак проболтается... Да если он что и заподозрит, думаете, ему хватит мужества сбежать на чужой планете? Без еды, без оружия?.. Да он на сорна едва взглянет, в ногах у нас будет валяться.

И снова до Рэнсома донеслось неясное бормотание.

– Понятия не имею, – огрызнулся Дивайн. – Может, он у них вместо вождя, а может, тамошний божок.

Уэстон что-то коротко буркнул. Дивайн тут же отозвался:

– Теперь ясно, зачем он им нужен.

Уэстон задал еще какой-то вопрос.

– Ради человеческого жертвоприношения, небось. Хотя для них, может, и не «человеческого», я ж не знаю, как они нас называют. Но вы поняли, о чем я.

На сей раз Уэстон разразился целой тирадой, вызвавшей у Дивайна обычный саркастический смешок.

– Само собой! Естественно, вы поступаете так из самых высших побуждений! Делайте что душе угодно, пока ваши действия не идут вразрез с моими целями.

Уэстон все не унимался, и Дивайн, не вытерпев, перебил:

– Вы что, струсить вздумали?

Он помолчал недолго, словно прислушиваясь, и наконец продолжил:

– Раз эти твари вам так по душе, можете оставаться, женитесь на местной дамочке... если они вообще не бесполое. Нечего о них переживать! Надо будет, спасем вам парочку в итоге, станут вместо домашних зверушек: хотите режьте их, хотите на поводке выгуливайте. Да, знаю, они омерзительны. Я пошутил. Спокойной ночи.

Дивайн закрыл дверь рубки, прошел через кают-компанию и скрылся у себя, как всегда, зачем-то заперевшись изнутри. Рэнсом тихонько выдохнул и на цыпочках вышел из каюта. Конечно, разумнее было бы как можно быстрее вернуться в постель, и все же он застыл посреди кают-компания, с каким-то новым чувством любясь небесным сиянием. Где же им предстоит спуститься с этих райских вершин? Сорны, жертвоприношения, омерзительные бесполое существа... Собственная роль в спектакле теперь стала ясна. Он понадобился кому-то на Малакандре. Не он лично – вообще любая жертва с Земли. А выбрали именно Рэнсома – и все из-за Дивайна, который, очевидно, все эти годы его ненавидел...

Любопытно, что за сорны – те самые, при виде которых он будет валяться у Дивайна в ногах? В мыслях замельтешили кошмарные образы, позаимствованные из книг Герберта Уэллса и прочих фантастов. Их миры населяли чудища, во много раз превосходившие по жути античных и средневековых химер. Насекомоподобные, пресмыкающиеся, ракообразные монстры с длинными щупальцами, скрипучими крыльями, покрытые слизью, а самое главное, со сверхчеловеческим интеллектом и ненасытной кровожадностью – таким созданиям самое место на другой планете. Наверное, сорны... сорны...

Нет, Рэнсом не осмеливался их даже представить. И его собираются им отдать! Это еще хуже, чем просто попасть на зуб неведомому хищнику. Его перевяжут ленточкой, вручат на блюдечке жутким тварям! В воображении рисовались различные несовместимые детали: торчащие глаза, зубастые челюсти, рога, клыки и жала... Природное отвращение к насекомым, змеям и прочим гадам, которых надо немедленно раздавить, брало свое, заставляя трепетать от ужаса. Однако Рэнсом знал, что в действительности будет еще хуже: ему предстоит столкнуться с внеземным разумом, обладавшим собственной, непостижимой человеческому уму логикой.

В один миг пришло решение. Пусть он погибнет – но не от лап сорнов. На Малакандре при первой же возможности надо сбежать. Умереть от голода, попасть в западню – все лучше, чем самому пойти на заклание. Если же сбежать не выйдет, он покончит с собой. Человек набожный, Рэнсом надеялся, что этот грех ему простят. Все равно другого пути нет – как не дано человеку отрастить третью руку. Не мешкая, он прокрался в камбуз и выбрал самый острый нож, решив впредь каждый миг держать оружие при себе.

Страхи так его вымотали, что, вернувшись, он упал на кровать и сию же секунду провалился в глубокий сон без сновидений.

Глава VI

Проснулся Рэнсом бодрым и даже с чувством легкого стыда за свой вчерашний страх. Да, он угодил в серьезную передрыгу, и шансы вернуться на Землю живым очень невелики. Однако гибель можно встретить достойно, преодолев вполне разумный страх перед смертью. Беда в том, что куда сложнее совладать с подсознательным животным ужасом перед тошнотворными чудищами. Впрочем, и его Рэнсом сумел немного побороть, пока после завтрака грелся на солнце. Не пристало созданию, парящему в небесах, унижать себя страхом перед ползучими тварями, не способными оторваться от земли! Тем более что ножом можно резать не только свою плоть...

По правде, столь воинственный настрой был Рэнсому совсем не свойственен. Побывав некогда на поле боя, он был столь потрясен увиденным, что мигом позабыл детские мечты о ратных подвигах и перестал считать себя человеком отважным. Возможно, нынешней твердости духа надолго ему не хватит, и все же он твердо был намерен бороться до последнего.

Часы по-прежнему сменяли друг друга, солнце по-прежнему сияло в зените, но понемногу Рэнсом замечал изменения. Жар начал спадать. Путешественникам пришлось снова облачиться в одежду. Потом надеть теплое белье. Затем и вовсе включить обогреватель. Свет тоже теперь казался менее ярким, нежели в начале путешествия. Впрочем, разум по-прежнему не желал воспринимать тускнеющие лучи как «закат», ведь солнечное сияние было столь же неземным, как и в первые минуты. На Земле меркнувший свет из-за влажного воздуха наливался призрачными оттенками всех цветов радуги; здесь же яркость могла уменьшиться вдвое и даже вчетверо, однако своей природы свет не менял. Он будет собой, покуда не потеряет последние искры. Рэнсом как-то заговорил об этом с Дивайном.

– Совсем как мыло, да? – усмехнулся тот. – Пенится до последнего кусочка.

Вскоре привычный ритм жизни на корабле изменился. Уэстон объявил, что они входят в гравитационное поле Малакандры.

– Притягивать нас будет уже не к сердцевине корабля, а к планете – то есть «низом» станет рубка. Соответственно, почти во всех отсеках полом станет стена, а то и вовсе потолок. То еще веселье...

Его слова предзнаменовали начало долгой тяжелой работы по перетаскиванию груза на пару с Дивайном или Уэстоном, когда те были не на дежурстве в рубке. Бочонки с водой, кислородные баллоны, оружие, боеприпасы, продовольствие надлежало сложить на полу у стены, которая вскоре должна очутиться «внизу».

Первые изменения начались еще до конца работы. Сперва Рэнсом ощутил в ногах непривычную тяжесть, которую списал на усталость. Отдых тем не менее облегчения не принес. Ему пояснили, что корабль приближается к гравитационному полю планеты и беспрестанно набирает вес: каждые двадцать четыре часа тот удваивается. В общем, путникам предстояло испытать на себе все прелести беременности, причем многократно увеличенные.

Умение ориентироваться в пространстве – и без того изрядно страдавшее на ограниченной площади корабля – теперь отказывало напрочь. Если смотреть из одной каюты в другую, прежде пол выглядел кривым, но хотя бы под ногами ощущался ровным; теперь же при переходе чувствовался ощутимый спуск или подъем. Волей-неволей приходилось передвигаться чуть ли не бегом. Подушки, брошенные на пол в центре кают-компаний, через час-другой сползали к стене. Все трое мучились от тошноты, головной боли и сердечной аритмии. С каждым часом становилось только хуже. Вскоре из каюты в каюту можно было передвигаться лишь ползком. Верх и низ поменялись местами. Во многих отсеках пол очутился над головой, и по нему теперь могла разгуливать разве что муха. В общем, все окончательно перевернулось с ног на голову. То и дело возникало ощущение, будто падаешь с невероятной высоты. Про кули-

нарные изыски, естественно, пришлось забыть, перекусывали чем придется. Хуже всего дело обстояло с питьем – не было уверенности, что горлышко бутылки действительно возле рта, а не где-нибудь сбоку. Уэстон стал еще более мрачным и неразговорчивым. Дивайн, не выпуская из рук фляги, сыпал страшными ругательствами и проклинал Уэстона, затеявшего эту авантюру. Рэнсом, беспрестанно облизывая сухие губы, потирал болезненные ушибы и молился, чтобы все поскорее закончилось.

Настал час, когда одна из сторон шара несомненно начала перевешивать. Кровати и столы теперь по-дурацки торчали со стен и потолка. Тела словно налились свинцом. Слава богу, хоть с работой было покончено...

Наконец Дивайн распаковал сверток с одеждой – той самой, которая предназначалась для Малакандры. Рэнсом обратил внимание, что вещи теплые: шерстяное белье, овчинные куртки, меховые перчатки и шапки. Однако от вопросов Дивайн отмахнулся. Присев на корточки, он разглядывал термометр, закрепленный на стене кают-компания (которая теперь стала полом), и перекрикивался с Уэстоном в рубке.

– Тише, тише! Тормозите уже, чертов вы идиот! Мы вот-вот войдем в атмосферу. – И вдруг раздраженно рявкнул: – Все, хватит! Пустите меня, я сам посажу эту штуковину!

Уэстон не отвечал. Дивайн разорвался попусту, что было на него не похоже. Видимо, он совсем потерял голову – то ли от страха, то ли от волнения.

И внезапно огни Вселенной погасли. По небесному лику будто провели грязной тряпкой, и сказочное сияние, так долго их озарявшее, враз потускнело, посерело, выцвело до уныло-серых тонов. Ставни очутились внизу, до них было не дотянуться, и в кают-компания стало совсем темно. Колесница, прежде парившая в лучах сказочного эфира, в одно мгновение превратилась в темную стальную коробку, стремительно летящую куда-то вниз. Словно их низвергли с небес... Рэнсому впервые с момента похищения стало горько. Как мог он прежде думать о планетах – даже о родной Земле – как об островках жизни посреди смертоносной пустыни? Отныне он был уверен, что планеты – «земли», как Рэнсом их про себя именовал, – не более чем дыры, прорехи в живой ткани небес, ошметки тяжелой материи и мутного воздуха, отринутые в силу своей бесполезности. Они лишь умаляют небесное величие! Хотя... где-то там, далеко за пределами Солнечной системы, то сияние тоже неизбежно заканчивается. Что там – реальная пустота? Истинная смерть? А может... Рэнсом изо всех сил пытался поймать ускользавшую мысль. Вдруг сияние – это тоже ненужная толика чего-то еще более великого? Чего-то поистине грандиозного, по сравнению с которым неизменные небеса кажутся столь же унылыми, как и тусклые неповоротливые планеты?..

Глава VII

– Что-то вы притихли, – насмешливо протянул Дивайн. – Надоели новые планеты, а?

– Видите что-нибудь? – перебил его Уэстон.

– Заслонку, чтоб ее, заклинило! – пожаловался тот. – Проще сразу открыть люк.

Рэнсом очнулся от раздумий. Рядом в полумраке копошились его спутники. Было холодно, тело невыносимо тянуло к земле, хотя весил он здесь меньше, чем дома. Рэнсома охватили смешанные чувства, но страх тускнел перед неистовым любопытством. Пусть вскоре его ждет гибель – зато интересно, каков эшафот?!

Стало светлее, потянуло сквозняком. Рэнсом заерзал, пытаясь разглядеть что-нибудь за спинами Дивайна и Уэстона. Наконец те отвинтили последний болт. Люк распахнулся.

В отверстие, само собой, виднелась лишь почва – отчего-то бледно-розовая, почти белая. Трава или горная порода?.. Проем тут же загородила темная фигура Дивайна. Рэнсом заметил у того в руке пистолет. Интересно: для сорнов или для него?..

– Теперь вы, – отрывисто велел Уэстон.

Рэнсом, набрав полную грудь воздуха, проверил, на месте ли нож за поясом, и лишь потом высунул в люк голову и уперся обеими руками в Малакандру. Розовая поверхность на ощупь оказалась мягкой и эластичной, словно резина; значит, растительность. Рэнсом поднял глаза: над ним раскинулось бледно-голубое небо, каким оно бывает на Земле в ясный морозный день; с краю вздымалась большая розовая кипа чего-то вроде густых облаков, и...

– Живей! – рявкнул за спиной Уэстон.

Рэнсом выполз из люка и встал на ноги. Воздух был холодным и горьким, от него немного першило в горле. Первый торопливый взгляд показал только разрозненные цветные пятна, не желающие складываться в цельную картину. Почудилось даже, что вокруг простирается детский пейзаж, намалеванный яркими акварельными красками. Затем Рэнсом понял, что яркосинее пятно почти у самых ног – это вода или что-то на нее похожее. Очевидно, они приземлились на березу реки или озера...

– Подвиньтесь же! – велел Уэстон, проползая мимо.

Рэнсом отвернулся – и обнаружил прямо перед собой, как ни странно, хижину, построенную из незнакомых материалов, но явно на земной манер.

– Здесь есть люди! – выдохнул он. – Они строят дома?

– Не угадали, – хмыкнул Дивайн. – Это наша.

Он вытащил из кармана ключ и отпер вполне обычный на вид замок, висевший на двери. Рэнсом, испытывая то ли разочарование, то ли облегчение, понял: его похитители просто вернулись в свой лагерь. Вели они себя при этом так, будто прилетели обратно на Землю. Зашли в хижину, распахнули окна, понюхали спертый воздух, удивились вслух, сколько с прошлого раза осталось грязи, и снова вышли.

– Надо заняться припасами.

Вскоре Рэнсом понял, что времени полюбоваться здешними видами (не говоря уж о том, чтобы устроить побег) у него не будет. Весь следующий час, если не больше, он вместе с похитителями перетаскивал в хижину ящики с едой, одеждой, оружием и неизвестным содержимым. Впрочем, кое-что выяснить все-таки удалось. Прежде всего, что Малакандра прекрасна. Как ни странно, подобную возможность он даже не допускал. Опять подвело воображение, населившее Вселенную тошнотворными чудовищами, – оно рисовало незнакомую планету как нагромождение голых скал или скопище кошмарных механизмов. С чего бы вдруг такие представления, Рэнсом и сам не понимал. Еще он обнаружил, что синяя вода окружает их как минимум с трех сторон, четвертую же сторону загораживал громадный стальной шар, на котором они прилетели. Вероятно, хижину построили на берегу острова или самом краю мыса. Кроме

того, Рэнсом пришел к заключению, что здешняя вода не просто кажется синей, как земная, — она и впрямь имеет лазурный оттенок. Озадачили его и неестественные на вид волны. Во-первых, для столь слабого ветра они поднимались чересчур высоко, но дело было даже не в этом. Отчего-то при их виде вспоминались морские батальные картины, где вода разлетается брызгами от чугунных ядер. И тут Рэнсома осенило: волны просто неправильной формы: они слишком узкие и крутые, с чересчур высоким гребнем. Точь-в-точь как в описании кого-то из современных поэтов: словно «крепостная стена с зубцами»...

— Ловите! — крикнул Дивайн. Рэнсом поймал мешок и перебросил его Уэстону на пороге хижины.

С одной стороны вода разливалась широко — на четверть мили, если не более, хотя верить глазам в этом непривычном мире не стоило. С другого боку она текла узкой лентой, да еще и по отмели — с журчанием и будто с присвистом. У ближнего берега, где розовато-белая трава росла на самом краю, лопались пузыри и плясали солнечные зайчики — наверное, там со дна выделялся какой-то газ. За работой Рэнсом украдкой разглядывал противоположный берег. Там высилось нечто фиолетовое, вроде заросшей вереском горы; такой же объект наблюдался с другого края широкого пролива. Позади стояли какие-то странные высокие монолиты зеленоватого цвета: для зданий слишком кривые и зазубренные, для скал чересчур тонкие и крутые. А еще дальше высилась розовая куча, напоминавшая облака. Может, то и были облака, только отчего-то эта плотная на вид масса — точь-в-точь гигантский кочан розовой цветной капусты или миска мыльной пены — не сдвинулась ни на дюйм с тех пор, как Рэнсом впервые увидел ее из люка.

Так ничего толком и не разобрав, он принялся разглядывать ближайший берег. Фиолетовая громадина по ту сторону представлялась то ли скопищем органных труб, то ли грудой рулонов ткани, выстроенных вертикально, то ли лесом вывернутых наизнанку зонтиков. Порой по ней пробегало слабое волнение. И вдруг Рэнсома осенило. Растения! Самые настоящие растения, только раза в два выше привычных вязов. Круглые, гладкие и на удивление тонкие стебли — назвать их стволами не поворачивался язык — тянулись футов на сорок и распахивали наверху полупрозрачные листья: большие, размером с корабельную шлюпку. Таким Рэнсом представлял себе подводный лес: столь огромные растения просто не могут вырасти где-то помимо плотной воды. Странно даже, как они держатся в воздухе, не ломаясь под собственной тяжестью... Под стеблями сгустились лиловые сумерки, испещренные солнечными бликами.

— Пора обедать! — внезапно объявил Дивайн.

Рэнсом кое-как разогнул спину — несмотря на холод, он весь взмок. На пороге хижины появился Уэстон, пробормотал, что неплохо бы сперва закончить. Дивайн, однако, его не слушал. Достали банку консервированной говядины с хлебом и уселись на ящики, в огромном количестве валявшиеся между кораблем и хижинкой. Опять-таки не слушая недовольного Уэстона, Дивайн разлил по оловянным чашам виски и разбавил его водой — причем из собственных запасов, не здешней из синего озера.

Только сейчас, оторвавшись от работы, Рэнсом заметил, в каком напряжении пребывал с самого момента высадки. О еде и думать не хотелось. Однако на всякий случай — вдруг выдастся шанс сбежать? — он заставил себя съесть больше обычного, и в самый разгар трапезы, ощутив вдруг зверский аппетит, стал жадно поглощать все, до чего только мог дотянуться. Вкус того первого обеда крепко связался в его памяти с чувством неземного трепета (какого он более никогда не испытывал) при созерцании яркого, но смутного пейзажа: с бледно-зелеными шпилями, устремленными в небо на тысячу футов, с шипящей синей газировкой воды и розовой мыльной пеной на горизонте. Рэнсом почти дожевал последний кусок, как Дивайн вдруг встрепенулся, точно собака, и схватил Уэстона за плечо. Кивнув друг другу, его похитители встали. Рэнсом, залпом допив остатки виски, тоже поднялся. Те, достав револьверы, подтолкнули его к берегу узкой реки, указывая на ту сторону.

Сперва он не понял, в чем дело. Среди фиолетовых растений порой мелькали другие, более тонкие и светлые стволы, но Рэнсом на них не глядел; вспомнив о своих страхах, он обшаривал взглядом землю, ожидая, когда же из леса выползет рептилоидный гад или иная жуткая тварь. И вдруг заметил в воде отражение белых деревьев: четыре, нет, пять или даже шесть тонких неподвижных стеблей. Он вскинул глаза. Так и есть – на берегу застыли шесть высоких, в два-три человеческих роста, веретенообразных изваяния. Нечто вроде каменных статуй, оставшихся на Земле от первобытных племен, – Рэнсому доводилось видеть их изображения в книгах по археологии. До чего эти штуки странные! Как они вообще держатся вертикально, их ведь должно свалить первым порывом ветра: на таких-то тощих жердочках ног и с необъятно широкой грудью. Фигуры смутно напоминали очертаниями человека, только отраженного в кривом зеркале. Из чего же они сделаны? Точно не из металла или камня, потому что на ветру колышутся... И тут Рэнсом смертельно побелел: он понял, что они живые. Что они движутся. Что они идут к нему! Скованный ужасом, он невольно уставился на их лица: худые, неестественно вытянутые, с длинным крючковатым носом и отвислыми губами, застывшими в жуткой гримасе. Рэнсом рванул было прочь, но Дивайн схватил его за плечо.

– Пустите!

– Кончайте душить! – прошипел Дивайн, подняв дуло револьвера.

Одна из тварей подала голос, и громовой трубный звук эхом прокатился по воде.

– Нас зовут, – сказал Уэстон.

Они потащили упиравшегося Рэнсома к берегу. Дивайн и Уэстон уже ступили в воду, но Рэнсом с истошным визгом еще цеплялся за землю. Твари неожиданно издали новый звук – куда более громкий. Уэстон вдруг тоже завопил, и, выпустив Рэнсома, пальнул из револьвера – но не в гостей, а почему-то в воду. Через миг Рэнсом понял почему.

К ним неслась пенная дорожка, похожая на след от торпеды, – какой-то крупный дикий зверь. Дивайн, отчаянно ругнувшись, споткнулся и упал. Сверкнули челюсти, и снова забахал револьвер Уэстона. Белые твари тоже подняли вой и побрели к реке. Рэнсом не стал мешкать. Едва похитители выпустили его из рук, как он ринулся обратно на берег, обогнул космический корабль и со всех ног драпанул в неизвестность. За стальной сферой мелькнула было мешанина из красных, синих и фиолетовых брызг, однако Рэнсом оглядываться не стал. Он галопом влетел в ручей и вскрикнул – не от боли, а от удивления: не ожидал, что вода будет горячей. Через минуту он уже снова был на суше, вскарабкался по крутому склону и нырнул в лиловый сумрак под кроной гигантского леса.

Глава VIII

Непросто бегать по незнакомому миру после чересчур сытного обеда и долгих дней безделья. Спустя полчаса Рэнсом уже не бежал, а брел, зажимая рукой ноющий бок и напряженно вслушиваясь: нет ли погони? Хлопки выстрелов и крики (не только людские) за спиной вскоре сменились грохочущей пальбой из винтовки; потом и они затихли. Повсюду, насколько хватало глаз, Рэнсом видел лишь гигантские стебли, тонувшие в лиловых сумерках. Опахала прозрачных листьев наверху застилали солнечный свет, поэтому в лесу царил торжественный полумрак. Порой Рэнсом, собрав силы, снова переходил на бег. Под ногами мягко пружинила земля, покрытая все той же резиновой травой, пару раз дорогу перебежали какие-то мелкие красные зверьки, но в остальном лес не подавал признаков жизни. Значит, для одинокого путника нет никакой опасности... Если забыть, что он плутает по неведомым зарослям без еды и питья в тысячах или даже миллионах миль от человеческого мира.

Рэнсом вспомнил о сорнах – а то несомненно были именно они, те самые существа, которым его собирались отдать. Они не имели ничего общего с кошмарными образами, которые успела нарисовать фантазия, потому-то их появление и застало его врасплох. Куда там Уэллсу со своими кошмарными чудовищами; эти твари, казалось, воплотили в себе все детские, практически забытые страхи Рэнсома. Великаны, людоеды, привидения, скелеты – вот кем они были в его глазах. Призраки на ходулях, пугала с кривыми лицами, словно вышедшие из-под кисти сюрреалиста. И все же паника понемногу отпускала. Полный решимости бороться до последнего, Рэнсом шептал слова молитвы, ощущая за поясом тяжесть ножа. Его охватывало странное чувство привязанности к собственному «я»: он даже едва не сказал вслух: «Будем держаться вместе».

Идти, однако, стало сложнее, и о размышлениях пришлось забыть. Пологий склон уткнулся справа в крутую скалу: видимо, Рэнсом, сам того не замечая, огибал высокий холм, понемногу на него взбираясь. Дорогу теперь то и дело преграждали каменистые гребни, видимо, тянувшиеся от этой самой возвышенности. Отчего-то Рэнсом полез напрямик через них. Видимо, сказались отрывочные представления о земной географии: мол, на низменных участках возле реки лес растет не так густо, а на равнине сорны быстро поймают кого угодно. Карабкаясь по хребтам и оврагам, Рэнсом не переставал поражаться их неожиданной крутизне, хотя преодолевать их было не так уж сложно. Он обратил внимание, что даже самые маленькие холмики ничуть не похожи на земные: слишком узкие возле основания, к вершине они и вовсе заострились. Совсем как те волны на синем озере... Фиолетовые листья, к слову, тоже в подражание холмам тянулись к небу. Края их, невзирая на размеры опухав, не свисали книзу, и со стороны лес походил на скопище огромных вееров. И сорны – Рэнсом содрогнулся – сорны тоже были до отвращения высокими.

Он плохо разбирался в физике, однако все равно предположил, что этот мир меньше Земли, сила притяжения слабее, а значит, природа вольна тянуться к небу, сколько ей угодно. Странно... Куда же его все-таки занесло? На Венеру? Крупнее она или мельче Земли, не помнилось, но там вроде бы должно быть жарче... Может, Марс? Или Луна? От последней мысли, впрочем, Рэнсом быстро отказался: ведь тогда при посадке они видели бы Землю. Впрочем, у Луны есть обратная сторона, поэтому он вполне может блуждать и по неизведанным пространствам земного спутника... Отчего-то вдруг стало еще горше.

В оврагах часто встречались синие шипящие ручейки, бегущие в долину слева. Вода, как и в озере, была горячей и согревала окрестный воздух; во время блужданий Рэнсом то и дело словно попадал из одной климатической зоны в другую. Вскрабкавшись на очередной холм после жаркой ложины, он заметил, что в лесу стало намного свежее. Огляделся и понял, что свет тоже угасает. В своих расчетах Рэнсом совсем забыл про ночь – а кто знает, что на

незнакомой планете сулит темное время суток? Он застыл, вглядываясь в сгущающийся мрак, и порыв холодного ветра вдруг всколыхнул фиолетовые стебли; они закачались, напоминая о своей легкости и гибкости, удивительной для таких размеров. Мигом дали о себе знать голод и усталость, до сих пор отступавшие перед страхом и волнением. Вздвогнув, Рэнсом заставил себя сделать очередной шаг. Ветер усиливался. Листья заплясали над головой, меж ними порой мелькало бледнеющее небо, на котором неожиданно вспыхнули первые звезды. Лес больше не молчал. Рэнсом испуганно озирался, опасаясь хищных зверей, но пока что видел только густеющую тьму.

Он решил устроить привал в одной из лощин. Дальше идти не стоило: впереди могла подстергать опасность, лучше немного перевести дух. Возле ручья он хотя бы не будет мерзнуть... Рэнсом устало переставлял ноги, однако овраги отчего-то больше не попадались. Неужто все остались позади? Он уж было решил вернуться, как земля вдруг ушла из-под ног, Рэнсом поскользнулся и съехал на спине прямиком в воду. Деревьев (он, вопреки очевидному, упрямо именовал про себя эти странные растения «деревьями») здесь практически не было, а сама вода немного мерцала, поэтому ему хватило света оглядеться. Ручей тек под большим уклоном. Влекомый смутным желанием найти для ночлега место «получше», Рэнсом прошел несколько ярдов вверх по течению. Склон стал еще круче. Здесь ручей срывался в небольшой водопад. Вода была еще горячее, чем в озере: видимо, подогревалась подземным источником. Впрочем, Рэнсома волновало лишь одно: можно ли ее пить? Наверное, лучше не испытывать зря судьбу... Может, усталость пересилит и он сумеет уснуть, невзирая на жажду. Рэнсом встал на колени, сполоснул в теплом потоке руки, вытянулся на боку в выемке возле водопада и зевнул.

Неожиданно громкий зев, множество раз звучавший в детской, в школьном общежитии и гостевых спальнях, породил вдруг странное чувство жалости к себе. Рэнсом подтянул к груди колени и обнял их руками. Его захлестнуло почти сыновней любовью к собственному телу. Он поднес наручные часы к уху: стоят. Жалобно, почти хныча, он ругнулся и подумал о людях, которые ложатся сейчас спать на далекой-далекой планете Земля: о мужчинах в клубах и отелях, о женатых отцах семейств и младенцах, дремлющих под бдительным оком нянюшки, о пропавших табаком солдатах, теснящихся в окопах и корабельных кубриках. Отчаянно хотелось хоть с кем-то перемолвиться словом. «Мы с тобой, Рэнсом. Мы тебя не бросим, старик». В голову пришла жуткая мысль: в ручье вполне может обитать зубастое страшилище вроде того, что напало в озере! «Да, Рэнсом, ты прав, – пробормотал он. – Не стоит оставаться здесь на ночь. Мы отдохнем чуть-чуть, тебе станет легче, и снова в путь. Только не сейчас. Погоди немножко».

Глава IX

Проснулся Рэндом от жажды. Во сне он согрелся, хотя одежда отсырела, и теперь сверху на него падали солнечные лучи, а рядом плескался водопад, искрясь всеми оттенками синего и бросая причудливые отблески на трепыхавшиеся листья. Потом Рэнсом вспомнил о вчерашнем, и тяжесть его нынешней ситуации невыносимым грузом обрушилась на плечи. Не потеряй он самообладание, давно погиб бы уже от лап сорнов. Впрочем, тут вспомнилось, что в этих лесах блуждает человек (вот бедняга!). Надо найти его, сказать: «Эй, Рэнсом!»... Стоп. Это же он и есть – Рэнсом. Или нет? Кого же тогда он вчера привел к теплому ручью, уложил спать и велел не пить странную воду?... Наверное, какого-нибудь новичка, еще не освоившегося в здешних местах, в отличие от самого Рэнсома...

Вопреки собственному совету, он решил напиться. Лег на берег и окунул голову в теплый бурлящий поток. До чего же вкусная вода! С легким минеральным привкусом и очень приятная. Рэнсом пил и пил, пока к нему не начали возвращаться силы. В голове прояснилось, он понял, что никакого второго Рэнсома нет. Что ему грозит помешательство. Вскочив, он испуганно принялся отряхивать одежду, шепча слова молитвы. Впрочем, что страшного в сумасшествии? Наверное, это давно уже случилось, и нет никакой Малакандры, а он лежит сейчас на койке в английской лечебнице для душевнобольных. Вот было бы здорово! Можно было бы тогда попросить Рэнсома... Проклятье, опять начинается! Он торопливо зашагал прочь.

Приступы умопомрачения повторялись каждые несколько минут. Рэнсом старался ни о чем не думать, чтобы безумные мысли сами утекали прочь из сознания. «Нечего их бояться, все равно это не поможет. Зато потом ты снова станешь здравомыслящим человеком»...

Больше тревожило отсутствие еды. Рэнсом на пробу потыкал ножом в одно из «деревьев». Стебель ожидаемо был не жестким, как положено древесине, а податливым, словно овощ. Под ножом гигантское растение затряслось до самой макушки, будто Рэнсом одной рукой умудрился встряхнуть корабельную мачту. Он засунул в рот крохотный кусочек и принялся жевать. Тот оказался совсем безвкусным, но тошноты не вызывал. Вот только проглотить его так и не удалось. Здешняя древесина годилась лишь как жвачка. И все же, отпиливая и разжевывая новые кусочки, он немного унимал резь в животе.

Сегодня Рэнсом уже не удирал от погони, а блуждал по лесу в поисках хоть какой еды. Пока тщетно. Есть ли вообще на Малакандре хоть что-нибудь пригодное для человеческого желудка? И если да, то как эту пищу опознать? Один раз он перепугался до полусмерти, когда вышел на большую поляну и увидел огромную желтую тушу, потом вторую, а затем еще десяток, и те вдруг поперли на него. Не успел он опомниться, как оказался в окружении толпы огромных мохнатых существ, похожих на жирафов, только порой встающих на дыбы и шагающих на задних лапах. Они запросто дотягивались до верхних листьев и с аппетитом объедали фиолетовые стебли. Заметив пришельца, зверюги уставились на него большими влажными глазами, басовито зафыркали, однако нападать не спешили. Прожорливости их можно было позавидовать: за несколько минут они объели верхушки сотни фиолетовых «деревьев», впуская в заросли солнечный свет, и двинулись дальше.

Эта встреча, как ни странно, Рэнсома успокоила. Он уже начал опасаться, что на планете нет других живых существ, помимо сорнов. А так он увидел вполне пристойных на вид животных, которые, вероятно, даже поддаются приручению. Кроме того, их пища может сгодиться и для человека. Надо лишь вскарабкаться на «деревья»! Рэнсом примерился взглядом к ближайшему стволу, прикидывая, как бы половчее за него ухватиться, и вдруг заметил над объединенными верхушками те самые светло-зеленые пики, которые он увидел за озером еще вчера, сразу после приземления.

Теперь они стали гораздо ближе. И оказались ужасно высокими: чтобы увидеть их вершины, приходилось запрокидывать голову. Отсюда одни пики походили на острые тонкие иглы, макушки же других были увенчаны плоскими на вид набалдашниками – того гляди упадут. Склоны изрезались трещинами, между двумя соседними пиками застыла блестящая синяя лента: очевидно, водопад. Значит, это и впрямь горы, хоть и причудливых очертаний. Изумление в душе Рэнсома сменилось сказочным восторгом. Эти горы в его глазах воплотили то стремление ввысь, которое вольно или невольно выражалось в каждом встречном представителе здешней флоры и фауны. Скалы будто взметнулись к небесам струями каменного фонтана, да так и застыли в воздухе – столь легкие и тонкие, что в сравнении с ними самые высокие земные горы подобны приземистым холмикам. Уныние понемногу отпусало.

Однако в следующий миг сердце вновь застыло в груди. На светлом фоне гор, совсем рядом с ними (а до гор было рукой подать – не более четверти мили), возник силуэт. В его сторону шагал великан; огромный рост, смертельная худоба, длинный нос крючком, как у ведьмы... Сорн! Тот раздвигал листья по-паучьи тонкими, почти прозрачными руками (а может, и лапами), опустив к земле узкую вытянутую голову. Рэнсом сразу понял, что пришелец явился по его душу, – и в тот же миг рванул прочь, в самые густые заросли.

Он бежал, сам не зная куда, желая одного: удрать от сорна как можно далее. На бегу горячо молился, чтобы эта тварь была здесь одна: вдруг весь лес кишит ими, вдруг им хватило ума окружить его и загнать в ловушку? Хотя без разницы: надо бежать, бежать со всех ног, сжимая в ладони нож... Даже страх ушел, уступив место холодной решимости. Рэнсом, как никогда в жизни, был готов к последнему испытанию. Он несся по склону все быстрее и быстрее, а земля ныряла вниз так круто, что на родной планете пришлось бы карабкаться на четвереньках. Вдруг впереди что-то сверкнуло. Один миг – и он выскочил из леса. Рэнсом зажмурился: в глаза ударило яркое солнце, бликами плясавшее на воде. Он стоял на берегу широкой реки. Впереди разлеглась долина, изрытая ручьями и озерами, очень похожая на ту, где они высадились.

Вроде бы погони не было... Рэнсом лег на живот и жадно стал пить воду. Проклятье, как всегда горячая! Он перевел дух и прислушался. Синяя поверхность впереди неожиданно всколыхнулась, со дна поднялись пузыри, по речной глади побежали круги. И вдруг в снопе брызг пушечным ядром из воды выскочило нечто черное, круглое и блестящее. Рэнсом увидел глаза и пасть в обрамлении бороды из пузырей. Глянцевито-черное существо вышло на берег и встало на задние лапы. Росту в нем было футов шесть или семь, однако оно, как и все здешние обитатели, отличалось привычной уже стройностью. Тело покрывала густая шерсть, лоснящаяся, как у тюленя, ноги – очень короткие с перепончатыми ступнями, а еще у неведомого создания имелся хвост: то ли как у рыбы, то ли как у бобра. Между пальцами (или когтями) верхних конечностей тоже оказались перепонки, а на животе – какое-то утолщение, наверное, гениталии. В общем, существо походило на пингвина, выдру и тюленя разом. Даже от горностая что-то было – уж больно гибко оно двигалось. Голова, круглая и усатая, и вовсе была точь-в-точь как тюленья, только лоб пошире, а пасть – поменьше.

Бывают моменты, когда человек в минуту опасности действует на одних лишь рефлексах, не испытывая ни ужаса, ни надежды. Вот и Рэнсом замер, вжимаясь всем телом в траву, словно мог остаться незамеченным. Вместо страха пришло какое-то отстраненное понимание, что вот, собственно, и настал конец его приключениям: на земле поджидает сорн, в воде – большой черный зверь. Правда, где-то в уголке сознания крутилась смутная догадка, что такие челюсти не могут принадлежать плотоядному хищнику.

Затем произошло нечто такое, что совершенно переменило ход его мыслей. Отряхивающийся от воды зверь, пока еще не заметивший на берегу неожиданного гостя, разинул вдруг пасть и стал издавать разные звуки. В этом не было ничего удивительного, если бы Рэнсом, всю жизнь посвятивший лингвистике, не понял, что на самом деле это связная речь! Существо

умеет говорить!.. Человеку, не смыслящему в филологии, трудно понять, какое потрясение испытал в эту секунду наш герой. На новый мир он уже наглядился, однако новый, нечеловеческий язык – о-о, это совсем другое дело! Прежде, удирая от сорнов, Рэнсом и не думал, как они между собой общаются, зато теперь на него словно снизошло вдохновение. Любовь к знаниям тоже сродни безумству. Едва Рэнсом осознал, что черный зверь умеет говорить, он забыл о грозящей ему гибели, отбросил все страхи с тщетными надеждами и в воображении затеял грандиознейший проект – учебник малакандрийской грамматики! «Введение в малакандрийский язык», «Лунные глаголы», «Краткий марсианско-английский словарь» – названия так и замелькали в голове. О, какие открытия сулит изучение внеземного языка, разительно отличающегося от всех известных человечеству наречий! Причем в руках Рэнсома сама его первооснова!.. Он невольно приподнялся на локте, глядя на черного зверя. Тот замолк. Огромная голова качнулась, и местный обитатель уставился на пришельца большими янтарными глазами. Ветер над рекой стих, и минута за минутой текли в полной тишине, пока представители двух чуждых рас изучали друг друга.

Рэнсом встал на колени. Зверь отшатнулся, не спуская с него глаз, и они снова замерли. Потом уже тот шагнул вперед, а Рэнсом, втрепенувшись, отскочил – не далеко. Набравшись храбрости, он вытянул перед собой руку, но зверь, неправильно истолковав этот жест, напрягся и попятился к воде. Однако не убежал: видимо, и его мучило любопытство. Оба опасались неведомого субъекта, что возник из ниоткуда, – и все же, не в силах себя сдержать, рвались разглядеть чужака поближе. Их вело уже не просто любопытство, а восторженный трепет в душе, нечто наподобие любовного влечения, словно первый мужчина на Земле вдруг увидел первую женщину. Впрочем, встреча представителей разных полов заложена самой природой, им несложно преодолеть первоначальный испуг. Все это ничто по сравнению с первым контактом двух абсолютно разных – притом разумных – рас.

Однако черный зверь вдруг развернулся и побрел прочь. Рэнсом в приступе отчаяния крикнул ему вслед на английском:

– Вернись!

Чужак обернулся, вскинул руки, застрекотал на непонятном языке, но возвращаться не стал. Пройдя еще ярдов двадцать, наклонился, что-то поднял и зашагал обратно. В руке (а его перепончатую лапу Рэнсом уже считал рукой) он держал раковину вроде устричной, только более изогнутую и круглую. Он зачерпнул ею воды из озера, потом поднес к животу и стал в нее... мочиться? Рэнсома передернуло. Впрочем, он быстро понял, что выпуклость на животе – не гениталии, это вообще не часть тела, а нечто вроде пояса, увешанного мешочками. Чужак поднес ракушку к губам и сделал пару глотков (не запрокидывая при этом голову, как человек, а втягивая воду в себя, словно лошадь). Потом проделал все это еще раз: набрал воды и плеснул немного жидкости из сосуда – своеобразной кожаной бутылки. Наконец, держа раковину обеими руками, протянул ее Рэнсому. Трудно было не понять, чего он хочет.

Рэнсом нерешительно, почти робко приблизился и взял чашу. Кончиками пальцев он задел перепончатые лапы, испытав при этом неопишуемый восторг, смешанный с отвращением. Вода на вкус оказалась на удивление приятной – видимо, добавленная в нее жидкость содержала примесь здешнего спирта. Рэнсом жадно осушил раковину до дна.

– Спасибо, – произнес он на английском. – Весьма признателен.

Зверь вдруг стукнул себя кулаком в грудь и издал некий звук – наверное, пытался сообщить свое имя... или, скорее, название расы.

– Хросс. Хросс.

И снова похлопал себя по груди.

– Хросс, – повторил Рэнсом, ткнул пальцем в себя и произнес: – Человек.

– Чхел... Чхело-век, – кое-как выговорил хросс.

Затем с узкой полосы берега, где не так густо росла трава, он поднял горсть земли.

– Хандра.

Рэнсом повторил. И вдруг ему в голову пришла одна мысль.

– Малакандра? – вопросительно произнес он.

Хросс возвел к небу глаза и замахал руками, явно пытаясь охватить все вокруг. И так, «хандра» – это земля, «Малакандра» – вся планета. Остается понять, что означает «малак». Кстати, звук «х» после «к» не произносится, отметил Рэнсом про себя, делая первые шаги в изучении местной фонетики. Хросс тем временем втолковывал, что означает «хандрамит». Корень слова – «хандра» – Рэнсому был уже знаком (значит, в здешнем языке тоже есть приставки и суффиксы), однако из жестов храсса он так и не понял, что этот самый неведомый хандрамит собой представляет. Рэнсом решил взять дело в свои руки: открыл рот, сделал вид, будто кладет туда что-то, и задвигал челюстями. Малакандриец ответил серией невообразимых звуков, о которые можно было сломать язык – очевидно, произнесенное слово обозначало еду. Рэнсом, однако, продолжил пантомиму, пытаясь объяснить, что в этом вопросе его более интересует практика, нежели теория. Хросс, хоть и не сразу, однако понял его и жестом помахивал за собой.

Он повел гостя в ту сторону, где брал раковину, и Рэнсом, к немалому удивлению, обнаружил в воде нечто вроде лодки. Только теперь он окончательно уверился в разумности чужака. Лодка походила на земную, правда, на вид была более легкая и хрупкая. Впрочем, иной конструкции здесь ожидать не приходилось. Хросс достал овальную тарелку из жесткого, но довольно гибкого материала, положил на нее несколько оранжевых продолговатых кусочков, похожих на губку, и протянул Рэнсому. Тот отрезал ножом краешек, не без опасения поместил в рот – и жадно накинулся на еду. На вкус эта странная субстанция оказалась похожа на сладкие бобы – самое то для изголодавшегося человека. Однако, утолив немного голод, Рэнсом снова приуныл. Рядом с ним стоял большущий зверь донельзя зловещей наружности. Пока чужак не проявлял враждебности, но кто знает, чего ждать от этого непонятного черного чудища? В каких оно отношениях с сорнами? И вдруг это создание вовсе не так разумно, как выглядит?..

Подобные приступы неуверенности мучили Рэнсома еще много дней. Чаще всего в те моменты, когда хросс благодаря своему рассудительному поведению воспринимался как человек. Что может быть отвратительнее: человек семи футов ростом, чересчур гибкий, весь с головы до ног покрытый шерстью и с кошачьими усами вдобавок! С другой стороны, хросс был великолепнейшим зверем с роскошным мехом, влажными глазами и белоснежными зубами – притом обладающий разумом и даром речи... словно обитатель давно потерянных райских куш, воплощение самой смелой мечты. В общем, он одновременно был омерзителен и вызывал трепетный восторг. Все зависело от того, как на него смотреть.

Глава X

Когда Рэнсом перекусил и выпил еще местного «вина», хросс встал и перебрался в лодку. Залезал он как животное: головой вперед. Гибко изогнулся, уперся руками в днище и, с силой оттолкнувшись задними конечностями (вскинув при этом копчик с хвостом футов эдак на пять), перемахнул через борт с грацией, которая на Земле для столь крупного создания была бы немислимой.

Впрочем, хросс тут же выскочил обратно и жестом указал на лодку Рэнсому. Тот понял, что его приглашают последовать примеру хозяина. Правда, хотелось бы сперва все-таки выяснить ответ на один важный вопрос: кто же доминирующий на планете вид?.. Возможно, именно хросса (позднее Рэнсом выяснил, что так звучит множественное число от слова «хросс»), а сорны при всей своей человекоподобности – не более чем полуразумная скотина? Вот бы и в самом деле было именно так! С другой стороны, может выйти и наоборот: вдруг хросса – всего лишь домашние зверушки сорнов? Не исключено, что, взойдя на борт хроссовой лодки, Рэнсом угодит прямо в лапы сорнов. С другой стороны, ему представлялась прекрасная возможность убраться подальше от леса, который кишмя кишит этими тварями.

Хросс тем временем недоумевал, отчего «ччеловек» медлит. Он замахал лапами, подгоняя гостя, и Рэнсом наконец решился. Нечего и думать о том, чтобы расстаться с новым знакомцем. Неприятная внешность хросса, конечно, не располагает к близкому общению, однако стремление во что бы то ни стало изучить местный язык и неосознанная тяга к чужому разуму, ощущение, что неожиданная встреча сулит небывалые приключения, – все это привязывало Рэнсома к малакандрийцу прочными невидимыми узами. Он залез в лодку.

У лодки оказалась на удивление малая осадка, как у новейших земных скоростных кораблей. У берега она крепилась чем-то вроде веревки, причем хросс не развязал ее, а просто разлепил пополам, будто мягкую ириску или кусок пластилина. Он присел на корме и взял весло – с такой широченной лопастью, что вроде и грести нельзя... Тут Рэнсом вспомнил, на какой планете находится. Хросс перекинул весло через высокий борт и, не вставая с корточек (благо рост позволял), принялся бойко им орудовать.

Первые минуты они плыли по довольно узкой протоке, берега которой с обеих сторон поросли фиолетовыми деревьями. Затем обогнули мыс, и перед Рэнсомом раскинулось огромное озеро, почти море. Хросс, озираясь по сторонам и постоянно меняя курс, направил лодку в открытые воды. Вокруг все шире простиралась синяя гладь, слепившая глаза и обдававшая горячим паром. Не вытерпев, Рэнсом снял шапку и куртку – чем привел хросса в полное недоумение, – осторожно выпрямился и обвел взглядом малакандрийский пейзаж. Впереди и позади разлеглось усеянное островами блестящее озеро, ехидно вззирающее на бледно-голубое небо. Солнце висело прямо над головой, значит, они где-то в тропической части планеты. С обоих берегов по бокам вился путаный лабиринт островков и протоков в зарослях фиолетовых гигантских сорняков. А за этими не то архипелагами, не то болотами вздымались зазубренные стены бледно-зеленых гор (правда, называть их горами не поворачивался язык, слишком уж они были высокими, тонкими и острыми). С правого борта до гор оставалось не более мили, от воды их отделяла лишь тонкая кромка леса. Слева они были гораздо дальше, милях этак в семи, но оттого не выглядели менее красивыми. Горы тянулись, покуда хватало глаз. Иными словами, Рэнсом плыл по затопленному карьеру шириной в десять миль – и одному богу ведомо какой длины. За спиной, а порой и над горными вершинами, мелькала та самая загадочная розовая субстанция, которую он вчера принял за облака. Что скрывается за горами, было не понять, те длинным высоким частоклом замыкали горизонт и слева, и справа, лишь впереди и позади виднелось плоскогорье, насквозь, словно трещиной, прорезанное огромным ущельем.

Рэнсом попытался знаками выяснить, что это за розовая непонятная субстанция. Вопрос, однако, оказался слишком трудным для языка жестов. Хросс стремительно замахал лапами – очень гибкими, точно два хлыста, – решив, что гость спрашивает обо всех горах в целом. Они назывались «харандра». А залитая водой долина, или ущелье, – «хандрамит». Рэнсом мысленно подвел итог: хандра – «земля», харандра – «высокая земля», хандрамит – «низкая земля». Высокогорье и низменность, иными словами. О том, что для малакандрийцев разница эта очень важна, он узнал гораздо позднее.

В нескольких милях от берега хросс вытащил весло из воды и напряженно застыл. Лодка содрогнулась и словно пушечное ядро рванула вперед. Видимо, они поймали какое-то течение. Путников несло со скоростью пятнадцать миль в час, и судно трясло на странных острых волнах здешнего моря. В голову так и лезло сравнение с рысью на своенравной лошади – Рэнсому доводилось в армии ездить верхом, и то был не самый приятный опыт в его жизни. Ухватившись за борт, свободной рукой он то и дело утирал со лба пот; горячий пар буквально не давал дышать. Может, малакандрийская вода или, тем паче, спиртные напитки не годятся для человеческого желудка?.. Хорошо еще, он не страдает от морской болезни. Ну, почти не страдает...

Рэнсом торопливо свесил голову за борт. Давно с ним такого позора не случалось – с самого детства, когда его стошнило на школьном празднике еще там, на родной Земле. Однако даже тогда не было так стыдно, как здесь. Угораздило же первого представителя человеческой цивилизации выставить себя в столь неприглядном свете перед здешними обитателями... Или хрossos вообще не тошнит? И тот не понимает, что происходит с гостем? Рэнсом со стоном растянулся на дне лодки.

Черный зверь не сводил с него глаз, но разбираться в хроссовой мимике Рэнсом научился лишь много дней спустя.

Скорость, между тем, нарастала. Выписывая дуги, спирали и восьмерки, лодка металась от одного берега в другому, словно плясала вместе с серебристыми угрями, которые тошнотворно вились под водой. Рэнсом стремительно терял к Малакандре интерес. Что, если хрossos живут вовсе не на суше?.. Вдруг придется провести в этой лодке целую ночь?!

К счастью, его страданиям скоро пришел конец. Настал тот благословенный миг, когда лодка сбавила ход и перестала болтаться из стороны в сторону. Хросс опять схватил весло. Впереди берега смыкались, оставив лишь узкую протоку, где со свистом шипела вода: видимо, там было совсем мелко. Хросс прыгнул за борт, осыпав суденышко теплыми брызгами; Рэнсом, пошатываясь, выбрался вслед за ним. Вода доходила ему до колен. Лодку хросс запросто, без видимых усилий, подхватил одной рукой, водрузил себе на голову и в образе греческой кариакиды⁸ невозмутимо двинул на сушу.

Протока была довольно длинной: вода бурлила на крутых порогах где-то с полмили, не меньше. Земля уходила все ниже и ниже, потом, наконец, дно каньона – или хандрамита, как его здесь называли – выровнялось. Рэнсом только теперь сумел разглядеть поближе стены. Горы расходились отсюда и влево, и вправо, кое-где их макушки окутывали розовые вздутые «облака», но чаще они были бледными и голыми, частоколом пик огораживая горное плато. Контраст между хандрамитом и харандрой был разителен. Ущелье легло впереди роскошным ожерельем из фиолетовых, сапфирово-синих, желтых, розовато-белых самоцветов леса и вездесущей воды. Здесь Малакандра совсем не походила на родную Землю. Хандрамит напоминал огромную трещину, расселину в ровной харандре, которая, как заподозрил Рэнсом, и есть истинная поверхность планеты, видимая в земной телескоп. Что до хандрамита, то тому буквально не было конца: почти не изгибаясь, он цветной лентой тянулся миль на сто, не меньше, до самого горизонта, вырезая в нем аккуратный клин. И еще тридцать, а то и сорок миль Рэнсом со вчерашнего дня оставил за спиной...

⁸ В древнегреческом зодчестве – мраморное изваяние, колонна в виде женской фигуры, поддерживающей карниз.

Наконец они преодолели пороги, добрались до глубокой воды, и хросс спустил лодку. За время прогулки Рэнсом выучил новые слова: «лодка», «быстрая вода», «солнце» и, что самое важное, первый глагол – «нести». Кроме того, хросс пытался втолковать ему суть разницы между низменностью и возвышенностью, постоянно твердя «хросса-хандрамит» и «серони-харандра» – видимо, чтобы подчеркнуть контраст. Рэнсом понял так, что хросса обитают внизу, а некие «серони» – наверху. Только кто это такие, серони? По виду и не скажешь, что на плоскогорье есть жизнь. Может, согласно мифологии хросса (Рэнсом пришел к выводу, что те находятся на низшей ступени культурного развития), серони – здешние божества или демоны?

Они продолжили путь по воде, и Рэнсома снова затошнило, хоть приступы морской болезни стали чуточку реже. Поэтому лишь несколько часов спустя он догадался, что «серони» – скорее всего, множественное число от слова «сорн».

Солнце ползло к горизонту, причем быстрее, чем на Земле, по крайней мере в привычных Рэнсому широтах, и безоблачное небо заливалось тусклыми красками заката. Было в солнце еще что-то странное, но пока Рэнсом разбирался, что к чему, игольчатые горные вершины почернели, и хандрамит заволокло тьмой, хотя харандра на востоке (то есть слева) еще розовела, далекая и умиротворенная, словно иной, потусторонний мир.

Путники вновь причалили к берегу, ступили на твердую почву и двинули в глубь фиолетового леса. Рэнсом от усталости и ярких впечатлений засыпал на ходу, и земля качалась у него под ногами, словно он до сих пор плыл в лодке. Вдруг в сумерках разгорелся огонь. Костер. Пламя озаряло огромные листья над головой, за которыми сверкали звезды. Рэнсома окружили десятки хросса. Вблизи, в таком количестве они еще более походили на зверей, нежели его одинокий проводник. Рэнсом испугался было, однако куда сильнее оказалось странное чувство неуместности происходящего. Он хотел видеть людей – любых людей, пусть даже Уэстона с Дивайном. А эти круглоголовые и усатые – что с ними вообще делать? Как себя вести? Тут из толпы, из-под ног взрослых особей, просочились детеныши, щенки, молодняк... или как их здесь называют? И Рэнсом неожиданно восторженно встрепенулся. Они очаровательны! Он с улыбкой погладил одного малыша по черной макушке – а тот с испуганным ревом рванул прочь.

Вечер почти не запомнился. Рэнсом вроде бы что-то ел и пил, вокруг мельтешили черные фигуры, таращились на него странными глазами... а потом он улегся где-то в темном крытом месте и уснул.

Глава XI

С тех пор как он очнулся на космическом корабле, Рэнсом часто думал о том, какие испытания ждут его на чужой планете и есть ли хоть малейший шанс вернуться домой. Однако он ни разу не задумывался, каково это – просто жить в незнакомом мире. Не надо никуда ни бежать, ни скрываться, можно просто есть, пить, спать, плавать – а спустя несколько дней и коротать время за разговорами. Особенно остро Рэнсом ощутил это спустя три недели после своего прибытия на Малакандру – когда рискнул выйти на прогулку по окрестностям. Вскоре у него появились излюбленные маршруты, предпочтения в еде, первые привычки... Он научился отличать самок хросса от самцов и даже узнавать отдельных особей на вид. К примеру, Хьои, который нашел его далеко на севере, был совсем не похож на седоватого почтенного Хнохра, каждый день обучавшего Рэнсома языку. Детеныши так и вовсе отличались один от другого. С ними Рэнсом забывал, что хросса при своей звериной внешности до ужаса разумны. Молодые и игривые, щенки беззаботно резвились, не выдавая своего интеллекта и скрашивая одиночество. Словно собачки – все равно что прихватить с Земли свору дворняжек... Да и сами детеныши наперебой лънули к внезапно объявившемуся безволосому чудищу. В общем, у детей (и у самок-матерей, само собой) Рэнсом пользовался немалым успехом.

Первые впечатления от общины хросса понемногу менялись. Сперва Рэнсом решил, что они по развитию находятся где-то в каменном веке. Именно из камня были сделаны их примитивные инструменты, если не считать грубо слепленные глиняные плошки, в которых кипятили воду (этим, к слову, кулинарные таланты хросса исчерпывались). Вместо чашек и тарелок – устричные ракушки вроде той, из которой Рэнсома поили «вином» при знакомстве. Другой животной пищи, кроме моллюсков, хросса не знали, хотя овощей, причем восхитительных на вкус, ели вдоволь. Съедобной оказалась даже бело-розовая трава, покрывавшая весь хандрамит, так что если Рэнсом и умер бы от голода, не повстречай он случайно Хьои, то это была бы смерть за щедро накрытым столом. Впрочем, сорняки («хондраскруд») хросса старались не есть, разве что иногда могли пожевать пару веточек за неимением лучшего, в дальней дороге, когда не оставалось выбора. Жили они в шалашах из жестких листьев, выстроенных на манер улья. Селились целыми деревнями по берегам рек и озер, выбирая места поближе к стенам хандрамита, где было теплее. Спали обычно на земле. Из искусства у них был лишь странный сплав поэзии и музыки. Песни исполняли почти каждый вечер, когда собиралась группа из четырех хросса, и один заводил длинный речитатив, а трое других то подпевали ему, то перебывали по очереди или все разом. Рэнсом так и не понял, к чему эти вставки – для пущей красоты, или то были реплики персонажей, как в театральной постановке, сопровождаемые монологом рассказчика. Местную музыку он не понимал. Не то чтобы голоса резали слух, но сам ритм песни совершенно не вязался с земными представлениями о прекрасном. Не понимал Рэнсом первые дни и чем вообще живет племя. То одни, то другие хросса вдруг пропадали на несколько суток, потом объявлялись вновь. Порой они собирали моллюсков, а порой уплывали куда-то на лодке. Однажды он увидел на берегу целый караван хросса – они вереницей шли куда-то, таща на голове охапки овощей. Значит, на Малакандре существовало подобие торговли.

Обнаружились и сельскохозяйственные угодья. Примерно в миле вниз по хандрамиту был безлесный участок земли, сплошь утыканный низкими мясистыми кустиками, в основном желтыми, оранжевыми и синими. За ними росли салатоподобные деревья размером с земную березу. Порой они нависали над рекой; можно было залезть в самый нижний лист и лежать там, покачиваясь, как в гамаке, вдыхая сладкий аромат. Вдали от воды предаваться подобному сибаритству уже не получалось – было слишком холодно, как зимним морозным утречком. Поля обрабатывали все жители окрестных деревень разом, причем на удивление толково

между собой разделяя обязанности. Одни собирали урожай, другие перевозили и сушили урожай, удобряли чем-то землю. Кроме того, Рэнсом заподозрил, что некоторые из водных протоков – если не все – прокопаны вручную.

Впрочем, самый большой шаг к пониманию хросса он сделал, когда подучил немного местный язык и, как мог, рассказал о себе. В ответ на расспросы Рэнсом заявил, что спустился с небес. Хнохра незамедлительно уточнил, с какой именно планеты или земли (хандры). Рэнсом, уже настроившись объясняться самыми простыми словами, был немало раздосадован: Хнохра принялся втолковывать ему, что на небе жить нельзя, ведь там совсем нет воздуха: мол, если гость и впрямь спустился с небес, то наверняка прибыл с какой-то другой хандры. Увы, Рэнсом не смог найти Землю в звездном небе. Поражаясь его бестолковости, хросса тут же показали на яркую точку у самого горизонта, чуть южнее того места, где закатывается солнце. Рэнсома поразило, до чего уверенно они говорят именно о планете, а не звезде – неужто разбираются в астрономии?.. К сожалению, зная всего сотню-другую слов, такие тонкости не обсудить. Поэтому Рэнсом сменил тему, спросив, как же называется эта планета на юго-западе? Оказалось, Тулкандра – «безмолвный мир».

– А почему «тулк»? Почему безмолвный?

Ответа не последовало.

– Серони знают, – сказал Хнохра. – Такие вещи знают они.

Потом Рэнсома спросили, как же он прилетел? Он неуклюже принялся описывать космический корабль. И вновь услышал:

– Это лучше знают серони.

Один ли он прилетел? Нет, с двумя другими представителями его вида, плохими людьми (или «гнилыми» – Рэнсом не без труда нашел более-менее подходящее слово в хроссовом языке). Те двое хотели его убить, поэтому он убежал. Хросса мало что поняли из его объяснений, но, посоветовавшись, решили, что ему надо обратиться к Уарсе. Уарса его защитит. Рэнсом поинтересовался, что за Уарса. Кое-как, через недомолвки и недопонимания, ему удалось выяснить, что Уарса, во-первых, живет в Мельдилорне; во-вторых, он все знает и всем управляет, в-третьих, он был, есть и будет всегда, а в четвертых, он не хросс и не серони тоже. Тогда Рэнсом, осененный идеей, спросил, уж не Уарса ли создал этот мир. В ответ хроссы возмущенно разлаялись. Неужто чхеловеки с Тулкандры не знают, что мир создал Малельдил Юный?

– И где же этот Малельдил живет? – поинтересовался Рэнсом.

– Вместе с Древним.

А что за Древний? В ответ – какая-то чепуха. Тогда Рэнсом попытался зайти с другой стороны:

– А где живет Древний?

– Он не такой, – отозвался Хнохра. – Он живет везде.

И произнес длинный монолог, из которого Рэнсом мало что понял. Впрочем, услышанного хватило, чтобы испытать немалое раздражение. Он-то, обнаружив разумных существ, подумывал, не должно ли обратить их в лоно истинной веры, – а выходило так, что это Рэнсом дикарь, нуждающийся в проповедях!

Из объяснений хросса выходило, что Малельдил – это некий дух, лишенный страстей и тела.

– Он не хнау, – заявили хросса.

– Что за хнау? – задал вопрос Рэнсом.

– Ты хнау. Я хнау. Серони – хнау. Пфифльтригги – хнау.

– Пфифльтригги? – удивился Рэнсом.

– Надо десять дней идти на запад, – пояснил Хнохра. – Там харандра переходит не в хандрамит, а в большое пространство. Очень большое, с севера на юг идти пять дней, а с запада на восток – десять. Лес там другого цвета, синий или зеленый. А еще земля там очень глубокая,

до самых корней мира; если копать, можно найти твердые камни. Там живут пфифльтригги. Они любят копать. Они находят камни, греют их на огне, чтобы стали мягкими, а потом делают из них всякие вещи. Пфифльтригги маленькие, еще меньше тебя, с длинной мордой и бледные. И руки у них длинные. Из всех хнау они делают самые красивые вещи. А мы лучше всех поем. Хотя пусть чхеловек сам посмотрит.

Он сказал что-то юному хросса, и тот притащил небольшую чашу. Рэнсом поднес ее к костру, чтобы разглядеть поближе. Золотая... Теперь понятно, чем Малакандра так привлекла Дивайна...

– И много здесь таких камней? – спросил Рэнсом.

Да, их можно найти прямо в реке, но самые хорошие у пфифльтриггов, те лучше всех умеют с ними обращаться. Это арбол-хру – «кровь солнца». Рэнсом вновь взглянул на чашу. Ее покрывала искусная гравировка, изображавшая хросса, каких-то мелких существ, похожих на лягушку, и сорнов. Рэнсом вопросительно ткнул в последних пальцем.

– Серони, – подтвердил его опасения хросс. – Они живут почти на самой харандре. В больших пещерах.

Лягушкоподобные существа – точнее, звери с жабым телом и головой тапира – оказались пфифльтриггами. Рэнсом задумался. Выходит, на Малакандре обитают сразу три разумных вида – и почему-то они еще не истребили друг друга. Надо обязательно выяснить, кто из них главный.

– Кто правит хнау? – спросил он.

– Уарса, – ответили хросса.

– Он хнау?

Те недоуменно пожали плечами. Об этом надо спрашивать серони. Может, Уарса и хнау, но только другой хнау. Он не умирает и не стареет.

– Серони знают больше, чем хросса? – спросил Рэнсом.

В ответ хросса жарко принялись спорить. Наконец удалось установить, что серони – или сорны – совсем не умеют плавать на лодке и собирать моллюсков, даже если будут умирать с голоду, не разбираются в пении и не понимают простейших хроссовых песен. Зато они много знают о звездах, способны толковать самые непонятные слова Уарсы и помнят все, что когда-либо случилось на Малакандре – даже много-много лет назад.

«А, интеллигенция, – подумал Рэнсом. – Наверное, они и есть истинные правители, только стараются этого не выдавать».

Он попытался выяснить (насколько позволял убогий словарный запас), не бывает ли такого, что мудрые сорны порой заставляют хросса делать всякие разные вещи? Вопрос, конечно, получился слишком туманным – увы, Рэнсом не знал, как по-малакандрийски сказать «используют научные ресурсы для эксплуатации менее развитых существ». Впрочем, он зря старался: как только речь зашла о поэзии, хросса немедля развели жаркие дебаты. Они наперебой сыпали какими-то сложными терминами – видимо, обсуждали техническую сторону создания поэтических текстов, – и из их пафосных реплик Рэнсом не понял ни полслова.

Само собой, обсуждали они не только Малакандру. В ответ Рэнсому приходилось многое рассказывать о Земле. Правда, было это не так уж просто: прежде всего потому, что он, к своему стыду, обнаружил, до чего мало – непозволительно мало! – знает о родной планете. Кроме того, некоторые сведения он старался придержать. Например, ничего не рассказывал о войнах и индустриализации – помнил о незавидной участи мистера Кейвора, который в романе Герберта Уэллса нашел на Луне свою смерть.⁹ Всякий раз, когда хросса расспрашивали его о людях – чхеловеках, как они говорили, – Рэнсом испытывал странное чувство стыда, будто его

⁹ Мистер Кейвор – персонаж научно-фантастического романа Г. Уэллса «Первые люди на Луне». Погиб после того, как рассказал «селенитам» – обитателям Луны – о человеческих войнах и трагедиях.

заставляли раздеваться догола. Всячески скрывал он и тот факт, что его должны были передать сорнам (с каждым днем Рэнсом все более убеждался, что именно серони правят планетой). Впрочем, даже тех крох, которыми он все-таки делился, хватило, чтобы подстегнуть воображение хросса – и те дружно принялись складывать поэмы о странной хандре, где растения тверже камня, трава зеленее скал, вода холодна на ощупь и соленая на вкус, а чхеловеки живут прямо на харандре.

Еще более их впечатлил рассказ о встрече со страшным зубастым зверем, от которого Рэнсом еле спасся на их собственной планете – причем совсем недалеко отсюда. Все хросса сошлись во мнении: это хнарха. Они ужасно заволновались. Хнархи не было в долине уже много лет. Молодые хросса достали оружие – примитивные гарпуны с костяными дротиками. Матери велели детям не приближаться к воде, однако ребята постарше все равно резвилась на мелководье, играя в охоту на хнарху. В общем, новости о неведомом хищнике вызвали немалое оживление.

Однажды Хьои решил подправить что-то в лодке, и Рэнсом увязался за ним. Он хотел быть полезным и понемногу осваивал здешние примитивные инструменты.

На узкой тропинке к ручью, где можно было идти лишь гуськом друг за другом, они повстречали юную самочку, практически детеныша. Та что-то говорила, но обращалась не к ним, потому как глядела в сторону, устремив взгляд в пустую точку.

– Хрикки, ты с кем разговариваешь? – спросил Рэнсом.

– С эльдилом.

– Где же он?

– Ты его не видишь?

– Я ничего не вижу.

– Вот же он. Ну вот! – закричала она вдруг. – Он ушел... Разве ты его не видел?

– Я никого не видел.

– Хьои! Чхеловек не видит эльдила! – завопила она.

Однако Хьои, ушедший далеко вперед, ее не услышал. Рэнсом решил, что Хрикки просто играет, как и все маленькие девочки, что здесь, что на Земле.

Глава XII

Они провозились с лодкой до самого полудня, а потом легли на траву у ручья, где было потеплее, и принялись за еду. Боевой настрой, царивший в деревне, позволил Рэнсому заговорить на давно мучившую его тему. Он не знал, как по-малакандрийски будет «война», и ему с трудом удалось объяснить Хьои свой вопрос. Не бывает ли такого, что серони, хросса и пфи-фльтригги идут друг против друга с оружием?

– Зачем? – удивился Хьои.

Хороший вопрос... Как же объяснить?

– Чтобы получить то, что есть у других. А те не хотят давать. Можно тогда забрать это силой? Или сказать: отдавайте, или мы вас убьем?

– И что же такого может быть нужно?

– Ну... еда, например.

– Если другим хнау нужна еда, почему бы с ними не поделиться? Мы часто делимся.

– А если еды слишком мало?

– По воле Малельдила новая еда растет все время.

– А если детей вдруг станет больше? Неужели тогда Малельдил сделает хандрамит шире, чтобы и растений хватило на всех?

– Об этом надо спрашивать серони. А почему детей вдруг станет больше?

Рэнсом не знал, как заговорить на столь деликатную тему. Однако все-таки решился.

– Хьои, скажи, разве для хросса зачинать ребенка – это не наслаждение?

– Величайшее из наслаждений! Мы зовем это любовью.

– У людей так же, поэтому мы стремимся испытать это чувство вновь и вновь. Значит, детей иногда рождается больше, чем можно прокормить.

Хьои не сразу понял, к чему клонит Рэнсом.

– Хочешь сказать... – заговорил он медленно, – что чхеловек может делать это не один-два года в жизни, а больше?

– Да!

– Но... зачем? Разве можно быть голодным после того, как только что поел? Или просыпаться – и снова ложиться спать?

– Мы же едим каждый день... Любовь, про которую ты говоришь, – она у хросса бывает только раз в жизни?

– Да, один раз на всю жизнь. Сперва в юности ты должен найти себе пару, потом ухаживать за ней, потом завести детенышей и растить их. А потом греться этими воспоминаниями и облекать их в поэзию и мудрость.

– И вам что, хватает одних воспоминаний?..

– Станный вопрос. Все равно что сказать: «Вам что, хватает на обед простой еды?»

– Не понимаю...

– Ведь настоящее наслаждение – помнить о том, что случилось. Ты так говоришь, чхеловек, будто наслаждение – это одно, а воспоминание о нем – совсем другое. Серони объяснили бы лучше меня. Хотя и хуже, чем я в песне. То, что ты зовешь воспоминаниями, на самом деле завершает наслаждение. Помнишь, как мы с тобой встретились? Этот момент был очень коротким, он взял и прошел. Но мы о нем вспоминаем, и он понемногу растет. Хотя мы все равно не знаем его истинного значения. Настоящая наша встреча – это то, как я буду вспоминать о ней в час своей смерти. А то, что уже свершилось, – лишь начало. Ты говорил, у вас тоже есть поэты. Разве они вам этого не объясняют?

– Иногда. Но... Если говорить о песнях: разве хросса порой не хочется снова услышать особенно красивую строку?

Хьои, увы, ответил настоящей лингвистической загадкой. В хроссовом языке было два глагола, переводившихся как «хотеть», и хросса каким-то образом их строго разделяли, даже противопоставляли друг другу. Рэнсом же, само собой, разницы не понимал. Поэтому, с его точки зрения, Хьои сказал что-то вроде «хочется, конечно («уонделон»)), но никто в здравом уме и рассудке не осмелится этого хотеть («хлунтелин»)).

– Кстати, отличный пример – песня, – продолжил он. – Ведь ты сознаешь, что строчка была очень красивой, только после того, как вспомнишь о ней. А если услышать ее снова, она может показаться уже не такой красивой. Ты уничтожишь ее красоту. Так бывает в хорошей песне.

– А в гнилой песне?

– А гнилые песни слушать ни к чему, чхеловек.

– Что насчет любви в гнилой жизни?

– Разве жизнь хнау может быть гнилой?

– Хьои, ты хочешь сказать, что гнилых хросса вообще не бывает?

Хьои задумался.

– Слышал я о чем-то подобном, – произнес он наконец. – Говорят, порой детеныши ведут себя странно. Ходили слухи, что один детеныш ел землю. Быть может, где-то и жил такой хросс, который хотел бы продлить годы любви... Правда, сам я о таком не слышал. Зато я слышал другое, не менее странное. Есть одна песнь о хроссе, который жил давным-давно, в другом хандрамите, и все, что он видел, в его глазах множилось на два: два солнца в небе, две головы на плечах... В конце он впал в такое безумие, что возжелал иметь двух подруг. Как ни странно, в песне говорится, что он полюбил двух разных хрессини!

Рэнсом принялся размышлять. Итак, если Хьои не кривит душой, то он имеет дело с необычайно целомудренной моногамной расой. Хотя что в этом странного? У многих животных на Земле половой инстинкт просыпается лишь в определенное время года. И раз сексуальное влечение заложено самой природой, почему нельзя пойти еще дальше и ограничить его на инстинктивном уровне одной-единственной особью противоположного пола? Рэнсом смутно припоминал, будто некоторые земные организмы из тех, что стоят на низшей ступени развития, тоже моногамны от природы. Так или иначе, получается, что для хросса бесконтрольная рождаемость и неразборчивость в половых связях сродни сексуальным извращениям и встречаются столь же редко. И вдруг Рэнсома осенило: проблема вовсе не в хросса, а в его собственных сородичах! Да, конечно, сегодня хросса несколько удивили его – однако по сути своей их поведение представляет тот самый недостижимый идеал, к которому стоило бы стремиться человеческой расе, отличающейся, увы, крайним бесстыдством...

Хьои заговорил снова:

– Несомненно, такими нас создал Малельдил. Как иначе нам хватило бы еды, если бы у каждого было по двадцать детенышей? И каким мучением стала бы жизнь, если бы мы только и думали о том, чтобы вновь пережить какой-нибудь день или год? Если бы мы забыли, что на самом деле каждый миг полон предвкушений и воспоминаний – и из них-то и состоит настоящая жизнь.

– При этом Малельдил создал и хнарху, – ехидно отозвался Рэнсом, в глубине души уязвленный тем, что его собственный мир изрядно проигрывает Малакандре.

– Это другое. Я жажду убить хнарху так же сильно, как она жаждет убить меня. Я надеюсь первым вонзить в нее копье, когда она лягнет черными челюстями. И если вдруг хнарха будет сильнее, мой народ меня оплачет – и еще больше захочет ее убить. Однако никто не желает, чтобы все хнерахи вдруг исчезли, нет! Как тебе объяснить, если ты не понимаешь наших песен?... Хнарха – наш враг. И хнарха – наш друг. В наших сердцах живет ее радость, когда она глядит вниз с водяной горы на севере, где родилась. Она прыгает с водопадом – и мы летим вслед за ней. А потом приходит зима, и озера окутываются густым паром выше головы

– а мы глядим ее глазами, зная, что настало время отправиться в путь. Ее изображения висят в наших домах. Хнарха – это знак всех хросса. В ней живет дух долины, и дети наши играют в хнерахи, едва научившись держаться на воде.

– А она их убивает.

– Иногда, совсем редко. Хросса были бы гнилыми, если бы подпускали ее так близко. Мы ищем ее задолго до того, как она спустится с гор. Нет, чхеловек, не опасности нашего мира делают хнау гнилыми, а сам гнилой хнау очерняет собой мир. И вот еще что. Вряд ли лес был бы таким ярким, вода – теплой, а любовь – сладкой, если бы в озерах не таилась опасность. Я расскажу про тот день, который сделал меня таким, как сейчас. Такой день бывает лишь раз в жизни, как любовь или служение Уарсе в Мельдилорне. Я тогда был совсем молод, почти детеныш. И однажды пошел через весь хандрамит далеко-далеко, туда, где даже в полдень сияют звезды, а вода холодная. Я вскарабкался по скале к вершине большого водопада и встал на берегу заводи Балки, где каждый испытывает трепет. Стены там выше небес, и в глубокой древности на них высекали священные знаки. Еще там грохочет водопад, который называется Водяной Горой. И вот я стоял там наедине с Малельдилом, не слыша даже слов Уарсы. С тех пор сердце мое бьется сильнее, а песня звучит громче. Но как думаешь, случилось бы это, если бы я не знал, что в Балки живут хнерахи? Нет, там я испил жизнь, потому что в заводи жила смерть. И это лучший напиток на свете, не считая самого последнего.

– Это какого? – спросил Рэнсом.

– Напитка смерти, который я испью в час кончины и уйду к Малельдилу.

Разговор затих. Вскоре они снова принялись за работу и чинили лодку до самого заката, пока солнце не сползло к горизонту.

На обратной дороге через лес Рэнсом решил спросить кое-что еще.

– Хьои, ты напомнил мне одну вещь: когда мы с тобой только встретились, ты говорил с кем-то, но не со мной, меня ты еще не заметил. Я поэтому и понял, что ты хнау, а не зверь, и не стал убегать. С кем же ты говорил?

– С эльдилом.

– А кто это? Я никого не видел.

– В твоём мире нет эльдилов? Странно...

– Кто же они такие?

– Их присылает Уарса. Наверное, они тоже хнау.

– Сегодня я встретил девочку, она говорила с эльдилом, но я никого не видел.

– Твои глаза, чхеловек, устроены иначе. Хотя эльдила и правда нелегко увидеть. Они не такие, как мы. Свет сквозь них проходит беспрепятственно. Надо глядеть в нужное место – причем только если эльдил сам захочет показаться. Его можно принять за солнечный луч или движение листьев. Но если посмотреть туда снова, поймешь, что там был эльдил и он ушел. А могут ли твои глаза его увидеть, не знаю. Это знают серони.

Глава XIII

Наутро вся деревня поднялась еще до рассвета (точнее, харандру солнце уже озарило, однако сам лес тонул во тьме). Хроссы спешно сновали туда-обратно в свете костров: женщины разливали по кособоким площадкам дымящийся завтрак, мужчины под руководством Хнохры таскали по лодкам охапки дротиков, Хьои, возглавив отряд самых опытных охотников, давал им какие-то наставления – на слух Рэнсома, слишком мудреные. С окрестных деревень тоже стягивался народ, а под ногами у взрослых с радостным визгом носились детеныши.

Видимо, участие в охоте Рэнсома подразумевалось само собой. Ему выпало сидеть в одной лодке с Хьои и Уином. Те решили грести по очереди, а отдыхать на носу, там же усадили и Рэнсома. Он уже неплохо изучил повадки хросса, чтобы понять: ему отвели самое почетное место, ведь оба его спутника не хотели бы оказаться на веслах, когда вдруг объявится хнарха. Еще совсем недавно, в Англии, Рэнсом в жизни не согласился бы примерить на себя столь опасную роль при поимке неведомого смертоносного чудища. Да и после этого, когда он бежал от сорнов или валялся на берегу ручья, страдая от жалости к себе, сегодняшний подвиг оказался бы ему не по силам. Однако нынче он был преисполнен решимости. Что бы ни случилось сегодня, он докажет: люди – достойнейшие из хнау! Рэнсом, конечно же, сознавал, что на деле может выйти иначе, но отчего-то верил, что обязательно справится. Все-таки он сильно переменялся за последние дни, и не важно, что было тому причиной: вдыхаемый на Малакандре воздух или общество хросса.

На озеро упали первые лучи восходящего солнца. Рэнсом, как было велено, встал на коленях рядом с Уином, держа в правой руке дротик, а остальные сложив у ног. Он старался стоять прямо, хотя лодку, которую Хьои выводил из заводи, сильно качало на волнах. На охоту за хнархой вышло не меньше сотни судов, которые разошлись в разные стороны. Первый отряд, самый малочисленный, поплыл по протоке, которой Хьои привел Рэнсома в деревню. Эти лодки были больше обычного, на восемь весел каждая. Обычно хнарха предпочитает плыть по течению и, наткнувшись на судно, бросится в сторону или нападет. Следовательно, центральный отряд должен неторопливо прочесывать все русло, а более легкие маневренные суденышки – носиться взад-вперед, подстерегая добычу, покинувшую свое, так сказать, «логово». Хроссы тем самым полагались на численное преимущество и тонкую стратегию, на стороне же хнархи была скорость и невидимость: поди разгляди ее под водой. И неуязвимость к тому же – если оба охотника с судна промахнутся и не попадут копьем в разинутую пасть, лодку со всем экипажем ждет незавидная кончина.

Итак, в плавучих отрядах самые отважные охотники могли выбирать: или держаться близ больших лодок, которые почти наверняка возьмут хнарху в кольцо, или уплыть вперед: вдруг повезет случайно на нее наткнуться, застать врасплох – и одним метким броском, опередив забойщиков, положить охоте конец. Об этом пылко мечтали и Хьои, и Уин. Да что там, даже Рэнсом заразился их страстью. Поэтому, едва тяжелые лодки поползли вверх по течению, поднимая облака пены, проворное суденышко Хьои стремительно рвануло на север, обгоняя флотилию. От скорости захватывало дух. Поднимавшийся от синей воды пар разгонял утренний морозец. Позади неслись голоса двух, а то и трех сотен хросса, сливавшиеся в один бесконечный гулкий колокольный бой, отраженный от скалистых стен, по обе стороны обрамлявших долину. Словно лай гончих, взявших наконец след, – разве что более мелодичный... А в душе Рэнсома разгорались доселе спавшие инстинкты. Вдруг и впрямь обернется так, что он своей рукой поразит хнарху; тогда слава о чхеловеке-хнархапунте будет передаваться из поколения в поколение в мире, не знававшем других людей... Впрочем, Рэнсом и прежде позволял себе помечтать и знал, что ничем хорошим это не заканчивается. Смирив разбушевавшиеся чувства, он устремил взгляд на кипевшую за бортом воду, высматривая хищного зверя.

Долгое время ничего не происходило. Вскоре Уин нехотя пересел за весла, и его место занял Хьои. Едва он сел на носу, как произнес вполголоса, не отрывая глаз от течения:

– К нам по воде движется эльдил.

Рэнсом ничего не видел – разве что блики солнца на поверхности озера. Хьои вдруг заговорил снова, на сей раз обращаясь не к Рэнсому.

– Что такое, рожденный небом?

И тут случилось нечто невообразимое – даже для Малакандры, к которой Рэнсом уже почти привык. Он услышал голос. Тот доносился прямо из воздуха: из пустоты где-то над головой. Тонкий, чуть ли не на октаву выше, чем у Рэнсома, не говоря уж про хроссов. Наверное, уши человека тоже не очень-то приспособлены, чтобы слышать эльдилов.

– С вами человек, Хьои, – произнес голос. – Его не должно быть здесь. Он должен идти к Уарсе. За ним гонятся гнилые хнау с Тулкандры; ему надо к Ойрасе. Иначе случится беда.

– Он слышит тебя, рожденный небом, – ответил Хьои. – А для моей жены у тебя послания нет? Ты знаешь, каких вестей она ждет.

– У меня есть послание для Хлери, – отозвался эльдил. – Но тебе я сказать не могу. Я сам к ней спешу. Все будет хорошо. Только... пусть человек идет к Уарсе.

В тот же миг настала полная тишина.

– Ушел... Жаль, пропустим охоту, – уныло покачал головой Уин.

– Да, – вздохнул Хьои. – Надо посадить человека на берегу и показать ему дорогу до Мельдилорна.

Не то чтобы Рэнсом трусил, однако украдкой все-таки перевел дух, узнав, что участвовать в охоте не придется. И все же отчего-то он решил не отступать: либо теперь, либо никогда; со спутниками или без них, он не должен останавливаться на полпути к очередной мечте. Повинуясь неожиданному порыву, Рэнсом воскликнул:

– Нет! Уйду после охоты. Сперва убьем хнарху!

– Если эльдил велел... – заговорил было Хьои, но тут Уин издал вопль («звериный рев», как сказал бы пару недель назад Рэнсом) и указал на воду.

Там, ярдах в двухстах, вскипала пенная полоса, в которой на миг мелькнула серебристая спина чудовища. Уин яростно замахал веслом. Хьои бросил дротик и промахнулся. Впрочем, не успело первое копьё упасть в воду, как Хьои схватился за второе. Кажется, на сей раз ему удалось зацепить хнарху. Та метнулась в их сторону, щелкая огромной черной пастью, утыканной акулыными клыками. Тогда и Рэнсом метнул свой дротик – торопливо и неуклюже.

– Назад! – завопил Хьои, хотя Уин уже и сам греб обратно, всем телом налегая на весло.

И вдруг все смешалось. «Берег!» – крикнул Уин. Лодку трянуло, и Рэнсома бросило вперед, едва ли не в самую пасть хнархе. Он очутился по пояс в воде. Совсем рядом защелкали челюсти. Рэнсом один за другим метнул в разинутый зев твари несколько дротиков – и с изумлением увидел у нее на спине Хьои. Тот перевалился вперед, скатываясь на морду, и с силой вонзил в нее дротик. В следующий миг он с фонтаном брызг отлетел в сторону ярдов на десять. Однако тварь уже издыхала. Она билась на боку, изрыгая вонючую черную кровь. Вокруг по воде растекалось темное пятно.

В себя Рэнсом пришел на берегу – насквозь промокший, трясущийся, чуть дышащий, он обнимался с обоими хросса. Теперь, как ни странно, его не смущали ни мокрая шерсть, ни звериное дыхание – пусть не вонючее, но такое непохожее на человеческое. Он стал с ними заодно. Испытание, преодоленное вместе, начисто снесло стену. Все они – хнау. И плевать, у кого какая шкура, ведь они плечом к плечу выстояли против врага. Даже он, Рэнсом, справился. Не опозорил себя!

Они находились на каком-то голом мыске, куда их выбросило в пылу схватки. Рядом на воде качались обломки лодки и дохлая туша монстра. Остальных охотников отсюда было даже не слышать. Все трое сели, чтобы перевести дух.

– Что ж, – заговорил Хьои, – вот мы и хнарапунти. Я всю жизнь об этом мечтал.

Тут Рэнсома оглушил пронзительный грохот – до боли знакомый и совершенно здесь неуместный. Слишком земной, слишком цивилизованный. Звук выстрела из английской винтовки. Хьои вдруг качнулся, хватая ртом воздух, и упал. Белая трава под ним окрасилась кровью. Рэнсом опустился на колени, переворачивая его на спину, но грузный Хьои был слишком тяжелым. Уин поспешил на помощь.

– Хьои, слышишь?.. – Рэнсом прижался лбом к круглой мохнатой башке. – Хьои, это все из-за меня. Это те двое, что прилетели на Малакандру вместе со мной. Они умеют бить насмерть издалека. Я должен был тебе сказать. Мы все гнилые. Мы прибыли, чтобы сеять на Малакандре зло. Мы вовсе не хнау. Хьои...

Он затих, не зная, как на местном наречии сказать «виноват» или «стыдно»... да что там, обычное «прости»! Мог лишь в бессильном отчаянии вглядываться в лицо, искаженное безмолвной гримасой боли. Хросс, однако, его понял. Он силился что-то сказать, хотя взгляд стремительно стекленел.

– Чхел... ховек, – выдавил тот наконец. – Чхеловек храхрапунт.

Хьои изогнулся всем телом, изо рта хлынула кровь, запрокинутая голова ужасно потяжелела, а лицо вдруг стало по-звериному тупым, бессмысленным и чуждым, каким Рэнсом увидел его в первый миг встречи. Стеклообразные глаза, всклокоченная мокрая шкура – обычный дохлый зверь из земного леса...

Рэнсому хотелось заорать, призвать все небесные кары на головы Уэстона и Дивайна. Но что толку?.. Поэтому он лишь поднял глаза, встречая взгляд Уина, сидевшего на корточках по ту сторону тела (храсса не умеют стоять на коленях).

– Я во власти твоего народа, Уин. Пусть делают, что должны. Для вас умнее будет убить меня, а потом и тех двоих.

– Хнау не убивают других хнау, – ответил Уин. – Это дано лишь Уарсе. А те двое... Где они?

Рэнсом обернулся. Ярдах в двухстах на берегу начинался густой лес.

– Где-то за деревьями, наверное. Не вставай, Уин! Лучше иди сюда, здесь есть ложбина. Они снова могут бросить смерть из своего оружия.

Не без труда он заставил Уина пригнуться. Друзья легли в траву у самой воды, ногами почти что в озере. Хросс заговорил:

– Почему они его убили?

– Они не знали, что он хнау, – ответил Рэнсом. – Я ведь рассказывал, что в моем мире есть лишь один вид хнау. Они могли принять его за зверя. И убить просто так, из страха, например, или... – Он замешкался. – Или потому что были голодны. Уин, я должен сказать тебе кое-что. Они и хнау могут убить – даже зная, что он хнау, если решат, будто им это выгодно.

Долгая тишина в ответ.

– Не знаю, видели меня или нет, – сказал Рэнсом. – Пришли-то за мной. Наверное, я пойду к ним, чтобы ваши земли не тревожили. Но почему они не выходят из леса посмотреть, кого убили?

– Наши уже рядом, – сказал Уин.

Рэнсом обернулся и увидел, что к берегу приближаются первые лодки. Основная часть отряда подтянется сюда через несколько минут.

– Они боятся храсса, – догадался Рэнсом. – Поэтому и не выходят... Уин, я пойду к ним.

– Нет, – ответил тот. – Я все понял. Зря мы ослушались эльдила. Он велел тебе идти к Уарсе. Ты был бы уже в пути. Ступай прямо сейчас.

– Тогда гнилые чхеловеки останутся здесь. И могут натворить еще больше бед!

– Они не тронут хросса. Ты сам сказал, они нас боятся. Скорее уж мы за ними пойдем. Не волнуйся, они нас не увидят и не услышат. Мы просто выведем их к Уарсе. Но ты должен идти прямо сейчас, как велел эльдил.

– Твой народ решит, что я сбежал – не решаюсь после смерти Хьои показываться на глаза.

– Надо думать не о других, а о том, что сказал эльдил. Не будь как детеныш. Теперь слушай, я расскажу, куда идти.

Хросс объяснил, что в пяти днях ходьбы на юг этот хандрамит соединяется с другим, и если там повернуть на северо-запад, то через три дня выйдешь к Мельдилорну и Уарсе. Есть путь короче, через горы, по склону харандры между этими двумя каньонами – тогда к Мельдилорну можно выйти уже на второй день. Надо только войти в лес и идти прямо, пока не упруешься в скалистую стену хандрамита, там у корней горы¹⁰ повернуть на юг. Потом будет дорога, по ней поднимешься наверх и попадешь к оплоту Огрея. Огрей поможет. Только перед тем как лезть в гору, следует запастись едой: нарезать травы. И вот еще в чем сложность: в лесу можно столкнуться с двумя гнилыми чхеловеками.

– Если тебя поймут, в наши земли они, как ты и сказал, больше не пойдут, – заключил Уин. – Но лучше, чтобы это случилось не здесь, а на дороге к Уарсе. Думаю, как только ты тронешься в путь, он не позволит гнилым тебя тронуть.

Рэнсом сомневался, что это и впрямь лучший выход и для него, и для хросса. Однако внезапная гибель Хьои так его поразила, что он не нашел в себе сил спорить. Он был готов сделать для хросса что угодно, лишь бы не стать причиной новых бед. Если надо уйти – он уйдет. Непонятно, что чувствовал Уин, – и оттого Рэнсому еще сильнее хотелось валяться у того в ногах, вымаливая прощение. Правда, Хьои на последнем издыхании назвал его победителем хнархи... Не величайшая ли это милость и отпущение всех грехов?

Запомнив подробности дороги, Рэнсом попрощался с Уином и зашагал в сторону леса.

¹⁰ Здесь К. С. Льюис отдает дань уважения Уильяму Моррису, английскому поэту и прозаику XIX века, который считается основоположником жанра фэнтези. Его романы – в частности «Корни горы» – оказали немалое влияние на творчество как самого Льюиса, так и его близкого друга и единомышленника Дж. Р. Р. Толкина.

Глава XIV

До самых деревьев он думал только об одном: не грянет ли вот-вот новый ружейный выстрел? Впрочем, скорее всего, Уэстон с Дивайном предпочтут взять его живым... Еще и хросс глядел ему в спину, поэтому Рэнсом постарался сохранить хоть какую-то видимость самообладания. А между тем в лесу спокойнее не стало. Длинные лысые стебли могли укрыть от выстрела разве что на очень большом расстоянии. Ужасно хотелось окликнуть Уэстона с Дивайном, сдаться им наконец. Это было бы разумно: тогда захватчики покинут земли хросса, чтобы отвести пленника к сорнам. Однако Рэнсом немного смыслил в психологии и знал, что беглецы нередко чувствуют глупое желание капитулировать; он и сам порой во сне испытывал подобные страхи. Наверное, просто сдают нервы. Так или иначе, отныне он будет подчиняться всем приказам хросса или эльдилов. Пока что попытки жить на Малакандре своим умом ни к чему хорошему не привели. Рэнсом твердо решил любой ценой, невзирая на перемены настроения, добраться до Мельдилорна.

Он не сомневался, что это единственный правильный выход, и все же его терзали дурные предчувствия. На харандре, куда ему предстоит держать путь, обитают сорны. Выходит, он добровольно шагает в западню, от которой бегал с тех самых пор, как очутился на Малакандре. Даже если благополучно миновать земли сорнов и попасть в Мельдилорн... кто он такой, этот Уарса, что он собой представляет? Тем более Уин обмолвился: мол, Уарса в отличие от хросса не гнушается проливать кровь других хнау. И опять-таки он правит не только хросса и пфифльтриггами, но и сорнами. Быть может, это просто самый главный сорн? Рэнсом в который раз запаниковал. В душе заворочался старый земной страх перед инопланетным сверхразумом: холодным, нечеловечески жестоким.

И все равно, что бы ни случилось, Рэнсом доберется до Мельдилорна! Милые добрые хросса просто-напросто не могут повиноваться злобному выходцу из кошмаров; кроме того, они утверждали (или он просто неправильно понял?), будто Уарса вовсе не сорн. Здешнее божество? Идол, которому сорны хотели принести жертву? Однако хросса отрицали и это. Они говорили, есть лишь один бог – Малельдил Юный. Да и невозможно представить, чтобы Хьои или Хнохра поклонялись обагренному кровью божку. Хотя, быть может, хросса ничего не решают и давно порабощены сорнами, уступающими им в человечности, но превосходящими по интеллекту? Странная была бы иерархия мира: на нижней ступени – героизм и поэзия, выше – холодный научный интеллект, а всем этим правит темное суеверие, перед которым бессильны и эмоции, и разум. Эдакий кровавый истукан.

И снова Рэнсому пришлось брать себя в руки. Глупо так рассуждать. Чуть раньше он посчитал бы того же эльдила изжитком здешних суеверий – а ведь сам слышал его голос! Нет, Уарса, кем бы он ни был, вполне реален.

Рэнсом шагал уже более часа, время близилось к полудню. Заплутать он не боялся: надо просто идти в гору, тогда рано или поздно выйдешь из леса к скалистой стене. Чувствовал он себя замечательно, если забыть об угрызениях совести. Вокруг простирался все тот же безмолвный лиловый лес, что и в первые дни пребывания на Малакандре, зато все остальное отныне изменилось. О том времени Рэнсом вспоминал как о кошмаре, свои тогдашние настроения считал недугом. Та болезнь и вызывала бесконтрольный ужас с истериками. Теперь, в ясном свете осознанного долга, он тоже испытывал страх, но вместе с ним и странное доверие к себе и к окружающему миру, отчасти даже некое довольство. Одно дело быть матросом на тонущем судне, и совсем другое – всадником, под которым понесла лошадь; гибель грозит обоим, но всадник еще может повлиять на развитие ситуации.

Спустя час перед ним неожиданно открылась залитая солнцем опушка. Впереди ярдах в двадцати поднимались шпиль – так близко, что макушек их было не видеть. Пятачок земли, на

котором стоял Рэнсом, клином вдавался в скалистую стену, состоящую, казалось, из громадного неприступного монолита: внизу покатого, словно скат крыши, затем вертикально отвесного, а сверху так и вовсе нависающего здоровенным гребнем, способным, чуть что, обрушиться на голову.

Интересно, как, по мнению хросса, должна выглядеть дорога?..

Рэнсом стал пробираться на юг по узкой извилистой полоске земли между лесом и горой, изрытой скалистыми уступами. Идти было тяжело даже по меркам здешнего мира. Минут через тридцать впервые попался ручей. Рэнсом свернул в лес, нарезал молодого сорняка на обед и устроил на берегу привал. Потом, набив остатками травы карманы, двинулся дальше.

Понемногу он начинал беспокоиться: дороги все было не видать, а если на гору и можно взобраться, то только засветло. А день уже давно перевалил за середину. Впрочем, опасения оказались напрасны: слева между деревьями вдруг появилась широкая просека (наверное, ведущая к деревне хросса), а справа – та самая искомая тропинка, изгибами карабкавшаяся по склону впадины. У Рэнсома перехватило дух: безмерно крутая, узенькая лестница без перил вилась по светло-зеленой скале почти невидимой лентой. Впрочем, тупо пялиться на нее все равно не было времени. Он, конечно, не мастер оценивать расстояния на глаз, но высотой эти горы не уступали Альпам – а времени до заката осталось всего ничего. Рэнсом начал подъем.

На Земле подобный поход был бы немыслим: спустя каких-нибудь пятнадцать минут даже крепкий мужчина вроде Рэнсома рухнул бы без сил. Здесь же он лишь дивился легкости, с какой давался ему путь, хотя вскоре долгая ходьба в гору отозвалась-таки болью в спине и дрожью в ногах. Дальше стало хуже: в ушах зазвенело, а еще Рэнсом понял, что, невзирая на усталость, ничуть не взмок. Холод с каждым шагом становился все пронзительней и вытягивал силы пуще самой невыносимой жары. Губы стали трескаться, с каждым выдохом изо рта вырывалось облачко пара, пальцы заledenели. Казалось, путь лежал прямо в Арктику: английская зима уже миновала, впереди ждали лапландские стужи. Надо передохнуть немедленно: если привал сделать позднее, спустя еще хоть сотню ярдов, он просто не найдет сил подняться. Сев на корточки, Рэнсом обхватил себя руками. Пейзаж вокруг внушал ужас. Хандрамит, на последние несколько недель давший приют, отсюда выглядел не более чем лиловой расселиной в безграничной пустоши харандры, которая отчетливо виднелась теперь в просветах между горными пиками. Ничуть не отдохнув, путник встал: надо идти дальше.

А мир вокруг становился все чуднее. Среди хросса Рэнсом и забыл, что он на чужой планете, здесь же это чувство чужеродности накатило с новой силой. Очень остро ощущалось, что вокруг – уже не «мир», а планета, осколок Вселенной в миллионах, миллиардах миль от человека. Здесь все чувства, что он испытывал к Хьюи, Уину, эльдилам, Уарсе, утратили всякий смысл. Что за бред – думать, будто он чем-то обязан этим уродцам из космической глуши... да реальны ли они вообще? Он ничего им не должен: он человек! Почему Уэстон с Дивайном его бросили?

И все же прежнее решение, принятое в те моменты, когда он еще мог размышлять здраво, упорно гнало его вперед. Часто Рэнсом забывал, куда вообще идет и зачем. Двигался скорее машинально: слабел, останавливался, начинал замерзать и потому снова переставлял ноги. Над хандрамитом – который отсюда смотрелся мелким клочком пейзажа – висела какая-то дымка. Странно, пока он там жил, никакого тумана не замечал... Может, так сверху выглядит воздух? А воздух, к слову, изменился. В легких хрипело, сердце сбивалось с ритма, причем отнюдь не из-за холода и усталости. Снега на харандре не было, и ее заливал ярчайший свет. Он становился все резче и пронзительней, а небо, напротив, темнело. На почти черном фоне возвышались зубчатые шпили скал – точь-в-точь лунный пейзаж. Над головой проступали звезды.

И вдруг Рэнсом понял, в чем причина этих странных явлений. Просто здесь было очень мало воздуха – он приближался к вершине. Малакандрийская атмосфера оседала в хандрамитах, а саму поверхность планеты укутывал лишь тонкий ее слой – и то, может, не везде.

Слепящий свет и чернота над головой – те самые «небеса», с которых он прилетел, только прикрытые тончайшей завесой воздуха. Если до вершины более ста футов, значит, дышать там человек уже не сумеет. Может, у хросса иначе устроены легкие? И они, отправив Рэнсома в путь, невольно обрекли его на гибель? Хотя нет, Рэнсом заметил, что зазубренные пики, полыхавшие от солнца на черном небе, уже вровень с ним. Подъем закончился. Теперь дорога впереди ныряла в мелкую ложину, справа ограниченную скальными вершинами, а слева – покатым склоном, уходящим к харандре. Здесь еще удавалось дышать, пусть через силу, головокружение и боль в легких. Правда, глаза жгло невыносимо: солнце спускалось к самому горизонту. Наверное, поэтому хросса его и предупреждали: для них ночь на харандре столь же губительна, как и для человека. Пошатываясь, Рэнсом брел вперед, высматривая оплот Огрея. И плевать уже, кто такой этот самый Огрей...

Видимо, Рэнсом утратил представление о времени. Казалось, он целую вечность блуждает среди растущих теней, силясь увидеть оплот. Наконец впереди сверкнул огонек. Только сейчас Рэнсом понял, как сильно сгустилась тьма. Он бросился бежать, однако ноги не слушались. Спотыкаясь от спешки и слабости, он рвался к свету и в итоге добрал до входа в пещеру. Изнутри лилось сияние и выходило благословенное тепло. Там горел костер. Рэнсом шагнул в пещеру и, нерешительно потоптавшись у порога, прошел чуть дальше. Когда глаза привыкли, он увидел свод из зеленого камня, а на его фоне два силуэта: один – черный, громадный, угловатый и второй – светлый и поменьше, сидящий у его ног. Тень сорна... и самого сорна.

Глава XV

– Иди сюда, – пророкотал сорн. – Дай на тебя взглянуть.

Итак, Рэнсом стоял лицом к лицу со своим кошмаром, преследовавшим его с самого появления на Малакандре, – и как ни странно, ровным счетом ничего не испытывал. Он не представлял, что теперь будет, однако бежать не собирался: слишком в пещере было тепло, слишком сладкий воздух густился в ее стенах...

Путник шагнул вперед, вставая спиной к костру, и ответил сорну. Правда, голос прозвучал пронзительно и визгливо:

– Хросса отправили меня к Уарсе.

Сорн не сводил с него взгляда.

– Ты не из нашего мира, – промолвил он.

– Верно, – отозвался Рэнсом и сел.

Для подробностей он слишком устал.

– Думаю, ты с Тулкандры, – сказал сорн.

– Почему? – спросил Рэнсом.

– Ты маленький и плотный, как существа из тяжелых миров. Не с Глундандры – она такая тяжелая, что если бы там и обитали живые существа, они были бы плоскими, как тарелки. И вряд ли ты с Переландры – там слишком жарко. Значит, ты с Тулкандры.

– У нас мой мир называют Землей, – ответил Рэнсом. – И там теплее, чем здесь. Снаружи пещеры я чуть не умер от холода и недостатка воздуха.

Сорн вдруг вскинул длинную переднюю лапу. Рэнсом застыл, лишь невероятным усилием воли удержавшись на месте, – неужто это существо хочет его схватить? Однако нет, хозяин пещеры дурных намерений не имел. Он взял с уступа стены какой-то предмет, похожий на чашу с прикрепленной длинной трубкой.

Сорн протянул загадочное изделие гостю.

– Вдохни. Хросса это тоже нужно, когда они сюда приходят.

Рэнсом сделал вдох, и ему мигом полегчало. Одышка унялась, боль в груди и ногах ослабла. Пещера и сорн, до сих пор расплывавшиеся в глазах, обрели ясные очертания.

– Это кислород? – спросил он.

Сорн, конечно же, не знал английского слова.

– Это ты – Огрей? – уточнил тогда Рэнсом.

– Да, – ответил сорн. – А ты кто?

– У нас существо моего вида называется человек, поэтому сорны прозвали меня Чхеловеком. А зовут меня Рэнсом.

– Че-ло-век. Рэн-со-ом, – произнес на пробу сорн, иначе, нежели хросса, без их извечного «кхеканья».

Он сидел на длинных ягодицах, притянув к себе ноги. Человеку в той же позе пришлось бы положить подбородок на колени, однако у сорна конечности были слишком длинными. Похожие на гигантские карикатурные уши, они с обеих сторон торчали над плечами, а подбородок примостился на выступающей груди. Причем двойной подбородок... (Или то борода? В неверном свете костра толком не разглядеть). Тело – не то белое, не то кремовое – прикрывала длинная хламида из странной ткани, отражающей свет. Приглядевшись получше, Рэнсом понял, что это не одежда, а нечто вроде шкуры. Даже не мех, а перья. В целом сорн вблизи выглядел не таким уж и жутким. От лица, правда, порой бросало в дрожь: слишком оно было вытянутым, бесцветным, с пафосной гримасой – и поразительно похожим на человеческое. Глаза, как у всех крупных существ, казались слишком маленькими. В общем, выглядел сорн не пугающе, а скорее нелепо. Не великаном и призраком, а дурацким гоблином.

– Может, ты голоден? – спросил сорн.

Рэнсому оставалось лишь кивнуть. Сорн встал и, по-паучьи странно передвигая ногами, в сопровождении тонкой призрачной тени отошел к дальней стене. Принес он оттуда обычные малакандрийские овощи, какой-то незнакомый крепкий напиток, а еще кусочек странной коричневой субстанции, и на вкус, и на запах удивительно похожей на сыр. Рэнсом спросил, что это.

Сорн принялся мучительно объяснять, что самки некоторых местных животных выделяют для кормления детенышей жидкость. Потом начал подробнейшим образом описывать процесс доения, но Рэнсом его перебил:

– Да, да! У нас на Земле тоже так делают. Что это за животные?

– Желтые звери с длинной шеей, питаются побегами на хандрамите. Наши подростки, не обучившиеся пока более полезному делу, утром собирают их и гонят вниз, а вечером отводят обратно в пещеры.

Итак, сорны – пастухи. Это успокаивало. Впрочем, гомеровский Циклоп занимался тем же ремеслом...

– По-моему, я видел одного из ваших за работой, – сказал Рэнсом. – Но как же хросса... разве они дают вам опустошать их леса?

– А почему нет?

– Они вам подчиняются?

– Они подчиняются Уарсе.

– А кому подчиняетесь вы?

– Уарсе.

– Но вы знаете больше, чем хросса?

– Хросса знают только, как складывать песни, собирать моллюсков и растить травы.

– А Уарса – он сорн?

– Нет. Я ведь сказал, он правит всеми нау. – Так сорн произносил слово «хнау». – И всем живым на Малакандре.

– Я не понимаю, – признался Рэнсом. – Расскажи о нем.

– Уарса не умирает. И он не рождает детей. Он прибыл управлять Малакандрой, когда ее создали. Его трудно увидеть.

– Как эльдилов?

– Да, он величайший из эльдилов.

– А кто такие эльдилы?

– Хочешь сказать, в твоём мире эльдилов не бывает?

– Насколько мне известно, нет. Кто это вообще такие, почему их не видно? У них что, нет тела?

– Есть, конечно же. Просто ты многое не видишь. У любого животного глаза одно видят, а другое – нет. Вы же на Тулкандре знаете, что тела бывают разными?

Рэнсом как мог описал сорну земное представление о твердом, жидком и газообразном состояниях вещества. Тот внимательно выслушал.

– Это другое, – вынес он наконец вердикт. – Тело – это движение. На одной скорости ты почувствуешь запах, на другой услышишь звук, на третьей – увидишь очертания. А иногда бывает такая скорость, что нельзя ни увидеть, ни услышать, ни почуять. Но заметь: крайности сходятся.

– Как это?

– Если двигаться еще быстрее, то окажешься в двух местах одновременно.

– Да, верно.

– А если еще быстрее (мне сложно объяснить, ты многих слов не понимаешь), все быстрее и быстрее, то в конце концов окажешься везде и сразу.

– Вроде бы ясно...

– Так вот, есть высшая форма всех тел: когда движешься так быстро, что остаешься на месте, а тело вовсе перестает быть телом. Но об этом мы говорить не будем. Начнем с того, что попроще. Самое быстрое, что достигает наших чувств, – это свет. Правда, по-настоящему мы видим не его, а более медленные тела, которые он освещает. Поэтому свет – последнее, что мы способны воспринять, пока тело не станет слишком быстрым. Тело эльдилов – быстрое, как свет. Можно даже сказать, что они из света состоят. Правда, для самих эльдилов свет – это нечто другое: еще более стремительное движение, которое мы вовсе не способны уловить. А то, что считаем светом мы, – для них вещество плотное, осязаемое, как вода, в котором можно даже плавать. И наш свет кажется им темным. А то, что мы считаем твердым – например, землю или плоть, – они почти не видят, для них оно похоже на невесомые облака. Для нас эльдил – прозрачное создание, способное проходить сквозь стены и скалы, а он считает, что способен проходить сквозь них, потому что сам твердый, а они – воздушные. И то, что для него свет, наполняющий небеса, для нас черная небесная пропасть. Ясно? Странно одно: почему эльдилы никогда не бывали на Тулкандре?..

– Я в этом уже не уверен, – признал Рэнсом.

Вдруг сказания про эфемерных существ – эльфов, дэвов, призраков, – которые есть у всех народов мира, имеют рациональное объяснение? Правда, тогда с ног на голову переворачивается все представление о мире... Впрочем, после путешествия на космическом корабле Рэнсома мало что удивляло.

– Зачем Уарса послал за мной?

– Уарса не говорил. Полагаю, ему интересно взглянуть на жителя чужой хандры.

– А в моем мире Уарсы нет, – сообщил Рэнсом.

– Вот еще одно доказательство, что ты с Тулкандры, безмолвной планеты.

– Почему ты так думаешь?

Сорн удивился:

– Будь у вас Уарса, он обязательно беседовал бы с нашим.

– С вашим? Через многие тысячи миль?!

– Для Уарсы все по-другому.

– Хочешь сказать, он часто получает вести с иных планет?

– Опять-таки сам Уарса выразился бы иначе. Он никогда не скажет, что живет на Малакандре, а другой Уарса – где-то на другой земле. Для него Малакандра – лишь место на небесах, где он живет с другими. И, само собой, они все часто беседуют.

Услышанное с трудом укладывалось в голове. Рэнсома клонило в сон. Наверное, он просто неправильно понимает сорна.

– Мне надо поспать, Огрей. Толком не разберу, о чем ты говоришь. Может, я и не с Тулкандры вовсе...

– Сейчас мы оба ляжем спать, – заверил сорн. – Однако сперва я покажу тебе Тулкандру.

Рэнсом последовал за ним в дальнюю часть пещеры. Там обнаружилась расселина и ведущая наверх винтовая лестница. Ступени, рассчитанные на рост сорна, для человека были слишком высоки, однако Рэнсому с помощью локтей и коленей удалось-таки ее преодолеть. Сорн держался позади, неся в руке какой-то круглый предмет, излучавший свет. Шли они очень долго, поднимаясь едва ли не к самой вершине. И наконец попали в темную теплую пещеру.

– Она на юге, над самым горизонтом.

Сорн указал на небольшое окошко. Оно чем-то походило на земной телескоп, лишь устроено было иначе. Правда, когда следующим утром Рэнсом попытался объяснить сорну принцип его действия, то сам не понял, в чем разница. А пока он подался вперед, упиравшись локтями в стену, и прильнул к оконцу. За ним царил беспроглядная чернота, а в самой середине, едва ли не на расстоянии вытянутой руки, плавал яркий диск размером с монету. Почти

весь он был серебристым, лишь в самом низу виднелись неясные очертания темных пиков, увенчанных белыми шапками. Такие же Рэнсом видел на фотографиях Марса... может, это он и есть? Однако, приглядевшись, он различил контуры Северной Европы и кусочек Америки, только перевернутые вверх ногами, отчего Северный полюс очутился внизу (почему-то Рэнсома это неприятно поразило). Так или иначе, перед ним Земля. Кажется, с самого краешку видно даже Англию, хотя картинка немного дрожала, и глаза быстро устали. Не исключено, что и померещилось... На этом крохотном диске поместилось все: Лондон, Афины, Иерусалим, Шекспир, ныне живущие люди и давно минувшее прошлое. Может статься, даже брошенный рюкзак до сих пор лежит на крыльце опустевшего дома близ Стерка...

– Да, – глухо сказал Рэнсом сорну. – Это мой мир.

И впервые за все путешествие ему стало по-настоящему горько.

Глава XVI

Следующим утром Рэнсом проснулся со странным чувством: будто с души у него свалился огромный камень. Затем он вспомнил, что гостит у сорна – и что существо, от которого он всячески скрывался, ничуть не уступает хроссам в дружелюбии. В общем, бояться на Малакандре теперь нечего – разве что самого Уарсы.

Огрей дал ему еды и воды.

– Что ж, – заговорил Рэнсом, – как мне добраться до Уарсы?

– Я тебя отнесу, – сказал сорн. – Для такого пути ты слишком маленький, а я с удовольствием побываю в Мельдилорне. Хросса не стоило отправлять тебя в путь этой дорогой. Почему-то они, глядя на живое создание, не могут понять, что у него иначе устроены легкие и в этих местах ему не выжить. Весьма на них похоже. Если бы ты погиб на харандре, тут же сложили бы песнь об отважном человеке. О том, как упрямо ты шел к цели, невзирая на чернеющее небо и слепящие ледяные звезды. А перед смертью ты, конечно же, произнес бы целую речь. А ведь прояви они немного осмотрительности, можно было показать тебе другой путь.

– Мне хросса нравятся! – сухо произнес Рэнсом. – И они очень правильно думают о смерти.

– Они правы, что ее не боятся, Рэн-со-ом, но они не относятся к ней разумно, не воспринимают ее как естественное свойство наших тел – и порой гибнут очень глупо, когда смерти можно легко избежать. Например, этот предмет спас немало жизней, однако хросса и не думают брать его с собой!

Он показал Рэнсому колбу с трубкой, на другом конце которой висела чаша – видимо, дыхательный аппарат.

– Дыши через нее, когда потребуется. А потом закрывай.

Сорн закрепил колбу у него на спине, а трубку перекинул через плечо и протянул Рэнсому. Того от касаний длинных паучьих рук с семью пальцами на каждой, холодных и костлявых, как птичьи лапы, бросило в дрожь. Чтобы хоть немного отвлечься, он спросил, где был изготовлен аппарат – ведь явно в какой-то лаборатории, а то и на фабрике. До сих пор ему не попадалось ничего похожего.

– Мы придумали, а пфифльтригги смастерили.

– Смастерили? – переспросил Рэнсом, в который раз пытаюсь со своим скудным лексическим запасом выяснить экономическое и политическое устройство малакандрийского общества.

– Они любят мастерить разные вещи, – пояснил Огрей. – Лучше всего им удаются предметы на вид красивые, но совершенно бесполезные. Хотя иногда они мастерят разные предметы для нас. Только изделия должны быть сложными; на легкие поделки, пусть даже очень нужные, у них не хватает терпения. Впрочем, нам пора. Садись мне на плечо.

Предложение прозвучало до того неожиданно, что Рэнсом опешил, однако деваться было некуда – сорн уже присел на корточки; оставалось лишь собрать все мужество и взгромоздиться на покрытое чем-то вроде перьев плечо, прижаться боком к длинной блеклой щеке, а правой рукой обвить широченную шею, смиряясь со столь рискованной манерой передвижения. Великан осторожно выпрямил спину, и Рэнсом взмыл в небо футов эдак на пятнадцать.

– Все хорошо? – спросил сорн.

– Да, вполне... – выдавил Рэнсом, и они двинулись в путь.

Более всего от человека сорна отличала походка. Он очень высоко поднимал ноги и ставил их необычайно бережно. Рэнсому вспоминалась то крадущаяся кошка, то вальяжно вышагивающий петух, то гарцующая лошадь, но из всех земных созданий ни одно не могло сравниться с сорном. Передвигаться на нем, к слову, было очень удобно. Вскоре голова кружиться

перестала, взамен нахлынули забавные сентиментальные воспоминания, как он подростком катался в зоопарке на слоне или, совсем еще маленьким ребенком, на отцовской спине. В общем, стало даже весело. Двигались они довольно быстро: миль шесть, а то и семь в час. Холод был терпим, дышалось благодаря кислородной маске легко. Вот только открывавшийся с плеча сорна пейзаж был довольно унылым. Хандрамит давно пропал из виду. Шли они по дну неглубокого оврага, по обе стороны от которого тянулись голые зеленоватые скалы, испещренные кое-где красными пятнами. Небо у горизонта было темно-синим, в зените – почти черным; прикрыв глаза от слепящего солнца, удавалось разглядеть звезды. Со слов сорна Рэнсом понял, что не ошибался: еще чуть выше – и дышать уже нечем. Даже здесь, на скалах, стеной окружавших харандру, и в мелкой впадине, по которой проходил их путь, воздух был очень разреженным, как где-нибудь в Гималаях, и для дыхания почти не годился. А если подняться еще хоть на сотню футов, на харандру, истинную поверхность планеты, то и вовсе вмиг задохнешься. Поэтому и свет здесь такой яркий, ведь атмосфера его почти не затмевает.

Путники шли к расположенному совсем близко – рукой подать – горизонту, а перед ними на фоне изломанных скал шагала тень сорна с Рэнсомом на плече – донельзя четкая, как силуэт дерева, выхваченного из тьмы автомобильными фарами. Трещины и уступы были резкими и яркими, словно их нарисовала рука древнего живописца, не слыхавшего про законы перспективы. Рэнсом очутился близ тех самых небес, по которым несли на космической колеснице, и его вновь омывали неприкрытые воздушной оболочкой лучи. Поэтому сердце воспарило, и возникло прежнее чувство экстатичного восторга. Казалось, сама жизненная сила непрощено струится нескончаемым потоком. Не береги он в легких воздух, рассмеялся бы. Даже окрестности преобразились. С края оврага свесились пенистые клубы той самой розовой субстанции, которую он и прежде видел издалека. Теперь выяснилось, что она тверда как камень, а внизу клубы собираются в тонкий стебель, будто у растения. Рэнсом угадал – и впрямь точь-в-точь цветная капуста, только розовая и размером с кафедральный собор.

Он спросил, что это такое.

– Древние леса Малакандры, – отозвался Огрей. – Когда-то и на харандре были воздух и тепло. Там жило много существ; сегодня ты, сумеи туда подняться, увидел бы их кости. Тогда и выросли эти леса, и с ними народ, которого уже много тысяч лет нет на свете. Росла у них не шерсть, а покров вроде моего. И они не ходили по земле и не плавали в воде, а скользили по воздуху, размахивая широкими лапами. А еще эти существа чудесно пели, и красные леса в те дни звенели от музыки. Увы, сейчас там могут обитать лишь эльдилы.

– В нашем мире такие существа есть до сих пор, – похвастался Рэнсом. – Мы зовем их птицами. А где же тогда был Уарса?

– Там же, где и сейчас.

– Почему он допустил, чтобы они погибли?

– Не знаю. Но никто не должен жить вечно, такова воля Малельдила.

Чем дальше они шли, тем гуще становились окаменелые леса, тем чаще безжизненный пустынный горизонт расцветал ярче летних весенних садов. По дороге не раз попадались пещеры, где, по словам Огрея, жили сорны; порой высокие скалы были испещрены черными дырами, и оттуда доносился неясный шум. «Работают», – говорил сорн, однако Рэнсом так и не понял, о чем речь. И вообще Огрей произносил очень много незнакомых слов, которых хросса в своей речи не использовали. Ничего похожего на селения или города Рэнсом не увидел; должно быть, сорны предпочитали уединение. Пару раз из пещерного зева выглядывала длинная узкая голова, чтобы поприветствовать странников низким трубным голосом, но большей частью каменное ущелье было столь же пустынным, как и вся харандра.

Лишь после полудня, когда путники спускались в расселину, пересекавшую дно оврага, повстречали разом троих сорнов. Те будто не шагали, а скользили, как на коньках. Умело балансируя на крутом склоне – сказывалась необычайная легкость этого мира, – они стреми-

тельно неслись вперед, словно корабли под всеми парусами. Двигались сорны столь грациозно, а их оперение так мягко мерцало в солнечных лучах, что Рэнсом окончательно переменял мнение об их расе. Никакие они не «людоеды-великаны», как ему чудилось в первые минуты, когда он вырвался из рук Дивайна и Уэстона; скорее «титаны» или «ангелы». Даже лица их более не внушали ужас: они не застыли в потусторонней гримасе – на них лежала печать величия. Просто сперва Рэнсом – не из трусости, скорее, в силу своей вульгарности – не сумел разглядеть в вытянутых чертах строгость и благородство. Так, наверное, глупый лондонский школьник обсмеял бы Парменида или Конфуция!.. Белые создания проплыли мимо Рэнсома с Огреем, склонив головы, точно макушки деревьев.

Невзирая на холод – тот порой заставлял спускаться с удобного плеча и шагать на своих двоих, – Рэнсом хотел бы, чтобы путешествие продлилось как можно дольше. У Огрея, однако, были свои планы, и он задолго до заката остановился на ночлег в жилище одного старого сорна. Рэнсом понял, что его решили показать местному ученому. Пещера была огромной – не пещера даже, а целый лабиринт из тоннелей и гротов, заполненных непонятными предметами. Особенно Рэнсома заинтересовали свитки из загадочного материала, похожего на кожу, – их покрывала вязь письмен. То явно были книги, которых на Малакандре, судя по всему, не так уж много.

– Лучше держать все в памяти, – пояснили сорны.

Рэнсом спросил, не боятся ли они утратить какие-нибудь важные сведения. Ему пояснили: Уарса ничего не забывает и, если надо, напомним.

– Раньше у хросса было много книг с песнями, – добавили сорны. – Сейчас их почти не осталось. Хросса говорят, книги разрушают поэзию.

Хозяин жил не один, а с другими сорнами, которые норовили ему угодить. Сперва Рэнсом принял их за слуг, затем, поразмыслив, решил, что это ученики или помощники.

Вряд ли земному читателю будет интересно, о чем они беседовали весь вечер, поскольку сорны засыпали Рэнсома вопросами, не давая ему перехватить инициативу. И допрашивали его совсем иначе, нежели мечтательно настроенные хросса. Сорнов интересовала вся Земля в целом: ее происхождение и нынешняя география, флора, фауна, история человечества, языки, политика и искусство. Выведав все, что Рэнсом знал по одной теме, – а выдыхался он довольно быстро, – они тут же переходили к следующей. Порой они вытягивали нужные им факты не напрямую, а косвенным путем (что говорило об их широком научном кругозоре). Вот Рэнсом обмолвился о деревьях, пытаясь описать процесс производства бумаги – и тем самым заполнил пробелы в своих ответах на ботанические темы; рассказал о навигации – и невольно затронул вопросы минералогии, описал паровой двигатель – и дал представление о земном воздухе и воде. Рэнсом с самого начала понял, что придется быть откровенным; юлить и увиливать – недостойно для хнау, да и попросту бесполезно. Потому он изложил всю историю земной цивилизации как есть; в частности, рассказал о войнах, рабстве и проституции, чем безмерно потряс своих слушателей.

– Все потому, что у них нет Уарсы! – сказал один из учеников.

– Все потому, что каждый из них хочет стать маленьким Уарсой, – уточнил Огрей.

– А какой толк? – возразил старый сорн. – Кто-то должен ими править – кто-то другой, не из их числа. Животными управляют хнау, ими правят эльдилов, а те подчиняются Малельдилу. А у этих созданий эльдилов нет. Они пытаются поднять себя за волосы, или увидеть с одного места всю землю, или родить самих себя.

Особенно сорнов поразили два момента. Во-первых, то, какие колоссальные силы земляне тратят, чтобы поднимать и перемещать разные предметы. И, во-вторых, что на Земле обитает лишь один вид хнау – по мнению сорнов, это сильно ограничивает людскую способность к мышлению.

– Вы мыслите лишь так, как могут существа вашей крови, – объяснил старый сорн. – И не способны понять того, кто другой крови.

Для Рэнсома разговор получился очень утомительным и тягостным. Однако, укладываясь спать, думал он не о человеческой ограниченности или собственном невежестве, а о древних лесах Малакандры и о том, каково жить, постоянно видя перед собой красочный мир, некогда населенный дивными созданиями, но ныне утраченный.

Глава XVII

На следующий день ранним утром Рэнсом снова вскарабкался на плечо Огрею. И вновь их путь пролегал по той же самой залитой светом пустоши. Вдалеке на севере сгушалось охристо-красное облако – огромное и стремительно несущееся на запад. Рэнсом, до сей поры на здешнем небе облаков не выдавший, удивился. Сорн пояснил: мол, это песок, подхваченный ветром в одной из северных пустынь. Такое часто случается: песок взлетает на высоту в семнадцать миль, а затем осыпается – порой даже на хандрамит – слепящей песчаной бурей. Жуткий вихрь в пустом небе как ничто другое напомнил Рэнсому, что ныне он за пределами родного мира, на голой поверхности странной чуждой планеты. Наконец далеко на западе облако опало, хотя с той стороны еще долго, пока та часть горизонта не скрылась из виду за изгибом ущелья, висело рыжее зарево, будто от пожарища.

За поворотом открылся новый пейзаж, на первый взгляд совершенно земной: серые гряды холмов, похожих на морские волны, а за ними – привычные уже зеленые утесы и пики на фоне ярко-голубого неба. Впрочем, Рэнсом быстро понял свою ошибку: то, что он принял за холмы, – на деле не более чем заполонивший ущелье сизый туман, который в хандрамите совсем не виден. И впрямь: едва дорога пошла под уклон, сквозь рассеивающийся туман стали проступать пестрые краски долины. Спуск тем временем становился все круче; скалистые пики вдруг сдвинулись, смыкаясь над ущельем гигантской челюстью (с очень кривыми зубами). Спустя миг дорога нырнула вниз – по земным меркам в крутую пропасть – и затерялась в фиолетовой растительности. Рэнсом наотрез отказался спускаться туда верхом на сорне. Огрей хоть и не понял, что смущает спутника, но все-таки покорно снял того с плеча – и понесся вперед, наклонившись к земле, будто конькобежец. Рэнсом последовал за ним, с удовольствием разминая онемевшие ноги.

От красоты нового хандрамита захватывало дух. Он был шире прежнего, и тропа вела путников напрямик к озеру – сапфирово-синему почти идеальному кругу миль двенадцати в диаметре, окруженному фиолетовым лесом. Посреди озера женской грудью вздымался низкий островок красного цвета с рощицей невиданных прежде деревьев. Изгибами гладких стволов они могли посоперничать с благороднейшими из буков, высотой превосходили земные соборы, а увенчаны они были кронами из золотых цветов: ярких, как тюльпан, неподвижных, будто камень, и огромных, точно летние облака. То и впрямь оказались именно цветы, а не деревья, и среди стеблей проступали очертания каких-то построек. «Мельдилорн», – пояснил сорн.

Рэнсом никак не ожидал увидеть нечто столь естественное в своей первобытной простоте, как эту дивную рощицу, притулившуюся посреди яркой долины – словно парящую в лучах зимнего солнца. С каждым шагом в долину холод отступал, а небо становилось бледнее. Вскоре путников окутало тончайшим ароматом гигантских цветов. Очертания далеких скал выглядели уже не столь разительными, их блеск не так резал глаза. Пейзаж обретал глубину и мягкость линий. Где-то там, высоко над головой, маячил край обрыва, откуда они начали путь, – не верится даже, что они и впрямь оттуда спустились. Дышалось легко, полной грудью, и можно было пошевелить в ботинках наконец-то отогревшимися пальцами. Рэнсом услышал шелест журчащей воды и почувствовал под ногами мягкую траву. Они преодолели харандру и ступили в Мельдилорн.

Тропа вывела путников на широкую лесную аллею, стрелой бегущую между фиолетовыми стеблями к мерцающей глади озера. На самом берегу стояла каменная колонна с гонгом и молотом, богато украшенными резьбой. Зеленовато-синий металл, из которого они сделаны, Рэнсому был незнаком. Огрей ударил в гонг, а Рэнсом в радостном волнении пытался разглядеть резьбу на камне. Рисунки перемежались простыми декоративными узорами. Более всего удивляло, до чего гармонично соединяются резьба и свободное пространство. Схематичные на

вид картинки, нанесенные скупыми линиями на манер доисторической пещерной живописи, сочетались с путаным узором вроде кельтских или норвежских орнаментов; причем вместе они, если присмотреться, складывались во фрагменты более крупных картин. Поразительным было и то, что иллюстрации не ограничивались лишь свободным пространством – некоторые арабески включали в себя и кусочек хитроумной виньетки. В другом месте колонны все шло в точности наоборот – и в этом чередовании тоже виделся определенный смысл, некий шаблон. Правда, едва Рэнсом начал разгадывать сюжет, сокрытый в картинках, как его отвлек Огрей. Со стороны острова к ним плыла лодка.

У Рэнсома потеплело в груди, когда он увидел, что гребцом в ней сидит хросс. Тот причалил к берегу, во все глаза уставился на чужака и перевел изумленный взгляд на Огрея.

– Да, Хринха, ты прав, это очень необычный нау, – сказал ему сорн. – Таких ты никогда не встречал. Его зовут Рен-Сум, и он прилетел по небесам с Тулкандры.

– Ему будут рады здесь, Огрей, – вежливо отозвался хросс. – Он прибыл к Уарсе?

– Да, тот за ним посылал.

– За тобой, Огрей, тоже?

– Нет, меня Уарса не звал. Если ты отведешь Рэн-Сума дальше, я вернусь в свой оплот.

Хросс жестом пригласил в лодку. Рэнсом принялся благодарить проводника за помощь и после секундного замешательства снял наручные часы и протянул Огрею, вкратце пояснив, что это такое: то была единственная вещь, которую он мог предложить сорну в качестве подарка. Однако Огрей, повертев часы в руках, неохотно их вернул.

– Такую вещь лучше подарить пфифльтриггу. Да, она радует мне сердце, но пфифльтригг извлечет из нее больше пользы. Наверняка встретишь кого-нибудь из них в Мельдилорне, вот и отдай. И... разве в твоём мире живые существа сами не могут понять, какая часть дня миновала?

– Многие животные, думаю, могут, – ответил Рэнсом. – Но наши хнау давно разучились.

На этом он распрощался с сорном и ступил в лодку. И вот Рэнсом вновь сидел в покачивающемся на волнах суденышке бок о бок с хроссом, ощущал на лице жар от воды, видел синее небо... все равно что вернулся домой. Он снял шапку, сел поудобнее и стал донимать вопросами своего провожатого. Выяснилось, что не только хросса были слугами при Уарсе, как решил сперва Рэнсом; тому прислуживали все три расы хнау, и хросса – самым умелым лодочникам – поручили управлять паромной переправой.

Ему сообщили, что в Мельдилорне он волен делать что хочет и ходить где пожелает, пока Уарса его не призовет – возможно, сразу же, а возможно, и спустя несколько дней. Возле причала будут хижины, там можно переночевать. В ответ Рэнсом как сумел рассказал о путешествии по небесам и о своем родном мире, заодно предупредив хросса об опасных гнилых мужчинах, которые прибыли вместе с ним и до сих пор бродят где-то в окрестностях. Надо было и Огрею про них рассказать... Впрочем, Рэнсом быстро утешил себя мыслью, что эти двое уже каким-то образом наладили контакт с сорнами и вряд ли осмелятся вредить столь могучим на вид созданиям. По крайней мере пока. Хотя его похитители явно замыслили что-то нехорошее.

Наконец лодка толкнулась в берег. Хросс сноровисто привязал суденышко, а Рэнсом встал и огляделся. Гавань была окружена низкими домами – первыми каменными зданиями, которые он увидел на Малакандре. Рядом горели костры. Там, по уверениям хросса, можно найти ужин и ночлег. В остальном остров был пустынен, только в рощице на вершине виднелись какие-то сооружения – похоже,obelisks наподобие гигантского Стоунхенджа. Казалось, там никого нет, но если прислушаться, оттуда в утренней тишине доносился слабый серебристый гул.

– На острове много эльдилов, – вполголоса произнес хросс.

Рэнсом сошел на берег. Сделал пару робких шагов, словно ожидая, что его остановят, постоял немного и столь же нерешительно двинулся дальше.

Трава мягко пружинила, ноги ступали бесшумно, но отчего-то хотелось идти украдкой, на цыпочках. От воды на острове было теплее, чем где-либо на Малакандре; здешняя погода напоминала октябрьские деньки, когда еще тепло, но в воздухе уже ощущается прохлада. С каждым шагом в душе нарастало чувство благоговейного страха, не дающее приблизиться к роще и каменной аллее на вершине холма. Поэтому на полпути Рэнсом свернул направо и пошел вдоль линии берега – якобы затем, чтобы осмотреть остров. Хотя на самом деле наоборот, остров хотел на него взглянуть. Спустя час Рэнсом окончательно в этом убедился, когда сделал одно открытие, суть которого позднее так и не сумел объяснить. В самых общих словах описать это можно было примерно так: по всей поверхности острова тени плясали вопреки движениям солнца. Не будь воздух таким неподвижным, а трава – слишком жесткой и короткой, Рэнсом списал бы это на колыхания от ветра, словно солнце играет в кукурузном поле. Однако световые блики стыдливо ускользали от чересчур пристального взгляда, да и серебристый перелив утихал, стоило к нему прислушаться. Куда ни посмотри – вроде бы ничего не видать, но краем глаза так и улавливается копошение или возня. Впрочем, стоит повернуть голову – и все пропадает, лишь мелькнет напоследок солнечным зайчиком. Несомненно, то были они – эльдины... Как ни странно, Рэнсом испытывал лишь любопытство, а не страх, будто вовсе не был окружен невидимыми «призраками». Не чувствовал он и раздражения от того, что за ним шпионят, – напротив, казалось, у этих существ есть полное право его разглядывать. Поэтому Рэнсом все более робел, смущался и не знал, куда себя деть.

Понемногу навалилась усталость. Полагая, что в этих местах можно отдыхать и на свежем воздухе, не опасаясь замерзнуть, Рэнсом сел. Мягкая трава и душистый аромат цветов навевали мысли о Земле и ее садах. На мгновение Рэнсом зажмурился, а когда снова открыл глаза, увидел невдалеке знакомые уже здания и лодку на воде. Переправа и дома для гостей. Следовательно, он успел обогнуть весь остров и вернуться на прежнее место. Отчего-то стало досадно. Навалился и голод. Наверное, стоит подойти, попросить еды. Заодно будет чем себя занять в ожидании...

Встав, Рэнсом пригляделся к гостевому дому и увидел возле него толпу существ – с паррома выгружались пассажиры. Посреди озера тоже что-то двигалось; в фигурах, бредущих по пояс в воде, Рэнсом с некоторым трудом узнал сорнов. Их было с десятков, не меньше. На остров зачем-то стекались посетители. Вряд ли кто из них намерен причинить вред инопланетному гостю, если тот вдруг выйдет к толпе, однако Рэнсом все равно медлил. Он вновь почувствовал себя новичком в школе: новенькие всегда приходят раньше и из укромного уголка наблюдают, как собираются старые знакомцы. В конце концов Рэнсом решил вовсе туда не спускаться. Он нарезал сорняков, перекусил и вздремнул.

К вечеру, когда похолодало, он вновь отправился гулять. Другие хнау (более всех бросались в глаза сорны – разумеется, из-за роста) тоже разбрелись по острову. Рэнсом, чтобы избежать случайной встречи, взобрался на холм повыше – и оказался вдруг на самом краю рощицы, возле каменной аллеи. Идти по ней он, конечно, не собирался; тем не менее взглянул мимоходом на ближайший обелиск, со всех четырех сторон покрытый резьбой, засмотрелся – и невольно шагнул к следующему камню.

Картинки были весьма необычны. Помимо сорнов, хросса и каких-то еще существ – наверное, тех самых пфифльтриггов – на них вновь и вновь появлялась высокая безликая фигура с широкими лапами – с крыльями? Рэнсом удивился. Неужели малакандрийское искусство корнями уходит в те древнейшие времена, когда на харандре, по словам Огрея, еще была жизнь и обитали крылатые создания? Если верить камням – то да; на них были высечены красные леса, над которыми порхали птицы – самые настоящие птицы! – и еще какие-то неведомые создания. На другом камне они были изображены мертвыми, а какая-то жуткая на вид хнархоподобная фигура – должно быть, символизирующая убийственный холод, – метала в них стрелы. Малая кучка выживших сбилась возле высокого крылатого создания, изображавшего,

видимо, Уарсу. На следующем камне Уарса в сопровождении свиты уцелевших проводил по земле борозду неким остроконечным инструментом. Далее пфифльтригги углубляли полученный ров, сорны собирали землю в большие кучи по краям, а хросса прокладывали водяные каналы. Интересно, что это: миф о создании хандрамита?..

Многие картинки Рэнсом разгадать не сумел. Особенно озадачило его изображение сферы с несколькими кольцами внутри, зависшей над фрагментом круга. Сперва он решил, что это восход солнца над горой, тем более что нижняя часть рисунка, «гора», демонстрировала обычные малакандрийские сюжеты: Уарса в Мельдилорне, сорны на краю харандры и прочие, уже знакомые, хоть и не все понятные. Однако, приглядевшись к верхней сфере, Рэнсом переменил свое мнение. Сфера с концентрическими кольцами – не солнце. Потому что вот оно – маленькое, в самой середине сферы, и именно от него расходятся кольца. На самом первом кольце бусиной висел маленький шарик, а на нем был изображен крылатый силуэт вроде Уарсы, только с чем-то наподобие трубы в руке. На следующем кольце фигурка была без лица, зато с двумя выпуклостями – видимо, с грудями или выменем, как у самки млекопитающего. Теперь Рэнсом окончательно убедился, что перед ним карта Солнечной системы. Первый шарик – Меркурий, затем Венера. «До чего удивительное совпадение – в здешней мифологии Венера тоже наделена женскими чертами», – подумал он. Любопытное открытие хотелось обдумать – но еще больше хотелось взглянуть, как же малакандрийцы изобразят следующую планету – Землю. Рэнсом перевел на нее взгляд... и похолодел от ужаса. Сам шарик висел на положенном месте, однако вместо фигурки на нем красовалась вмятина, будто кто-то соскоблил некогда начертанное изображение. Выходит, когда-то... Нет, слишком мало исходных данных, чтобы делать выводы.

Рэнсом посмотрел на следующую планету. Она была изображена не в виде шарика: орбита одним краем касалась нижнего круга, заполненного сценками из малакандрийской жизни, словно планету развернули в пространстве и приблизили к зрителю. Поняв наконец замысел художника, Рэнсом восхитился его мастерством. Он отступил на шаг и вдохнул поглубже, пытаясь уложить в голове новые факты. Итак, Малакандра – это Марс. А Земля...

Его размышления перебил настойчивый звон молота, уже давно стучавший в ушах и становившийся все назойливее. Неподалеку кто-то был – и это не эльдилы. Рэнсом встрепенулся и повернул голову. Никого. Тогда он невольно выкрикнул по-английски:

– Кто здесь?!

Постукивание вмиг утихло, и из-за соседнего камня высунулась морда: вытянутая и тонкая, будто у землеройки, без шерсти, с желтоватой кожей, очень низким лбом и длинным, почти свисавшим, как парик, затылком – точно у существа, лишённого интеллекта. В следующий миг невиданное прежде создание одним прыжком выскочило из-за камня, представая во всей красе. Так вот он какой, пфифльтригг... Слава богу, Рэнсом не встретил представителей третьей расы в первые дни своего пребывания на Малакандре! Уж больно пфифльтригги походили на рептилий или насекомых. Тело – так и вовсе лягушачье, пфифльтригг даже сидел, опираясь на передние лапы. Хотя нет, приглядевшись, Рэнсом понял, что на самом деле тот упирает в землю скорее локти, а не ладони, если судить человеческими понятиями: широкие и мягкие, они явно предназначались для ходьбы. А вот верхняя часть конечностей, поднимающаяся под углом в сорок пять градусов – это уже «руки» с тонкими, но крепкими на вид предплечьями и огромными многопальными ладонями. С таким строением пфифльтриггу должна даваться любая тяжелая работа: от копания земли до фигурной резьбы по камню. Двигался он в точности как насекомые: столь же резко и стремительно, вдобавок голову поворачивал вокруг себя, словно жук-богомол, а каждое движение сопровождалось сухим шелестящим стрекотанием. В общем, то была помесь кузнечика, лягушки, персонажа из-под пера Артура

Рэкхема¹¹... и одного старичка-таксидермиста из Лондона, с которым Рэнсом некогда водил знакомство.

– Я из другого мира... – начал было Рэнсом.

– Знаю, знаю! – суетливо затрещал его собеседник. – Встань здесь, у камня. Сюда, сюда. Уарса велел. Надо срочно. Быстрее! Стой там.

И Рэнсом очутился по ту сторону монолита, перед еще не законченной картиной. В воздухе витала каменная пыль, земля была усеяна крошкой.

– Вот так, – велело существо. – Стой смирно. На меня не смотри. Смотри туда.

Сперва Рэнсом не понял, чего, собственно, от него хотят, затем, когда пфифльтригг смерил его оценивающим взглядом и повернулся к незавершенному полотну, чуть было не расхохотался. Все-таки художники во всех мирах одинаковы! Придется позировать для портрета!

Пфифльтригг принялся долбить камень, причем делал он это необычайно легко, будто резал мягкий сыр. Результата, правда, Рэнсом не видел, поэтому ему оставалось лишь разглядывать живописца. Звонящий шум издавали десятки инструментов, которыми тот был увешан сверху донизу. Порой пфифльтригг с раздраженным восклицанием отбрасывал один инструмент и хватался за другой, хотя несколько, видимо, самых нужных, всегда держал во рту. Только теперь Рэнсом заметил, что пфифльтригг облачен в одежды из некоей чешуйчатой пестрой ткани, богато разукрашенной, хоть и покрытой нынче густым слоем пыли. Горло пушистым воротником укутывало нечто вроде шарфа, а глаза скрывались под темными очками с выпуклыми линзами. На шее и руках красовались многочисленные кольца и цепочки из какого-то яркого металла. Существо постоянно издавало странный свистящий шепот, а в моменты крайнего возбуждения – которые случались ежеминутно – будто кролик, морщил кончик носа.

Неожиданно художник взметнулся в воздух и одним прыжком отскочил от своего шедевра футов на десять.

– Да, да! Готово! Не очень, правда, получилось. Потом переделаю. Пока так. Иди, взгляни.

Рэнсом послушно подошел. Он вновь увидел изображения планет, но уже не в виде карты Солнечной системы; на сей раз они выстроились в вереницу, и на каждой, за исключением одной, ехал полыхающий, будто охваченный огнем, возничий. Малакандра находилась внизу, на ней Рэнсом увидал на удивление детальное изображение космического корабля, рядом с которым стояли три фигурки. Видимо, их всех рисовали с Рэнсома. Художник мог постараться и получше, пусть даже в его глазах инопланетные гости выглядят непривычно, – но не жирными ведь манекенами поперек себя шире с какой-то грибной шляпой вместо головы!

О картине Рэнсом отозвался уклончиво:

– Наверное, таким я кажусь вашему народу. Правда, в моем мире меня изобразили бы иначе.

– А я не хотел, чтобы вышло похоже, – возразил пфифльтригг. – Будет похоже – те, кто родятся позже, не поверят.

Беседа грозила затянуться надолго. Чтобы сменить тему, Рэнсом отважился задать вопрос, уже давно крутившийся на уме:

– Я все не могу понять, как и вы, и сорны, и хросса говорите на одном языке? Разве языки и глотки у вас устроены одинаково?

– Совсем не одинаково, ты прав, – согласился пфифльтригг. – Прежде мы говорили по-разному и сейчас со своими говорим так же. Однако потом все выучили язык хросса.

¹¹ Артур Рэкхем (1867–1939) – английский художник, работавший в стиле модерн. Проиллюстрировал практически всю классическую детскую литературу на английском языке. Наибольшую славу ему принесли иллюстрации к «Алисе в Стране чудес».

– Почему? Хросса что, у вас самые главные? – спросил Рэнсом, по-прежнему гнувший свою линию.

– Я тебя не понимаю. Они умеют говорить лучше всех и красиво поют. У них больше слов. Наш язык никто учить не станет, потому что мы говорим через камень, кровь солнца и звездное молоко – а их и так все видят. И речь сорнов никто не учит, потому что их знания можно изложить любыми словами, они от этого не изменятся. А с песнями хросса так не получится. Поэтому их языком говорит вся Малакандра. Я говорю на нем с тобой, потому что ты чужой. И с сорном буду говорит тоже на нем. Но дома у нас старый язык. Это по именам понятно. У сорнов имена громкие: Огрей, Аркал, Белма, Фалмей. У хросса – пушистые: Хнор, Хникхи, Хьои, Хлитнахи. У моего народа имена громкие и твердые: Калапери, Паракатару, Тафалакеруф. Меня вот зовут Канакаберака.

Рэнсом тоже представился.

– В нашем краю живут иначе, – сказал Канакаберака. – Мы не зажаты в тесном хандрамите. У нас есть настоящие леса, зеленые тени, глубокие шахты. В шахтах тепло, хотя и не так светло, как здесь, и не так тихо. И в лесу есть места, где горит разом сотня костров и стучит сотня молотов. Вот бы ты увидел мой край! Мы живем не в ямах, как сорны, и не в траве, как хросса. Я показал бы тебе дома под сотней колонн: одна – из крови солнца, вторая – из звездного молока и так далее. А на стенах нарисован весь-весь мир!

– Кто у вас главный? – спросил Рэнсом. – Тем, кто в шахтах, – им нравится там работать? Ведь рисовать на стенах лучше.

– Шахты открыты для всех, каждый копает столько, сколько надо для работы. А зачем ему больше?

– У нас по-другому.

– Тогда вы делаете гнилую работу. Как можно работать с кровью солнца, пока сам не побываешь там, где она рождается? Не научишься отличать разные ее виды? Пока не проживешь рядом с ней вдали от небес? Пока она не проникнет в самое сердце, пока не станешь думать ею, есть ее и дышать?

– У нас она лежит очень глубоко, ее трудно выкопать, поэтому некоторым приходится тратить на это всю жизнь.

– И им нравится?

– Вряд ли... не знаю. Если они не будут копать, им не дадут еды.

Канакаберака подергал носом.

– В твоём мире что, еды мало?

– Не знаю, – повторил Рэнсом. – Я часто спрашивал других, и никто точно ответить не может. А вас, значит, не заставляют работать?

– Почему же, женщины заставляют.

Пфифльтригг издал сипящий звук – видимо, рассмеялся на свой манер.

– То есть вы больше, чем другие хнау, цените женщин?

– Намного больше. А меньше всех их ценят сорны.

Глава XVIII

Ночь Рэнсом провел в местной гостинице – в самом настоящем каменном доме, построенном и богато разукрашенном силами пфифльтриггов. С одной стороны, ему было приятно хоть разок устроиться с комфортом, однако удовольствие омрачалось неловкостью от тесного соседства с множеством малакандрийцев. В гостинице собрались представители всех трех рас, причем они прекрасно ладили друг с другом, хоть порой и возникали споры вроде тех, что случаются в поездах на Земле: сорнам было слишком жарко, пфифльтригги, напротив, мерзли.

За одну ночь Рэнсом узнал о малакандрийском юморе больше, чем за все предыдущие дни, проведенные на этой необычной планете (ведь до сей поры он вел разговоры лишь на серьезные темы). Видимо, сам факт встречи трех рас рождал немало поводов для шуток. Правда, Рэнсом ни одну из них не понял, разве что заметил некоторые отличия в манере шутить: сорны, например, редко переступали границы легкой иронии, хросса отличались неумной фантазией, а язвительные реплики пфифльтриггов могли ненароком и оскорбить собеседника. Однако, даже понимая все слова по отдельности, конкретный смысл разговоров Рэнсом не улавливал и быстро отправился спать.

Проснулся он необычайно рано – на Земле в этот час выходят доить коров. Сперва он не понял, что именно его разбудило. В комнате было тихо, пусто и темно. Затем звонкий голосок вдруг произнес: «Тебя ждет Уарса». Рэнсом сел и, резко оглядевшись, никого не увидел. Тот же голос вдруг повторил: «Тебя ждет Уарса». Стряхнув наконец сонный туман, Рэнсом догадался: в комнате эльдил. Встав и натянув одежду, он заметил, что сердце стучит быстрее обычного. И пугал его отнюдь не визит невидимого гостя, а предстоящий разговор. Впрочем, то был не прежний страх из-за встречи с неведомой тварью или местным божком. Скорее, Рэнсом просто нервничал, как в студенческие годы перед экзаменом. Как бы сейчас пригодилась чашка крепкого чаю!..

В гостинице было пусто. Рэнсом вышел на улицу. С озера поднимался голубоватый дымок, небо над восточной кромкой ущелья наливалось синим: до рассвета были считанные минуты. Холодный воздух щипал за щеки, трава под ногами мокла от росы, и во всем окружающем пейзаже ощущалось нечто странное. Видимо, было слишком тихо. Эльдилы умолкли, тени и блики более не мелькали. Рэнсом не спрашивал, куда идти, он и так знал, что путь его лежит в рощицу на вершину холма. Подойдя ближе, он с замиранием сердца увидел возле каменной аллеи толпу малакандрийцев. Все они, храня полное молчание, выстроились в две линии: кто сидел на корточках, кто прямо на земле. Не смея остановиться под прицелом десятков немигающих нечеловеческих глаз, Рэнсом дошел до самой вершины и замер у самого крупного камня в центре (то ли по велению интуиции, то ли по подсказке эльдила). Садиться не стал: уж больно земля выглядела холодной и мокрой. К тому же это могли счесть за неуважение. Он просто стоял, неподвижно, как на параде. Малакандрийцы не спускали с него глаз. Никто не издавал ни звука.

Рэнсом вдруг понял, что здесь полным-полно эльдилов. Блики, вчера рассеянные по всему острову, нынче собрались в одном месте и выжидающе застыли, практически не двигаясь. Солнце уже встало, однако до сих пор никто не проронил ни слова. Первые рассветные лучи легли на каменные монолиты, причем свет наверху был гораздо ярче солнечного и совсем иной природы: как у эльдила. В небе этих существ витало даже больше, чем на земле; малакандрийцы оказались лишь малой частью безмолвной консистории, что окружала Рэнсома. Когда придет время, ему предстоит держать ответ перед тысячами, а то и миллионами судей. Создания, толпившиеся позади, впереди и над головой, никогда прежде не видели человека – и нынче они ждали, какой ему вынесут вердикт.

Рэнсом облизнул губы, вконец пересохшие. Сумеет ли он вымолвить хоть слово, когда настанет его черед говорить?.. А может, испытание уже началось, и сейчас, стоя под безмолвными взглядами, он невольно рассказывает все, что им хотелось узнать?

Так миновала целая вечность. Потом раздался шорох. Все видимые глазу создания поднялись на ноги и склонили головы – меж длинных каменных стен показался (если так можно сказать) Уарса. Появление здешнего повелителя Рэнсом скорее почувствовал по лицам малакандрийцев – и все же (этого отрицать никак нельзя) он его тоже увидел. Описать происходящее Рэнсом не мог и позднее. Что-то приближалось – некий едва заметный проблеск света, неуловимая игра теней по жесткой траве, а может, сама земля менялась каким-то причудливым образом, непостижимым человеком с его пятью чувствами. Как тишина, в один миг накрывающая шумную комнату, как дуновение прохлады знойным днем, как мимолетное воспоминание о давно забытом вкусе или запахе, Уарса прошагал меж своих подданных и застыл ярдах в десяти от человека в самом центре Мельдилорна. У Рэнсома зашумело в ушах и закололо кончики пальцев, словно рядом ударила молния; сердце и тело едва ли не растеклись водой.

Уарса заговорил – Рэнсом еще никогда не слышал столь нечеловеческого голоса, приятного, уверенного и бесконечно дальнего. Как потом сказал один из хросса: «В нем нет крови. Вместо крови в нем свет».

Первые же слова Уарсы немного уняли тревогу.

– Чего ты так боишься, Рэнсом с Тулкандры?

– Тебя, Уарса, потому что ты не такой, как я. И я тебя не вижу.

– Это не повод, – возразил голос. – Ты тоже не такой, как я, и я тебя хоть и вижу, но очень плохо. Однако не думай, что мы с тобой совсем разные. Мы оба созданы по подобию Малельдила. Причина твоего страха в другом.

Рэнсом промолчал.

– Ты испугался меня еще раньше, чем ступил на мою землю. И с первых же дней избегал меня. Мои слуги видели твой страх на небесном корабле. А еще они видели твоих спутников; и стало ясно, что с тобой обращаются плохо. Чтобы избавить тебя от них, я разбудил хнарху. Думал, ты придешь ко мне сам. Увы, ты спрятался среди хросса, и, несмотря на то что они отправляли тебя ко мне, ты не шел. Потом я прислал за тобой эльдила, но ты снова не пришел. Тебя привели ко мне лишь твои собственные собратья, когда пролили кровь хнау.

– Не понимаю, Уарса... Неужели ты посылал за мной на Тулкандру?

– Да. Разве те двое тебе не сказали? Почему же ты пошел с ними, если противился моему зову? Мои слуги не поняли ваших разговоров на небесном корабле.

Рэнсом совершенно растерялся.

– Ладно, спрашивай что хочешь, – предложил голос.

– У тебя есть слуги в небесах?

– А где им еще быть?

– Но ты же сам здесь, на Малакандре, как и я...

– Малакандра, и все прочие миры, парит в небесах. И я вовсе не «здесь», как ты говоришь, Рэнсом с Тулкандры. Созданиям вроде тебя нужна земля под ногами, для нас же любой мир – лишь место в небесах. Впрочем, и не пытайся понять. Тебе достаточно того, что мои слуги находятся повсюду, и на небесном корабле их было не меньше, чем в других местах.

– Выходит, ты знал о нашем путешествии еще до того, как мы покинули Тулкандру?

– Нет. О Тулкандре мы вообще ничего не знаем, этот мир в стороне от небес, мы не получаем оттуда известий.

Рэнсом ничего не спросил, Уарса заговорил сам, отвечая на безмолвный вопрос:

– Когда-то давно и у вас был Уарса – куда более величественный, чем я. И сам мир тогда назывался иначе, не Тулкандра. Увы, история долгая и очень грустная. Ваш Уарса прогнал. В вашем мире в ту пору еще не было другой жизни. На небесах до сих пор вспоминают Годы

Гнили, когда ваш Уарса был свободен, как мы, а не прикован к Тулкандре. Он решил заразить гнилью и другие миры. Левой рукой он поразил вашу луну, а правой наслал на мою харандру ледяную смерть раньше срока, и мой мир тоже опустел бы, если бы по моей просьбе Малельдил не отворил хандрамиты и не пустил горячие источники. Впрочем, мы не позволили вашему Уарсе долго своевольничать. Разразилась великая война. Мы свергли его с небес и по велению Малельдила заточили в пределах родного мира. Он и нынче там находится, и о вашей планете мы больше ничего не ведаем, она хранит безмолвие. Вряд ли Малельдил отдал ее всю под власть Гнилого. Доходили слухи, будто Он в пылу своей схватки с вашим Уарсой допустил какие-то страшные события. Однако мы знаем еще меньше твоего – и жаждем заглянуть в эту тайну.¹²

И снова Рэнсом не нашел, что ответить. Уарса, впрочем, его не торопил. Наконец, собравшись с духом, Рэнсом заговорил.

– После твоего рассказа я осмеливаюсь признать: да, наш мир прогнил насквозь. Те двое привели меня сюда, потому что так велели им сорны, а в тебя они не верят. Полагаю, они принимают тебя за ложного эльдила. В самых дальних уголках моего мира некоторые люди поклоняются таким эльдилам – и убивают ради них других людей; они считают, что эльдилам нужна кровь. Поэтому мои сородичи решили, что сорны тоже хотели убить меня или сотворить что-то злое. Меня привели силой. Я был очень напуган. В моем мире рассказывают истории о других планетах и говорят, что если там кто и живет, то непременно злые существа.

– Теперь ясно, – ответил голос. – Когда вы пересекли границы своего мира, мои слуги сообщили, что ты находишься на корабле против воли и что другие с тобой совсем не разговаривают. Я не мог понять, как одно существо способно силой принуждать другого.

– Они не знали, зачем я тебе, Уарса. И я не знаю – до сих пор.

– Я расскажу. Два года назад – по вашему будет четыре – в мой мир с небес прибыл корабль. Он опустился на хандрамит, и половина моих слуг собрались посмотреть на гостей. Зверей мы к ним не подпускали, здешних хнау тоже. Когда чужие освоились на планете и построили себе дом, я решил, что их страх перед новым миром улегся, и отправил к ним сорнов – познакомиться и научить языку. Сорнов я выбрал, потому что они более всего на вас похожи. Однако тулкандрийцы очень испугались и не захотели учиться. Сорны приходили к ним много раз и все-таки научили языку. А еще они рассказали мне, что тулкандрийцы зачем-то собирают в ручьях кровь солнца. Я ничего не понял и велел привести их ко мне – не силой, по приглашению. Они не пришли. Тогда я позвал только одного из них, но и он не пришел. Конечно, их легко было бы заставить, я видел, как они глупы, однако тогда мы не знали: вдруг они не гнилые? Да и не хотелось мне подчинять своей воле существ из другого мира. Я велел сорнам обращаться с ними как с детенышами и сказать, что они не получают больше крови солнца, пока я не поговорю с кем-нибудь из их расы. Тогда они наполнили свой корабль чем смогли и улетели. Сперва мы не поняли, в чем дело, теперь все стало ясно. Они решили, что я хочу съесть кого-нибудь из вашего народа, и отправились за тобой. Я принял бы их со всеми почестями – а тулкандрийцы предпочли пролететь огромное расстояние, лишь бы со мной не встречаться. Ты тоже, Рэнсом с Тулкандры, потратил немало сил, стараясь от меня убежать.

– Верно, Уарса. Гнилые существа преисполнены страха. Но вот я здесь и готов тебя выслушать.

– Мне надо задать два вопроса. Первое: я должен знать, зачем вы сюда явились, таков мой долг перед моим народом. И второе: я желаю услышать о Тулкандре и странных войнах Малельдила с Гнилым Уарсой. Как я уже говорил, нам это очень интересно.

¹² Отсылка к Первому посланию Петра: 11. Они пытались определить время и обстоятельства, на которые указывал обитавший в них Дух Христа, предвозвестивший страдания Христа и славные события, что последуют за ними. 12. <...> В эту тайну даже ангелы с небес жаждут заглянуть.

– Что до меня, Уарса, я прилетел, потому что заставили. А тем двоим нужна только кровь солнца, в нашем мире ее можно обменять на власть и удовольствия. Правда, один из них замыслил дурное. Думаю, он хочет убить весь твой народ, чтобы здесь могли жить наши люди. А потом то же самое проделать с другими мирами. Он хочет, чтобы наша раса жила вечно, чтобы можно было перепрыгивать с одной планеты на другую, а потом улететь к новому солнцу, если старое вдруг погаснет.

– Он поврежден умом?

– Не знаю. Допускаю, что я плохо передаю его мысли. Он более ученый, чем я.

– Неужели он верит, что можно попасть в великие миры? И что Малельдил позволит одной расе жить вечно?

– В Малельдила он не верит. Я знаю точно одно: он замыслил дурное. Нельзя, чтобы наши хнау сюда прилетали. Если решишь убить нас троих, я пойму.

– Будь вы из моего народа, Рэнсом, я бы вас убил, ведь те двое безнадежно прогнили, а что до тебя, то ты скоро и сам наберешься храбрости предстать перед Малельдилом. Однако я властен лишь над своим миром. Убить чужого хнау – ужасное дело. И в этом нет необходимости.

– Они сильны, Уарса, они могут сеять смерть издалека и убивать своих врагов на расстоянии.

– Самые слабые из моих слуг могли дотронуться до вашего корабля, еще когда тот был в небесах, и изменить его скорость. Тогда для вас он вовсе перестал бы существовать. Не сомневайтесь, более ни один представитель вашей расы не ступит на планету против моей воли. Впрочем, довольно об этом! Лучше расскажи о Тулкандре. Все, что знаешь. Мы не слышали о ней с тех пор, как Гнилой Уарса пал на нее, пораженный в самое сияние своего света... Чего ты снова так испугался?

– Мне страшно подумать, сколько прошло времени. Или я тебя неправильно понял? Ты ведь говорил, это случилось задолго до того, как на Тулкандре зародилась жизнь?

– Верно.

– А сам ты, Уарса? Ты уже был в те времена? И то изображение на камне, где холод убивает харандру... Это тоже произошло до начала жизни на моей планете?

– Теперь я вижу, что ты все-таки хнау, – ответил голос. – Разумеется, каждый камень, касавшийся в те дни воздуха, нынче стал другим. Та картина со временем разрушилась, и ее создали вновь; ее создавали много-много раз, больше, чем эльдилов над твоей головой. Однако само изображение не врет. Ты видишь картину в точности такой, как она была в те дни, когда мой мир чуть не погиб. Пусть это не занимает твои мысли. У моего народа, даже у сорнов, есть закон: не говорить слишком много о размерах и числах. Когда постоянно думаешь о мелочах, не замечаешь чего-то поистине великого. Лучше расскажи, что Малельдил сотворил с Тулкандрой?

– По нашим преданиям... – начал было Рэнсом, как вдруг окружавшее их торжественное безмолвие лопнуло, будто мыльный пузырь.

Со стороны переправы к роще приближалась процессия малакандрийцев. Среди них были одни хросса – и они тащили что-то тяжелое.

Глава XIX

Процессия приблизилась, и стало видно, что первые хросса несут три длинных узких короба. Остальные, вооруженные дротиками, подгоняли в спину двоих существ. Кого именно, Рэнсом не разглядел – слишком они были далеко, еще возле самых первых камней, и свет падал им в спину. Пленники были гораздо ниже любых здешних животных и передвигались на двух конечностях, эдаких толстых обрубках, которые язык не поворачивался назвать ногами. Кверху туловища немного сужались, отчего существа формой походили на грушу, а головы были не круглые, как у хросса, не вытянутые, как у сорнов, а прямо-таки квадратные. Плелись невиданные создания медленно, с трудом переставляли здоровенные ступни, зачем-то вдавливая их в землю при каждом шаге. Наконец показали их лица: сморщенная пятнистая плоть, изрытая складками, местами заросшая жесткой на вид шерстью...

И вдруг с неопишуемой гаммой чувств Рэнсом понял, что перед ним люди! Пленниками были Уэстон с Дивайном – и на мгновение он увидел их глазами малакандрийцев.

Идущие впереди приблизились к Уарсе и спустили свою ношу на землю. На носилках из неведомого металла лежали мертвые хросса, пустым взглядом взиравшие на высокий золотой купол рощи (им не закрывали глаза, как принято на Земле). Среди мертвых был Хьои, и именно его брат, Хьяха, выступил вперед и, поклонившись Уарсе, заговорил.

Поначалу Рэнсом его не слушал: смотрел на Уэстона с Дивайном. Оба, как и Рэнсом, с момента приземления обросли бородой, изрядно отошали, побледнели. Уэстон, сложив на груди руки, всем своим видом выражал отчаяние. Дивайн, сунув руки в карманы, кипел от злости. И тот и другой понимали, что им есть чего бояться, однако, к чести своей, не тряслись от страха. Рэнсома они не замечали, целиком погруженные в разворачивающиеся события.

А Рэнсом наконец стал слушать Хьяху.

– ...Я не жалею о смерти этих двоих, Уарса, – их убили чхеловеки, когда мы пришли к ним ночью; можно сказать, что они пали на охоте, как в битве с хнархой. Однако Хьои ничего им не сделал, а его убили – трусливо, издавелека! И вот он лежит здесь – хрархапунт, величайший поэт... Я уж не говорю о том, что он был мне братом, весь хандрамит знает.

Уарса впервые обратился к людям:

– Зачем вы убили моих хнау?

Уэстон с Дивайном опешили, озираясь в поисках обладателя голоса.

– Господи! – воскликнул Дивайн на английском. – Только не говорите, что у них есть громкоговоритель!

– Чревовещание... – хрипло прошептал Уэстон. – Среди дикарей такое часто встречается. Целитель или шаман якобы впадает в транс, а сам выступает от имени бога. Надо его вычислить и обращаться к нему напрямую, откуда бы ни слышался голос. Он занервничает, если... А, чтоб меня, вот!

Надо отдать Уэстону должное – он безошибочно нашел в толпе единственное существо, не застывшее в благоговейной позе. Престарелый хросс неподалеку сидел на корточках, закрыв глаза. Шагнув к нему, Уэстон вызывающе закричал (язык, к слову, он знал очень и очень плохо):

– Зачем вы забрать наши ба-бах палки? Мы злой! Мы не бояться!

Будь Уэстон прав, наверное, он произвел бы на аборигенов неизгладимое впечатление... Увы, остальные, включая Рэнсома, понимали ошибочность его теории. Они-то знали, что хросс прибыл сюда задолго до похоронной процессии. Тот находился здесь с самого рассвета, дабы выразить уважение к Уарсе, но, видимо, с утра на него напала немота, обычная для столь почтенного возраста, и он сладко задремал. Когда Уэстон принялся на него орать, хросс и глаз не открыл, лишь дернул усом.

Невидимый Уарса заговорил снова:

– Почему ты обращаешься к нему? Это я тебя спрашиваю: зачем ты убил моих хнау?

– Ты нас отпустить, мы потом говорить! – кричал Уэстон спящему хроссу. – Ты думать, мы слабый, ты думать, делать что хотеть. Нет! Нас посылать большой сильный вождь с небес. Ты не делать, что я сказать, – он приходит и тебя ба-бах!

– Я не знаю, что такое «ба-бах», – удивился Уарса. – Зачем ты убил моих хнау?

– Скажите, что это был несчастный случай, – прошипел на английском Дивайн.

– Повторяю, вы понятия не имеете, как обращаться с туземцами! – пробормотал ему Уэстон. – Стоит хоть разок проявить слабость – они мигом перегрызут вам глотку. Эти твари понимают только угрозы.

– Ладно, как хотите... – Кажется, Дивайн терял веру в своего напарника.

Уэстон откашлялся и вновь навис над старым хроссом.

– Мы его убить, чтобы показать свой сила! Вы не делать, что мы сказать, – тоже умирать от ба-бах! Делать, что мы сказать, – мы давать красивый вещь. Вот!

К ужасу Рэнсома, Уэстон вытащил из кармана цветные бусы, явно купленные на распродаже, и принялся размахивать ими перед лицами своих стражей:

– Вот, видеть? Красивый!

Результат превзошел все его ожидания. Сакральная тишина священного места разорвалась целой какофонией звуков, не слыханных прежде человеческим ухом: хросса залаляли, пфифльтригги заквакали, сорны загудели. Даже эльдины слабо зазвенели над головой. Далекие горы отозвались эхом. К чести Уэстона, тот хоть и побледнел, но самообладания не утратил.

– Не смей кричать! Вы не пугать! Я не бояться!

– Прости мой народ, – отозвался Уарса (голос его тоже прозвучал с новыми интонациями). – Они не кричат на тебя. Они просто смеются.

Однако Уэстон последнего слова не знал, понятие смеха было чуждо ему на любом языке. Он недоуменно озирался. Рэнсом закусил губу, молясь про себя, чтобы эксперимент с бусами поскорей закончился. Увы, он плохо знал Уэстона. Тот вбил себе в голову, что понимает, как надлежит обращаться с дикарями: сперва запугать, потом улестить. Поэтому не спешил опускать руки после первой же неудачи. Дожидаясь, когда шум затихнет, он неспешно утирал левой ладонью со лба пот, а правой старательно помахивал бусами. Причем что-то говорил – по движению губ читалось «Довольно! Хватит», – но его слова утонули в новой волне рева. И вдруг хохот стал еще громче. Против Уэстона сегодня были сами звезды. Видимо, в его ученый ум прокралось смутное воспоминание о том, как целую вечность назад он убаюкивал малолетнюю племянницу, потому что грузный физик вдруг склонил голову набок и принялся выписывать ногами загадочные коленца – практически танцевать. Вдобавок Уэстон, совсем взмокший, принялся еще и агукать, хотя понял это один лишь Рэнсом.

Выступление продлилось недолго – совсем скоро он выдохся. Такого зрелища – вдобавок в исполнении великого ученого – Малакандра еще не видела и потому отозвалась восторженным ревом. Когда аудитория притихла, Дивайн не вытерпел и буркнул на английском:

– Ради бога, Уэстон, хватит корчить из себя шута! Разве не видите, что ничего не получается?

– Да, не получается, – признал Уэстон. – Наверное, уровень развития интеллекта у них еще ниже, чем мы думали. Может, снова попробовать? Только отдышусь немного. Или давайте вы?

– Упаси господь! – ужаснулся Дивайн. Он демонстративно повернулся к напарнику спиной, сел на землю, вытащил портсигар и закурил.

– А дам-ка я это шаману, – решил Уэстон, пока все заворуженно пялились на Дивайна. Прежде чем ему смогли помешать, он шагнул вперед и попытался нацепить бусы на шею спящему хроссу. Увы, голова у того оказалась слишком велика, и бусы застряли, повиснув набе-

крень на манер венца. Впрочем, хросс лишь мотнул головой, словно пес, отгоняющий надоедливую муху.

На сей раз Уарса обратился к Рэнсому:

– Твои сородичи больны головой, Рэнсом с Тулкандры? Или они слишком боятся ответить на мой вопрос?

– Думаю, Уарса, они в тебя не верят. Они полагают, что все хнау – как малые детеныши. Толстый чхеловек пытается напугать их, а потом задобрить подарками.

Услыхав голос Рэнсома, оба пленника встрепенулись. Уэстон открыл было рот, однако Рэнсом перебил его, сказав на английском:

– Уэстон, послушайте. Здесь в самом центре и впрямь стоит живое создание – видите, если присмотреться, можно разглядеть странное свечение или что-то вроде того. Оно разумное, умнее даже человека, и, кажется, живет уже очень много лет. Не ведите себя с ним как с ребенком, отвечайте на вопросы. Я бы советовал не врать.

– Ясно, похоже, этим тварям хватило ума запудрить вам мозги! – прорычал Уэстон.

И все же, когда физик вновь повернулся к спящему хроссу (по-прежнему свято веря в свою теорию про шамана), заговорил он уже иначе.

– Мы не хотим он убивать. – Уэстон ткнул пальцем в Хьои. – Не хотим. Сорны сказать: привозить человек, дать его ваш вождь. Мы улететь в небо, привозить его. – Он указал на Рэнсома. – Он быть гнилой, убегать, не делать, что сказать сорны, ясно? Мы бежать за ним, ловить. Он не слушать. Бежать, бежать. Мы бежать за ним, видеть большой черный зверь, думать, он убивать. И мы убивать его. Ба-бах! Это все гнилой человек. Он не убегать – мы за ним не бежать и не видеть черный зверь. Вы гнилой поймать – это он делать беду. Вы его брать, нас отпускать. Он вас бояться, мы вас не бояться. Слушать...

Тут крики Уэстона перед самой мордой спящего возымели ожидаемый эффект. Хросс открыл глаза и недоуменно уставился на человека. Затем, осознав свою провинность, медленно встал, почтительно поклонился Уарсе и заковылял прочь. Бусы так и свисали у него с одного уха. Уэстон, разинув рот, глядел вслед уходящему хросса, пока тот не исчез в зарослях травы.

Наконец Уарса нарушил молчание:

– Хватит веселья. Пора услышать правдивые ответы. Что-то не так в твоей голове, хнау с Тулкандры. В ней слишком много крови. Фирикитекила, ты здесь?

– Здесь, Уарса! – выскочил пфифльтригг.

– У тебя в бочках есть вода, в которую пущен холод?

– Да, Уарса!

– Тогда отведите плотного хнау в гостевой дом и омойте ему голову холодной водой. Много раз. А потом верните сюда. А я тем временем позабочусь о мертвых хросса.

Уэстон не совсем понял, о чем речь, – он все еще пытался разобраться, откуда звучит голос. Однако когда хросса подхватили его и поволокли прочь, он испуганно заорал. Рэнсом был бы рад его успокоить – увы, Уэстон ничего не услышал бы. Он истошно визжал, путая английские и малакандрийские слова. Последним донесся вопль:

– Вы платить! Ба-бах! Рэнсом, ради бога, умоляю! Рэнсом, Рэнсом!..

Когда воцарилась тишина, Уарса заговорил:

– А теперь почтим моих мертвых хнау.

Десяток хросса шагнули к носилкам, опустили головы и, повинувшись невидимому знаку, запели.

При знакомстве с новым видом искусства рано или поздно наступает момент, когда завеса тайны над ним приподнимается, и тебе удастся одним глазом заглянуть внутрь, уловить самую его суть – и испытать при этом невиданный восторг, который не повторяется, даже если станешь искушенным экспертом. Вот и Рэнсом в эти минуты понял малакандрийскую поэзию. Он впервые осознал, что ритм ее строится на ином токе крови, на другом биении сердца и

душевной пыли. Лишь узнав этот загадочный народ ближе, проникнувшись к нему любовью, он понемногу начал слышать их ушами. С первыми же тактами гортанной песни Рэнсома окружили гигантские глыбы, несущиеся на немыслимой скорости, танцующие великаны, вечная скорбь и вечное утешение, нечто неведомое – и все же невероятно близкое. Перед ним словно бы отворились небесные врата.

– Отпусти, – пели хросса. – Отпусти, уходи, растворяйся. Отпусти свое тело, освободи его, урони, как камень роняют в воду. Пусть уходит на дно, исчезает. Пусть покоится там, под покровом воды, где ничто не мешает, ведь она цельна и едина. Отправь его в путь, которому нет конца. Пусть уйдет – и из него вырастет новый хнау. Новая жизнь, новое начало. А ты, пестрый мир, открывайся безбрежный, бескрайний. Ты лучше и чище, чем первый, ты слабый и тусклый. Когда в мире есть жар, в нем рождается жизнь, но лишь бледная, темная, немощная. Мы видим ее детей, что растут вдали от солнца в печали. В небесах же родились другие миры, в них высокие травы, светлопрядные леса и ланиты цветов. Первый темный, второй яркий. Один рожден миром, второй рожден солнцем.

Вот и все, что Рэнсому удалось запомнить и перевести. Когда хросса замолкли, Уарса произнес:

– Давайте рассеем движение, что было их телами. Так Малельдил рассеет все миры, когда первому, немощному, придет срок.

Он подал знак одному из пфифльтриггов, тот поднялся и подошел к мертвым. Хросса, заведшие новую песнь, отступили на десяток шагов. Пфифльтригг коснулся каждого тела неким предметом из хрусталя или стекла и большим лягушачьим прыжком отскочил подальше. Вспыхнул яркий свет, Рэнсом торопливо прикрыл глаза; в лицо ударил жаркий ветер. Через миг все затихло. Носилки опустели.

– Господи, вот бы эту штуку нам на Землю... – пробормотал Дивайн Рэнсому. – Не надо ломать голову, как избавляться от лишних трупов.

Тот, однако, думал о Хьюи и не ответил. Да и не успел бы – вернулись охранники с измученным Уэстоном, и все выжидающе уставились на них.

Глава XX

Хросс во главе процессии (видимо, будучи созданием крайне ответственным) тут же начал оправдываться:

– Я надеюсь, мы не сделали хуже, Уарса! Мы окунули его головой в холодную воду семь раз, как ты и велел, но под конец в бочку что-то упало. Мы испугались, это его макушка, а потом увидели, что это оболочка из кожи какого-то зверя. Поэтому одни сказали, что семи раз достаточно, а другие – что нет. И мы окунули его еще семь раз. Надеюсь, мы не ошиблись... Он что-то кричал все время, особенно вторые семь раз, но мы ничего не поняли.

– Ты все сделал правильно, Хну, – успокоил его Уарса. – Отойди, дай на него взглянуть.

Охранники расступились. Уэстон, обычно бледный, от холодной воды раскраснелся пуще спелого помидора, а волосы, не стриженные с тех пор, как они прилетели на Малакандру, облепили лоб тонкими прядями. С ушей и носа до сих пор текло, на лице же застыла скорбная гримаса храбреца, готового отдать жизнь за великое дело, даже ускорить свой конец, если придется, – правда, местные обитатели, увы, не знакомые с земной мимикой, его жертвенности не оценили. Впрочем, подобный настрой Уэстона был оправдан: за утро он успел натерпеться страхов, а теперь вдобавок еще и пережил четырнадцать холодных купаний. Дивайн, неплохо его изучивший, крикнул Уэстону на английском:

– Вы там полегче! Кажись, эти черти научились атом расщеплять, если не что похуже. Поэтому следите за языком и не вздумайте пороть вашу чушь.

– Ха! – огрызнулся тот. – Вы с ними спелись, да?

– Тихо, – велел голос Уарсы. – Ты, плотный, ничего о себе не говорил, поэтому я сам расскажу. В своем мире ты хорошо изучил материалы и сумел построить корабль, способный пересечь небеса, в остальном же у тебя разум животного. Когда вы впервые сюда прибыли, я послал за вами, желая оказать одну лишь честь. Однако разум ваш темен и полон страха. Вы решили, что я замыслил дурное, и потому как звери поймали этого Рэнсома, дабы отдать его вместо себя. И сегодня, увидав Рэнсома, ты пытался второй раз обречь его на муки, чтобы спасти себя. Вот как вы обращаетесь со своими же собратьями. Я знаю, что ты уготовил моему народу. Некоторых ты уже убил и хочешь убить остальных. Тебе все равно, хнау перед тобой или нет. Не пойму, как Гнилому удалось настолько поразить гнилью ваш мир. Будь ты моим созданием, я рассеял бы тебя на месте. Моей рукой Малельдил способен на многое, я в силах рассеять тебя даже на границе вашего мира. Однако пока я этого делать не буду. Говори! Покажи, есть ли у тебя в голове хоть что-то помимо страха, смерти и похоти.

Уэстон смерил Рэнсома злым взглядом.

– Ясно... Удачный же вы выбрали день для того, чтобы стать предателем: в самый важный момент для человеческой расы.

Затем он повернулся в ту сторону, откуда звучал голос.

– Знаю, ты убить мы. Я не бояться. Вместо мы прийти другие, сделать этот мир наш...

Однако Дивайн, вскочив на ноги, перебил:

– Нет, Уарса, не слушать его! Он глупый, очень глупый. Мы маленькие люди, хотеть только кровь солнца. Ты давать мы кровь солнца, мы улетать в небо, ты больше мы не видеть. Все, ясно?

– Тихо! – сказал Уарса. Свет, откуда шел голос (если его вообще можно назвать светом), едва заметно переменялся, и Дивайн, съехившись, упал на землю. Потом кое-как поднялся, весь белый, едва дышащий.

– Говори, – велел Уарса Уэстону.

– Я не... не... – начал тот на малакандрийском и вдруг замолчал. – Нет, на их проклятом языке мне этого никогда не сказать! – добавил он на английском.

– Говори Рэнсому, он передаст твою речь, – предложил Уарса.

Уэстон считал, что час кончины близок, и потому был полон решимости поговорить о том, что интересовало его помимо науки. Откашлявшись, физик принял величавую позу и начал:

– Возможно, в ваших глазах я выгляжу обычным бандитом, но на моих плечах лежит судьба человеческой расы. Ваша племенная жизнь с каменными орудиями, хижинами, простецкими лодками и примитивным социальным устройством ничто по сравнению с нашей цивилизацией: нашей наукой, медициной, законодательством, армией, архитектурой, торговыми связями, транспортной системой, которая стирает границы времени и пространства! Мы имеем право вас вытеснить – право более развитой расы. Жизнь...

– Минуточку, – сказал на английском Рэнсом. – Не так много, я за раз все не запомню.

И, повернувшись к Уарсе, начал переводить, правда, с большим трудом. В результате (Рэнсом и сам понимал, до чего убого это звучит) получилось примерно так:

– Среди нас, Уарса, бывают такие хнау, которые отбирают у других хнау еду и... и другие вещи. Так вот, Уэстон говорит, что не такой. Он говорит, что хочет изменить жизнь тех наших людей, которые еще не родились. Он говорит, ваши хнау одного рода живут вместе, у вас копы и хижины очень маленькие, а лодки слишком легкие. И правитель только один. Так в нашем мире было очень-очень давно, а теперь мы умеем намного больше. У нас бывает так, что одно существо вдруг слабеет и чувствует боль, и мы знаем, как ему помочь. У нас много гнилых, и мы убиваем их или запираем в больших хижинах, и у нас есть люди, которые умеют решать споры между хнау из-за домов, или женщин, или вещей. Он говорит, у нас есть хнау, которые хорошо умеют убивать других хнау, их специально этому учат. И мы строим очень большие хижины из камня и металла, как... как пфифльтригги. И мы умеем обмениваться вещами и очень быстро далеко перевозить тяжелые предметы. Вот почему, если наши хнау убьют всех ваших, это гнилым поступком не будет.

Стоило Рэнсому замолчать, как Уэстон продолжил:

– Жизнь гораздо шире любых систем морали, ее требования безграничны. Никакие племенные табу и прописные истины не позволят амебе превратиться в человека, а человеку выстроить цивилизацию.

– Он говорит, – подхватил Рэнсом, – что живые существа важнее, чем вопрос, гнилые они или нет... Нет, не так. Он говорит, лучше быть живым и гнилым, чем мертвым. То есть он хочет сказать... Нет, Уарса, я не могу это передать на вашем языке. В общем, он говорит, что главное одно: лишь бы живых было как можно больше. Прежде, до появления людей, были другие животные, и каждое новое поколение становилось лучше предыдущего. Только они рождались не потому, что взрослые рассказывали детенышам о гнилых и хороших поступках. А еще он говорит, что эти животные никого не жалели.

– Она... – начал Уэстон.

– Простите, – перебил его Рэнсом. – Я забыл: кто это – «она»?

– Жизнь, естественно! – огрызнулся Уэстон. – Она безжалостно сносит все препятствия на своем пути и устраняет изъяны. И сегодня, в наивысшей точке развития – цивилизованном человеке, и конкретно в моем лице, – она делает новый, межпланетный скачок, который, быть может, позволит преодолеть смерть!

– Он говорит, – подытожил Рэнсом, – что из этих животных одни учились новому, чему-то сложному, а другие – нет, и те, вторые, умерли. И еще он говорит, что самое замечательное животное теперь – человек, который умеет строить большие хижины, возить тяжелые грузы и делать все прочее, о чем я уже рассказывал. И что он – один из них, и если бы остальные знали, что он делает, то были бы довольны. Он говорит, если убить вас и привезти на Малакандру людей, то они смогут жить здесь, когда с нашей планетой что-нибудь случится. А когда

и с Малакандрой что случится, они могут пойти в другой мир и убить всех хнау там. А потом еще и еще – и тогда они никогда не умрут.

– По праву самой Жизни, – кивнул Уэстон. – Ради ее величия я готов не мешкая воткнуть флаг земной цивилизации в малакандрийскую почву. А вслед за ней, шаг за шагом, захватить и другие планеты, другие системы, избавляясь, если придется, от низших существ. И так покуда наши потомки – какую бы форму они к тому времени ни приняли и каких бы воззрений ни придерживались – не рассеются по всей вселенной.

– Он говорит, нет ничего гнилого в таком поступке... то есть, так можно сделать... если убить всех вас и привезти сюда людей. Он говорит, что жалко ему не будет. И если мы сможем двигаться из одного мира в другой, то везде будем убивать каждого, кого встретим. По-моему, он уже о мирах, которые вращаются вокруг других солнц. Он хочет, чтобы рожденные нами существа жили везде, где только можно. Правда, какими они станут, он не знает.

– Я готов к смерти, – продолжил Уэстон. – Но покуда я жив и в моих руках ключ, я ни за что не соглашусь замкнуть врата перед будущим моей расы. И пусть будущее это столь невероятно, что его невозможно представить, мне довольно и того, что за ним что-то есть.¹³

– Он говорит, – перевел Рэнсом, – что не остановится, пока его не убьют. И хотя он не знает, что именно случится с нашими детенышами, он очень-очень сильно хочет, чтобы они жили.

Уэстон, завершив свою речь, невольно огляделся, где бы присесть. После своих выступлений он обычно опускался на стул под гром аплодисментов. Здесь, однако, стульев не нашлось, а сидеть на земле, подобно Дивайну, было ниже его достоинства, поэтому ученый лишь скрестил на груди руки и надменно обвел собравшихся взглядом.

– Хорошо, что я тебя выслушал, – заговорил Уарса. – Ибо, хоть разум твой слаб, воля не столь гнила, как я думал. То, что ты замыслил, – не ради тебя одного.

– Да, – гордо заявил Уэстон по-малакандрийски. – Я умереть. Чхеловек жить.

– Ты ведь понимаешь, что в других мирах этим существам придется стать совсем другими, не такими, как ты?

– Да, да. Совсем другими. Никто не знает. Страньше!

– Так, значит, тебе дорог не облик?

– Нет. Облик – все равно.

– Тогда я решил бы, что тебе дорог разум... Однако это не так, иначе ты любил бы всех хнау, которых только встретил.

– Другой хнау – все равно. Человек – не все равно.

– Но разум человека ничем не отличается от разума других хнау, Малельдил сотворил всех одинаковыми. И если дело не в облике... Что тогда ты зовешь человеком?

Рэнсому пришлось это перевести на английский. Подумав немного, Уэстон ответил:

– Я не все равно человек. Наша раса. Которых человек породить.

– Странно, – заметил Уарса. – Свою расу ты тоже не любишь, потому что хотел убить Рэнсома. Тебе не важен ни облик, ни разум. Любое существо угодно тебе, если только оно твоего рода – как сейчас. Сдается мне, что на самом деле тебе дорого не само существо, как оно есть, а лишь его семья. Это единственное, что остается.

– Передайте, – сказал Уэстон, когда ему перевели эти слова, – что я не пытаюсь быть философом. Я прибыл сюда не для бесплодных споров. Если он не способен понять столь

¹³ Последние слова Уэстона – отсылка к монологу Лилит из пьесы Б. Шоу «Назад к Мафусаилу»: *Бесконечна только жизнь, и хотя мириады ее звездных дворцов покамест необитаемы, а другие мириады и вовсе не построены, хотя необозримые ее владения все еще безотрадно пустыньны, будет день, и семья мое утвердится в них, подчинив себе материю до последнего предела. А что за этим пределом – этого не различает даже взор Лилит. Довольно и того, что за ним что-то есть* (Пер. С. Сухарева).

простых истин, как преданность человечеству (да и вы, Рэнсом, как погляжу, тоже), что толку сотрясать зря воздух?

Рэнсом не придумал, как перевести услышанное на малакандрийский, поэтому Уарса продолжил:

– Вижу, что повелитель вашего безмолвного мира заразил тебя гнилью. Есть законы, известные всем хнау: жалость, честность, стыд... Среди них и любовь к родным. По воле своего Уарсы ты нарушаешь все законы, кроме разве что последнего, который не самый главный. Однако и он глупо извращен в твоей голове и затмевает остальное. Ты слепо повинешься ему; а спроси, почему это так важно, и ты не найдешь ответа и не сможешь объяснить, почему другие законы для тебя утратили смысл. Знаешь ли ты, зачем ваш Уарса так сделал?

– Мой думать, никакой Уарса нет. Новый человек умный и не верить старая сказка.

– Я тебе объясню. Этот закон он оставил, потому что гнилой хнау может сотворить больше зла, чем сломанный. Тебя он заразил, а вот этого, тощего, который сидит на земле, он сломал: в нем не осталось ничего, кроме жадности. Он не более чем говорящий зверь, и для моего мира он не опаснее животного. Будь он моим, я бы рассеял его тело, потому что хнау в нем уже мертв. Но тебя я попытался бы исцелить. Скажи, плотный, зачем ты пришел?

– Я сказать. Чтобы человек жить всегда.

– Разве ваши мудрецы столь невежественны и не знают, что Малакандра старше вашего мира и что час ее кончины уже близок? Она умирает. Мой народ живет в хандрамитах, и тепла с водой все меньше. Скоро, совсем скоро я положу своему миру конец и верну мой народ Малельдилу.

– Я знать. Здесь пробовать. Потом идти другой мир.

– Разве ты не понимаешь, что умрут и другие миры?

– Человек уходит раньше в другое место. Потом еще и еще.

– А когда все миры закончатся?

Уэстон промолчал. Выдержав паузу, Уарса продолжил:

– Не хочешь спросить, почему мой народ, чей мир уже стар, не желает прийти в ваш мир и забрать его себе?

– Ха! Ха! Вы не знать как!

– Ошибаешься, – возразил Уарса. – Много тысяч лет назад, когда в вашем мире еще не было жизни, в мою харандру пришла холодная смерть. Я тогда очень печалился: не только из-за гибели моих хнау – по воле Малельдила им всем отмерена короткая жизнь, – но из-за того, что повелитель вашего мира, тогда еще бывший на свободе, вкладывал им в голову. Он хотел сделать их такими же, как вы сейчас – достаточно мудрыми, чтобы предвидеть скорую кончину своего вида, но недостаточно разумными, чтобы с этим смириться. Мой народ был готов последовать гнилым советам. Они научились строить небесные лодки. Однако Малельдил остановил их. Кого-то исцелили, других пришлось развоплотить.

– И вот что стать! – перебил его Уэстон. – Они мало сидеть в хандрамитах, скоро умереть!

– Верно, – согласился Уарса. – Зато на харандре мы оставили страх. А вместе с ним недовольства и убийства. Даже самый слабый из моего народа не боится смерти. Лишь Гнилой, владыка вашего мира, попусту растрчивает вашу жизнь, заставляя бежать от того, что рано или поздно всех настигнет. Слушайте вы Малельдила, жили бы в мире и спокойствии.

Уэстон дергался, страстно желая возразить, но не умея выразить свои мысли на чужом языке.

– Вздор! Абсолютнейшая чушь! – крикнул он Уарсе на английском и, горделиво расправив плечи, добавил по-малакандрийски: – Ты говорить, Малельдил вести всех к смерть. Тот, другой, Гнилой, – бороться, драться. Я плевать Малельдил. Гнилой быть хорошо, я с ним!

– Почему ты не понимаешь, он ведь никогда не... – начал Уарса и вдруг замолчал, будто собираясь с мыслями. – Нет, сперва надо больше узнать от Рэнсома о вашем мире, а это займет

время до вечера. Я не убью ни тебя, ни того второго, потому что вы не из моего мира. Завтра вы вернетесь на свой корабль и улетите.

Дивайн вдруг побелел и суетливо затараторил на английском:

– Уэстон, ради бога, объясните ему! Мы здесь уже несколько месяцев, планеты давно разошлись. Мы не можем улететь! Проще сразу нас убить, чтоб не мучились!

– Как долго вам лететь до Тулкандры? – спросил Уарса.

Уэстон при помощи Рэнсома пояснил, что вылет при нынешнем расположении обеих планет невозможен. Расстояние между ними увеличилось на многие миллионы миль. Курс по отношению к Солнцу будет совсем другим, нежели рассчитывали. В общем, шансы попасть на Землю крайне невелики – один из ста, не более. К тому же запасов кислорода хватит разве что до середины пути.

– В общем, нас ждет долгая мучительная смерть, – добавил Уэстон.

– Скажу одно, – вынес вердикт Уарса. – Если останетесь в моем мире, мне придется вас убить; таких существ на Малакандре я не потерплю. Шанс добраться до своего мира у вас есть, пусть и маленький. До следующего полудня выберите время для отлета. И скажите мне вот что. Сколько вам понадобится времени, чтобы достичь Тулкандры?

После долгих подсчетов Уэстон взволнованно объявил, что если не долетят за девяносто дней, то на этом все – они точно умрут от удушья.

– Тогда у вас девяносто дней, – сказал Уарса. – Сорны и пфифльтригги дадут вам на это время еды и воздуха (мы умеем его хранить). А еще они сделают кое-что с вашим кораблем. Я не хочу, чтобы он вновь поднимался в небеса. Тебя, плотный, здесь не было, когда я рассеял убитых вами хросса, пусть тощий тебе расскажет. Рассеивать можно на большом расстоянии и не сразу, Малельдил меня научил. Поэтому, прежде чем ваш корабль улетит, мой народ сделает так, что через девяносто дней он рассеется, уйдет в небытие, как вы говорите. Если к тому моменту вы не доберетесь до места, смерть будет легкой, но если успеете коснуться Тулкандры, на корабле не задерживайтесь. А теперь, дети мои, уведите этих двоих и ступайте куда хотите. А я должен поговорить с Рэнсомом.

Глава XXI

Рэнсом отвечал на вопросы Уарсы до глубокой ночи. Мне не дозволено передать их разговор, могу сказать лишь, что завершился он словами:

– Ты поведал мне больше чудес, чем я видел во всех небесах!

Затем речь пошла о будущем самого Рэнсома. Ему предложили либо остаться на Малакандре, либо отважиться на рискованное путешествие к Земле. Выбор оказался непрост. В конце концов Рэнсом рискнул положиться на волю судьбы и разделить участь Уэстона и Дивайна.

– Пусть любовь к ближнему не важнейший из законов, – произнес он, – однако ты, Уарса, говорил, что это тоже закон. Если я не смогу жить на Тулкандре, значит, лучше мне и вовсе не жить.

– Ты выбрал правильно, – сообщил Уарса. – И вот что еще я скажу. Мой народ заберет с корабля все ваше странное оружие, но тебе его оставят. И эльдилы в глубоких небесах будут сопровождать вас до самого воздуха Тулкандры, а может, и дальше. Они не позволят тем двоим тебя убить.

До сего момента Рэнсому не приходило в голову, что Уэстон с Дивайном могут с ним расправиться – хотя бы ради экономии еды и воздуха. Ругая себя за глупость, он принялся благодарить Уарсу.

Тот отмахнулся.

– За тобой, Рэнсом с Тулкандры, нет вины, кроме разве что лишней боязливости. И путешествием этим ты себя накажешь, а может быть, даже исцелишь. Тебе придется стать храбрым или сойти с ума. Впрочем, я возложу на тебя еще одно обязательство: после возвращения на Тулкандру ты должен будешь присматривать за Уэстоном и Дивайном. Они могут сотворить немало зла и в вашем мире, и за его пределами. По твоим рассказам я понял, что в ваш мир, в самый оплот Гнилого, могут попадать и эльдилы; он не столь закрыт, как считали мы на небесах. Следи за этими двоими. Будь отважным, вступай с ними в борьбу. А мой народ, если надо, поможет. Не исключено, что мы с тобой еще встретимся, пока ты в этом теле, ибо неспроста Малельдил нас свел. Наверное, это даже положит начало новым переходам из одного мир в другой – хоть и не так, как рассчитывал Уэстон. Мне дозволено сказать тебе еще вот что: нынешний год – хотя на небесах годы считаются иначе – станет временем потрясений и больших перемен. Изоляция Тулкандры близится к концу. Грядут великие события. И если Малельдил позволит, я не останусь в стороне. А теперь прощай!

На следующий день три человеческих создания прошли сквозь толпу малакандрийцев, чтобы отправиться в рискованный путь. Уэстон побледнел и осунулся: любого математика вымотали бы столь сложные ночные подсчеты, а сейчас от точности результатов зависела его жизнь. Дивайн шумел более обычного, на грани легкой истерики. Его представления о Малакандре переменились за одну ночь: он выяснил, что у «туземцев» есть алкогольные напитки. Он даже пытался обучить их курению – правда, заинтересовал разве что пфифльтриггов. Теперь у Дивайна трещала голова, и в отместку он отыгрывался на Уэстоне, из-за которого им грозила гибель.

За час до полудня Рэнсом последний раз окинул взглядом синие воды, пурпурный лес, зеленые стены привычного уже хандрамита и последовал за остальными на корабль. Прежде чем затворить люк, Уэстон строго-настрого велел ради экономии воздуха соблюдать полную тишину: мол, во время пути не стоит совершать лишних движений и тем более попусту болтать.

– Я буду говорить только в крайнем случае, – предупредил он.

– Слава богу! – успел буркнуть Дивайн.

И они задраили люк.

Рэнсом немедленно отправился в нижнюю часть сферы, в перевернутую вверх тормашками каюту, и улегся на окошке, которое нынче оказалось под ногами. Вскоре он с удивлением обнаружил, что они взмыли уже на тысячу футов. От хандрамита остались лишь тонкие пурпурные складки на красновато-багряной глади харандры. Корабль находился как раз над стыком двух ущелий: видимо, того, где жил Рэнсом, и того, который вел к Мельдилорну. Овраг же, где Рэнсом у Огрея на плече срезал путь, и вовсе пропал из виду.

С каждой минутой хандрамитов, этих длинных прямых линий, появлялось больше: они шли параллельно друг другу или пересекались, образуя треугольники. Пейзаж все более походил на геометрический чертеж. Поверхность между линиями казалась совершенно плоской. Прямо под кораблем находились розовые окаменевшие леса, а на севере и востоке охристыми пятнами желтели громадные песчаные пустыни, о которых рассказывали сорны. На западе харандра словно выцветала, там появлялись сизовато-зеленые участки, располагавшиеся ниже поверхности, – наверное, те самые леса пфифльтриггов. Такие пятна мелькали повсюду, порой крохотными клочками на стыках хандрамитов, порой вытянутыми островками. Рэнсом только сейчас понял, до чего же мало он знает о Малакандре. Все равно что сорн, окажись тот вдруг на его месте, преодолел бы расстояние до Земли в сорок миллионов миль – а сам не высунул бы носа за пределы Суссекса! Если Рэнсом выживет, не о чем будет даже рассказать: чуть-чуть о лексике и грамматике, немного о пейзажах и самую малость о местной физике. Где цифры, история, подробнейший отчет о жизни во внеземных условиях, который обязан предоставить любой космический путешественник? Взять, к примеру, хандрамиты. С высоты полета их нарочито геометрические очертания напрочь отрицали изначальную теорию: что это, мол, естественные трещины в земной коре. Нет, то были искусственные сооружения невиданных масштабов, выкопанные техникой, о которой Рэнсом ничего не узнал. Причем возвели их, если ему сказали правду, еще задолго до появления человека... до зарождения самой жизни на Земле!.. Или то было всего лишь предание? Конечно, на Земле эти истории сочтут не более чем сказкой (если корабль вообще долетит), но сам Рэнсом верил каждому слову: слишком остро он ощущал в памяти незримое присутствие Уарсы. Вероятно, за пределами Земли разница между мифом и реальной историей и вовсе утрачивает смысл...

Потеряв мысль, Рэнсом вернулся к созерцанию ландшафта внизу – тот терял природные очертания и становился похожим на диаграмму. Тем временем на востоке сквозь рыжеватую охру малакандрийской пустыни стало пробиваться нечто темное: с обеих сторон тянулись то ли лапы, то ли рога с выемкой между ними, точно гигантский полумесяц. Тот все рос и рос; необъятные длани тянулись, будто норовя обхватить всю планету. И вдруг посреди расплзающейся темноты вспыхнула яркая точка. Нет, никакое это не пятно на поверхности – это черное небо за Малакандрой, а полумесяц очерчивает ее диск. Впервые с момента посадки Рэнсома охватил ужас. Темные лапы медленно – тем не менее движение их было заметным – ползли дальше и дальше по светлой поверхности, пока наконец не сомкнулись. И вот перед Рэнсомом висел весь диск, обрамленный чернотой. По корпусу корабля уже давно стучали метеориты, окно, сквозь которое он смотрел, перевернулось. Тело, пусть и непривычно легкое, еле двигалось, ужасно хотелось есть. Рэнсом взглянул на часы. Он завороченно просидел на одном месте целых восемь часов.

Кое-как добравшись до светлой половины корабля, Рэнсом открыл дверь и отшатнулся, ослепленный сиянием. Прошел назад, нашарил в старой каюте темные очки и взял себе немного еды и воды (Уэстон поделил припасы на мизерные пайки). Потом заглянул в рубку. Оба напарника с взволнованными лицами сидели за странным металлическим столом, утыканным слегка вибрирующими приборами, в основном из каких-то кристаллов и тонкой проволоки. Рэнсома они и не заметили. До конца безмолвного путешествия весь корабль оказался в его распоряжении.

Когда он вернулся на темную половину, покинутый мир висел в звездном небе и размерами не превышал земную Луну. Хотя краски, если приглядеться, еще можно было разобрать: сине-зеленая дымка окутывала красновато-желтый диск с белыми шапками на полюсах. Вокруг вертелись две крохотные малакандрийские луны – их Рэнсом тоже, помимо всего прочего, не замечал, пока был на планете. Он улегся спать, а проснувшись, увидел, что шар по-прежнему на том же месте, только уменьшился в размерах, а краски поблекли, разве что в блеске его проглядывал легкий оттенок багрянца. Да и светился он теперь не ярче окружавших их звезд. Ныне это была не Малакандра, а всего лишь Марс.

Вскоре Рэнсом окупился в прежнюю рутину: спал и нежился в солнечных лучах, порой прерываясь на написание кратких заметок для будущего малакандрийского словаря. Он знал, что шансов поведать о своем открытии человечеству практически нет, путешественников почти наверняка ждет смерть в глубинах космического пространства. Правда, как пустое «пространство» эта необъятная бездна уже не воспринималась. Да, порой Рэнсома охватывал ледяной ужас, но приступы эти всякий раз были все короче и растворялись в чувстве благоговейного трепета, перед которым личная судьба казалась совсем незначительной. Он не ощущал себя островком жизни, пересекающим бездну смерти. Скорее наоборот: жизнь была снаружи, за пределами крохотной скорлупки их корабля, она подстерегала путешественников, ежесекундно готовая ворваться внутрь, и если убить их – то переизбытком жизненной силы. Рэнсом страстно надеялся, что если им и суждено умереть, то произойдет это при рассеивании корабля, нежели от удушья внутри консервной банки. Порой ему даже чудилось, что выйти, освободиться, утонуть в океане вечного полудня – лучше, чем вернуться на Землю. Те душевные страсти, которые он испытывал при первом путешествии, блекли по сравнению с нынешним воодушевлением: теперь Рэнсом точно знал, что небеса в самом прямом смысле слова полны живых существ.

И с каждым днем крепла его вера в слова Уарсы об эльдилах. Правда, он никого не видел: на корабле было слишком светло, чтобы гости выдали свое присутствие случайным бликом. Зато иногда он их слышал – или воображал, что слышит: сквозь гулкий дождь из метеоритов проступали едва уловимые звоны и вибрации; порой было трудно противиться ощущению чужого незримого присутствия. Вот отчего вопрос собственного выживания утрачивал всякий смысл. И сам Рэнсом, и вся его раса казались слишком маленькими, слишком эфемерными перед лицом столь неизмеримой пустоты. В голове закипало от одних мыслей об истинных масштабах Вселенной – о трехмерной бесконечности ее пространства, о вечности ее прошлого. Однако никогда еще сердце Рэнсома не билось столь ровно.

Хорошо, что он проникся этими настроениями задолго до того, как начал ощущать тяготы путешествия. С каждым днем на корабле росла температура, в прошлый раз столбик термометра никогда не достигал таких высот. Свет тоже усиливался; даже в очках приходилось постоянно жмурить глаза, открывая их лишь на короткое время ради самых необходимых действий. Если до Земли они все-таки доберутся, зрение придется лечить. Но это не шло ни в какое сравнение со страданиями от жары. Трое путников бодрствовали сутками напролет, с вытаращенными глазами, почерневшими губами, в испарине мучаясь от жажды. Воды не хватало, и все же увеличить скудный рацион они не пытались; не тратили даже попусту воздух, чтобы обсуждать этот вопрос.

Рэнсом понимал, откуда такая жара. В тщетной попытке выжить Уэстон рискнул провести корабль ближе к Солнцу – там, где еще никогда не бывала жизнь. Наверное, это было оправдано: им ни за что не догнать ускользающую Землю по ее собственной орбите. Надо перехватить ее – срезать путь. Безумие? Впрочем, голову Рэнсома занимала лишь бесконечная жажда. Он думал о воде, потом о своем желании пить, потом о жажде и снова о воде... А столбик термометра неуклонно рос. Стены корабля раскалились. Было ясно: грядет перелом. Если в ближайшие пару часов не станет легче, они умрут.

Жара отступила. Уэстон верно рассчитал самую высокую температуру, которую способен вынести человеческий организм. Только вышли из этого испытания путники совсем другими людьми. Прежде Уэстон почти не спал; даже уходя из рубки ради короткого отдыха, он раскладывал карты и принимался торопливо строчить какие-то цифры. Было видно, что он борется с отчаянием, вновь и вновь с ужасом утопая в расчетах. А теперь на записи он даже не глядел и свои часы в рубке отсиживал с крайне рассеянным видом. Дивайн – тот и вовсе двигался как сомнамбула. Рэнсом же все чаще уходил на темную сторону, стараясь ни о чем не думать. Пусть первая опасность миновала, никто не питал иллюзий и не верил в благоприятный исход путешествия. В полном молчании прошло уже пятьдесят дней, и воздух внутри стальной скорлупы портился с каждым часом.

Уэстон переменялся настолько, что позволил Рэнсому взять на себя управление кораблем. Одними лишь жестами, прошептав разве что пару слов, он показал необходимые в полете действия. Похоже, они поймали нечто вроде попутного космического ветра... правда, в срок все равно не поспевали. За пару уроков Рэнсом научился держать курс на звезду в центре смотрового окошка (на всякий случай не убирал левой руки с кнопки звонка в каюту Уэстона).

Звездой этой была отнюдь не Земля. Уэстон поменял курс на пятьдесят восьмой день. На шестидесятый стало понятно, что впереди планета. На шестьдесят шестой она приобрела вполне отчетливые очертания, как через бинокль. На семидесятый диск впереди уже не походил ни на что виденное прежде: для планеты он был слишком маленьким, для Луны чересчур крупным. Теперь, когда Рэнсом управлял кораблем, его философский настрой пропал, зато пробудилась дикая жажда жизни, смешавшаяся с тоской по свежему воздуху и запаху почвы, томлением по траве, мясу, пиву, чаю и человеческому голосу. Сперва на дежурстве труднее всего удавалось бороться со сном; теперь, когда воздух стал совсем плохим, лихорадочное возбуждение все равно не дало бы уснуть. Зачастую после вахты правая рука коченела и не слушалась: Рэнсом часами давил на пульт управления, словно толкая корабль вперед.

Оставалось двадцать дней. Девятнадцать, восемнадцать – и на белом земном диске, который стал размером с шестипенсовик, можно было разобрать очертания Австралии и юго-западного краешка Азии. Проходил час за часом, и хотя континенты медленно ползли вслед за оборотом планеты, Земля не становилась ближе. «Ну же! Быстрее!» – бормотал Рэнсом. Осталось десять дней – и Земля стала как Луна, такая яркая, что на нее нельзя было смотреть без рези в глазах. Воздух почти закончился, однако Рэнсом и Дивайн, сменяя друг друга в рубке, отваживались на шепот:

– Мы справимся, – говорили они. – Все получится.

На восемьдесят седьмой день, когда Рэнсом заступил на дежурство, он сразу заметил, что Земля выглядит иначе. К концу смены он убедился: прежде идеальный круг теперь с одного бока смялся, планета стала похожей на грушу. Пришедший ему на смену Уэстон бросил в окно один лишь взгляд и яростно зазвонил, вызывая Дивайна. Он оттеснил Рэнсома в сторону, сел в кресло пилота и, весь белый от ужаса, принялся тыкать кнопки. Однако когда Дивайн зашел в рубку, лишь беспомощно пожал плечами. Потом закрыл лицо руками и уронил голову на пульт управления.

Рэнсом и Дивайн, переглянувшись, подняли Уэстона с кресла – тот рыдал как ребенок, – и его место занял Дивайн. Рэнсом наконец понял, что случилось с Землей. Вмятина сбоку, которая становилась все больше, на деле была другим диском почти таких же размеров. То оказалась Луна – она повисла между ними и Землей, на двести сорок тысяч миль ближе нужной точки. Рэнсом не знал, чем это грозит кораблю. А вот Дивайн, кажется, понимал больше – и пришел в бурный восторг. Он побелел пуще Уэстона, однако глаза у него засверкали от возбуждения; он припал к пулту управления, как зверь в прыжке, и принялся тихонько насвистывать сквозь зубы.

Рэнсом понял, что тот делает, лишь пару часов спустя. Луна стала больше Земли, но оба диска отчего-то уменьшались в размерах. Дивайн, лихорадочно щелкая тумблерами, гнал корабль прочь – и не только потому, что Луна преграждала им путь, не пуская к Земле. Видимо, приближаться к ней было опасно – может, из-за гравитации, – поэтому Дивайн повернул в космос. Раз нельзя войти в гавань, придется идти в открытое море. Рэнсом посмотрел на хронометр. Утро восемьдесят восьмого дня. Им оставалось всего двое суток, а они летели в другую сторону.

– Значит, все? – прошептал он.

– Может, и так, – не оглядываясь, бросил Дивайн.

Уэстон вскоре пришел в себя, вернулся в рубку и встал рядом с Дивайном. Рэнсому здесь делать было больше нечего. Он не сомневался, что им конец. С этой мыслью ушел и страх неизвестности. Рано или поздно смерть все равно за ним пришла бы – сейчас или через тридцать лет... Надо встретить ее подготовленным. Рэнсом вышел из рубки и расположился в одной из кают на светлой стороне. Спать он не собирался, однако, наверное, сказалась нехватка кислорода, потому что он заснул.

И очнулся в полной темноте от громкого непонятного шума. Причем отчего-то знакомого – вроде бы Рэнсом уже слышал его давным-давно, в прошлой жизни. По крыше что-то мерно барабанило.

Сердце вдруг подпрыгнуло.

– Господи, – всхлипнул Рэнсом. – Господи! Это же дождь!

Он на Земле. Воздух был затхлым и вонючим, но дышалось легко. Очевидно, Рэнсом еще на корабле. Уэстон и Дивайн, само собой, испугались рассеивания и сбежали сразу после приземления, бросив его на произвол судьбы. Нашарить выход в полном мраке, под тяжестью земной гравитации оказалось непросто. Однако Рэнсом справился. Он нащупал люк, соскользнул по круглому боку, шлепнулся в грязь, благословляя ее запах, и наконец, шатаясь с непривычки под собственным весом, кое-как поднялся на ноги. Он стоял в ночи под проливным дождем, каждой порой тела впитывая влагу, жадно втягивая в себя запах поля – того клочка родной планеты, где растет трава, бродят коровы, стоит ограда с калиткой...

Прошло полчаса – и яркая вспышка позади с сильным порывом ветра указали, что корабля больше нет. Рэнсому было все равно. Он разглядел впереди тусклые огоньки и двинулся в ту сторону. Ему удалось найти тропинку, которая вывела на дорогу, а та – в селение. Дверь дома была распахнута. Изнутри неслись голоса, говорившие на английском, и знакомые запахи. Рэнсом вошел и, не замечая изумленных взглядов, подошел к барной стойке.

– Пинту светлого, пожалуйста, – сказал он.

Глава XXII

Руководствуясь я лишь литературными соображениями, здесь мою историю можно было бы завершить, однако настала пора сорвать покров тайны и раскрыть читателю истинную цель этой книги. Заодно он узнает, как сей текст вообще появился на свет.

Доктор Рэнсом (думаю, пора признать, что имя вымышленное) вскоре отказался от мысли выпустить малакандрийский словарь и вообще поведать свою историю миру. Несколько месяцев он тяжело проболел, а когда пришел в себя, усомнился: а происходили ли запечатленные его памятью события на самом деле? Или то – не более чем бред воспаленного мозга и все его странствия можно объяснить путем психоанализа? Сам Рэнсом давно заметил, что многие непознанные явления в земной флоре и фауне очень легко списать на выдумку, если изначально воспринимать их как иллюзию. Однако он чувствовал: если сам не верит до конца в случившееся, прочий мир и вовсе сочтет его приключения небылицей. Поэтому он решил держать язык за зубами и, пожалуй, на этом успокоился бы, если бы не одно прелюбопытнейшее совпадение.

В этот момент в истории появляюсь я. Мы с доктором Рэнсомом были знакомы уже пару лет, и хотя практически не встречались лицом к лицу, порой обменивались письмами, обсуждая разные литературоведческие или филологические вопросы. Поэтому я безо всякой задней мысли несколько месяцев назад обратился к нему с одной досадной проблемой. Приведу отрывок из своего письма:

«Ныне я обратил внимание на творчество платоников двенадцатого века и с прискорбием обнаружил, что в своих трудах они используют весьма заковыристые латинские обороты. В частности, Бернард Сильвестр¹⁴ употребляет одно загадочное слово, и мне очень хотелось бы услышать ваше о нем мнение.

Слово это «Уарсес». Сильвестр описывает странствия в небесах, и этот самый Уарсес – некий дух, хранитель небесной сферы или, выражаясь современным языком, планеты. Я поинтересовался мнением С.Д., и тот ответил, что речь, скорее всего, об Ousiarches, иными словами, правящей сущности. Такая трактовка, конечно же, имеет смысл, тем не менее я все равно испытываю некоторые сомнения. Быть может, вам когда-нибудь встречалось это слово? Или у вас есть предположения, из какого оно языка?»

В ответ я незамедлительно получил приглашение провести с доктором Рэнсомом выходные. Он поведал мне свою историю, и мы уже вместе стали искать разгадку. В руки нам попало немало фактов, которые я не намерен пока публиковать: о планетах вообще и о Марсе в частности, о средневековых платониках и (что немаловажно) о профессоре, которого я в своем труде условно назвал Уэстоном. Может, и стоило бы раскрыть эти сведения общественности, однако, увы, тем самым мы, скорее всего, вызовем лишь недоверие и дадим «Уэстону» повод обвинить нас в клевете. И все же смолчать мы не в силах. Мы ежечасно убеждаемся, что марсианский Уарса был прав и нынешний небесный год станет поворотным, что изоляция нашей планеты близится к завершению и грядут перемены. У нас есть основания полагать, что средневековые платоники жили в том же небесном году, что и мы; он начался в двенадцатом веке нашей эры, и упоминание Уарсы (или Уарсиса, искаженного на латинский манер) в трудах Бернарда Сильвестра неслучайно. Кроме того, мы находим доказательства (и с каждым днем

¹⁴ Бернард Сильвестр, или Бернард Турский, – французский философ XII века, идейный последователь Платона, автор трактата «Космография».

их все больше), что «Уэстон» – или, скорее, стоящие за ним силы – сыграет в событиях грядущих веков роковую роль, если ему не помешать. Мы вовсе не призываем: «Руки прочь от Малакандры!» Вряд ли его соратники вторгнутся на Марс. Нет, опасность, которая нам грозит, не ограничивается одной лишь планетой, она приобретает космический размах как минимум в масштабах целой галактики; она не временная, она вечная. Впрочем, сказать о большем я пока не могу, это было бы безрассудно.

Именно доктору Рэнсому пришла в голову отличная мысль: изложить сведения, которые никто не посчитает достоверными, в формате художественной прозы. Он даже решил (изрядно переоценивая мои литературные таланты), что подобный вид обнародования имеет и свои преимущества: так мы сумеем обратиться к очень широкому кругу аудитории, минуя «Уэстона». Я сперва возражал, ведь беллетристику изначально воспримут как вымысел, однако доктор Рэнсом справедливо заметил, что все равно найдутся читатели (пусть на первых порах их будет немного), которые верно разгадают заложенный в тексте посыл.

– Они легко найдут нас с вами или опознают Уэстона, – сказал он. – Нам в любом случае нет нужды убеждать этих людей в своей правоте, надо лишь ознакомить их с некоторыми идеями. Если хотя бы сотая часть наших читателей станет воспринимать пустое космическое пространство как небесную сферу, уже будет замечательно.

Никто из нас не мог предвидеть, что вскоре развернутся события, из-за которых книга устареет еще до своей публикации. Из-за событий этих она станет не рассказом, а скорее лишь прологом к нему. Впрочем, пусть все идет своим чередом. Что касается дальнейших приключений, то, как задолго до Киплинга говорил Аристотель,¹⁵ «это уже другая история».¹⁶

¹⁵ В трактате «Поэтика», посвященном теории драмы, Аристотель обозначил основные правила классической драматургии, в частности единство действия; согласно этому правилу, в пьесе должен быть лишь один главный сюжет, а второстепенные сводятся к минимуму.

¹⁶ Крылатая фраза, которая неоднократно встречается в сборнике Дж. Р. Киплинга «Простые рассказы с гор» (1888).

Постскрипtum (Выдержки из письма прототипа «доктора Рэнсома» автору)

...Возможно, вы рассуждаете верно, и если внести две-три правки (они отмечены красным), текст сгодится. Хотя, признаюсь, я разочарован. Впрочем, любая попытка описать Малакандру, по мнению человека, там бывавшего, обречена на провал. Я даже не говорю о том, как безжалостно вы обошлись с филологической частью, представив читателю прямо-таки карикатуру на малакандрийский язык. Важнее другое, уж не знаю, какими словами выразить... Как передать запахи Малакандры? Они до сих пор мне снятся, особенно ароматы лиловых стеблей по утрам, хотя само упоминание о «растениях» и «утре» вводит читателя в заблуждение, заставляя думать о мхе, паутине и прочих земных запахах. Только они-то на Малакандре совсем другие! Более душистые, но не густые, тяжелые или экзотичные, как можно было бы подумать. Скорее, чуточку пряные, тонкие, едва уловимо щиплющие нос; для обоняния – все равно что залиvistые звуки скрипки для уха. А вместе с ними я всегда слышу и музыку: глухое горловое пение, басистее, чем у Шаляпина, эдакий «теплый темный шум». И в эти моменты я невольно тоскую по малакандрийским долинам, хотя, когда жил там, безмерно изнывал по Земле.

Вы, конечно же, правы, и раз мы подаем эту историю как художественный вымысел, необходимо сократить ту часть, когда я жил в деревне хросса, потому что тогда, по вашим словам, «практически ничего не происходило». Просто мне очень жаль эти фрагменты. На мой взгляд, именно те безмятежные недели, будничная жизнь среди хросса – лучшее, что со мной произошло. Я узнал их, Льюис, узнал так, как нельзя передать в романе. Например, в отпуск я всегда беру с собой градусник (эта привычка не раз меня выручала), поэтому знаю, что температура их тела около ста трех градусов по Фаренгейту. Еще знаю, хоть и не помню откуда, что живут они около восьмидесяти марсианских лет, или ста шестидесяти земных, женятся примерно в двадцать (по-нашему в сорок); что в процессе испражнения для них, как у лошадей, нет ничего постыдного, а экскременты используются в сельском хозяйстве; они не проливают слез и не моргают, в праздники (которых у них очень много) «бывают навеселе», как сказали бы у нас, но не пьянеют по-настоящему. Однако к чему эти обрывистые сведения? Они не более чем воспоминания, которые нельзя выразить словами, и никто в этом мире из этих клочков не сложит верную картину. Например, как мне объяснить – даже вам! – что малакандрийцы не заводят домашних питомцев и вообще не испытывают к животным того умиления, что мы? Мне достаточно было лишь увидеть представителей всех трех рас вместе. Каждый из них для другого – и человек, и питомец одновременно. Они могут говорить, общаться, разделять некие интересы, в этом плане сорн и хросса взаимодействуют наравне. И все же каждый из них считает другого совершенно отличным от него созданием: забавным и оттого умильным – совсем как мы зверушек. Тот инстинкт, который живет в каждом из нас и который мы пытаемся унять, общаясь с неразумными тварями порой как с равными себе, на Малакандре утолен сполна. Домашние животные им просто не нужны.

И раз уж зашла речь о разнице между расами... Очень жаль, что особенности художественной прозы вынуждают нас упрощать биологию. Неужто по моим рассказам у вас сложилось впечатление, будто каждый из трех видов абсолютно гомогенный? Если так – простите. Взять тех же хросса: я жил среди черных, но есть и серебристые, а где-то в западных хандрамитках обитают хохлатые – очень крупные, более десяти футов ростом, и чаще танцоры, нежели певцы; как по мне, самые благородные на вид создания после человека. Хохолок есть только у мужчин. Еще в Мельдилорне я видел белоснежного хросса, однако по глупости своей не выяс-

нил, является ли он представителем еще одной разновидности, или просто то был местный альбинос. У сорнов также имеется по крайней мере еще один вид помимо знакомых мне – сороборны, или красные сорны пустыни, живущие в песках севера. Судя по описанию, выглядят они умопомрачительно!

Не перестану сокрушаться, что так и не побывал на родине пфифльтриггов. Правда, я выяснил достаточно, чтобы «сочинить» визит к ним для нашего романа, однако не думаю, что нам стоит вводить в книгу совсем уж полный вымысел. Для землян понятие «почти правды» выглядит привычным, но я не могу представить, как буду объяснять его Уарсе, а у меня есть подозрение (о чем я уже упоминал в предыдущем письме), что наша встреча была не последней. И раз уж на то пошло: почему «читателям» (а вы, как вижу, чертовски хорошо понимаете их потребности) знать о языке ничего не надо, а вот пфифльтриггов им подавай? Впрочем, вы, конечно же, вольны их описать, и не будет лишним упомянуть, что они откладывают яйца, что у них матриархат, и живут они гораздо меньше прочих рас. Великие равнины, где они обитают, прежде наверняка были дном мирового океана. Хросса, бывавшие в тех местах, говорили, что лес их засыпан песком, а вокруг – «окаменелые, окостенелые древние волны». Должно быть, это и есть те самые темные участки на Марсе, видимые с Земли.

Кстати: после возвращения я изучил немало марсианских карт, и все они разнятся настолько, что в итоге я оставил попытки отыскать свой хандрамит. Если желаете попробовать сами, ищите в районе канала «северо-восток – юго-запад», пересекающего «северный и южный канал» милях в двадцати от экватора. Однако каждый астроном видит по-своему.

Теперь о вашем самом досадном вопросе: «Неужели Огрей, описывая эльдилов, смешивает понятия тонкой материи и высшего существа»? Нет, смешиваете их вы! Огрей произнес два разных высказывания: что тела эльдилов устроены иначе, нежели у всех прочих созданий на планете, и что разумом они превосходят остальных. Ни он, ни кто-либо другой на Малакандре не пытался связать эти понятия воедино или вывести одно из другого. Более того, у меня есть причины предполагать, что существуют и другие неразумные твари с такими же телами (вспомнить хотя бы «воздушных зверей» у Чосера¹⁷).

Я все думаю, как вам удастся обойти вопрос о речи эльдилов. Согласен, если писать об этом в сцене суда, неуместная вставка испортит повествование, зато многим читателям хватит сообразительности спросить: как же эльдилов, которые, судя по всему, вовсе не дышат, могут разговаривать? Мы действительно не знаем ответа... но стоит ли признаваться в этом читателю? Я поделился с Дж. (единственным ученым, которому можно доверять) вашей теорией о том, что якобы у эльдилов есть некий инструмент, или даже орган, «работающий» с окружающим воздухом и способный извлекать звуки. Так вот Дж. не согласен. Он склонен считать, что они скорее воздействуют непосредственно на слух «собеседника». Все это, конечно же, очень сложно. Нельзя забывать, что мы не имеем ни малейшего представления ни о форме и размерах эльдилов, ни об их взаимодействии с пространством (в нашем понимании пространства). Важно подчеркнуть: мы действительно ничего об эльдилах не знаем. Как и вы, я с трудом удерживаюсь от соблазна соотнести их с каким-нибудь существом из земной мифологии, к примеру с богами, ангелами или феями. Однако, опять-таки, нам недостает сведений. Я пытался изложить Уарсе основные постулаты христианской ангелологии, и он, как мне показалось, посчитал их существами иной природы. Правда, я не понял, в чем отличие, может, он просто принял наших ангелов за некую воинствующую касту (а бедняжка-Земля тем самым предстала в моих рассказах чем-то вроде боевой арены в галактических масштабах).

Почему вы убрали мой рассказ о заевшей в момент приземления на Малакандру заслонке? Без этого описание наших мучений от чересчур яркого света во время обрат-

¹⁷ «Воздушные звери» упоминаются в поэме Дж. Чосера «Дом славы», где он описывает путешествие по небесам на спине золотого орла.

ной дороги вызывает закономерный вопрос: почему путешественники просто не закрыли заслонку? Я не согласен, будто «читатели таких мелочей не замечают». Уверен: замечают, еще как!

И жаль, что вы не включили в книгу две сцены. Хотя не важно, обе живут во мне. Стоит закрыть глаза – и они встают во всем своем великолепии.

Вот первая – небо Малакандры поутру: светло-голубое, такое бледное, что ныне, когда я заново привык к земным небесам, оно кажется мне белым. На нем – макушки гигантских растений (вы упрямо именуете их «деревьями»): вблизи черные, а вдаль, за ослепительным простором синих вод – лилово-акварельные. Под ногами на блеклой траве тени, как на снегу. А впереди движутся силуэты: стройные, невзирая на громадный рост, черные и гладкие, как цилиндр; исполинские круглые головы покачиваются над гибким телом, будто макушки тюльпанов на тонком стебле. Хросса с песней спускаются к озеру, и музыка заполняет лес тихой, едва слышимой дрожью, почти как отголоски далекого органа. Троим помогают забраться в лодку, но прочие остаются на берегу. Все происходит очень медленно: это не обычная прогулка, это ритуал. Похороны хросса. Те трое с серыми мордами, которые сели в лодку, плывут в Мельдилорн умирать. В этом мире никто не умирает до срока, помимо тех, кого забрала хнарха. Все в полной мере проживают отведенное им время, и смерть столь же ожидаема, как и рождение. Каждый в деревне знал, что эти трое умрут в этом году и в этом месяце – предвидели даже, что на этой неделе. И вот они уходят к Уарсе получить последнее напутствие, умереть и «рассеяться». Даже тел их не останется: на Малакандре нет гробов, нет исповедников, кладбищ или могильщиков. Вся долина провожает умирающих, но я не вижу на лицах скорби. Хросса верят в свое бессмертие, верят, что друзья будут неразлучны и в следующем воплощении. Ровесники покидают этот мир, как и появились на свет – вместе.¹⁸ Смерти не предшествует страх, за ней не следует разложение.

А вот другая сцена – ночная. Я купаюсь в теплом озере с Хьои. Он смеется над моими неловкими движениями, потому что я, привыкнув к более тяжелому миру, едва держусь на воде. И вдруг, подняв глаза, я замечая звездное небо. Оно почти неотличимо от нашего, только чернее и ярче, и на западе творится такое, чего на Земле и представить нельзя. Вообразите Млечный Путь, увеличенный во много крат: таким, как его видно в самую ясную ночь через мощный телескоп. А теперь представьте, что он не тянется сквозь все небо, а полыхает гигантским созвездием с краю, над горными вершинами. Слепящее ожерелье огней занимает едва ли пятую часть неба, оставляя у самого горизонта черную полосу. Оно столь яркое, что больно глазам. Однако и это еще не все. Понемногу харандра наливается светом, словно вот-вот взойдет луна. «Ахихра!» – кричит Хьои, и из темноты ему вторят чужие хриплые голоса. И вот выплывает истинный король ночи, он прокладывает себе путь сквозь причудливую галактику на западе, и огни ее меркнут перед этим сиянием. Я отвожу взгляд: диск этот много ярче нашей Луны. Весь хандрамит залит бесцветным светом, я могу сосчитать каждый стебель на том берегу озера, я вижу собственные ногти, обломанные и грязные. И вот я догадываюсь, что передо мной Юпитер, вздымающийся за поясом астероидов, на сорок миллионов миль ближе, чем когда-либо видел человеческий глаз. Малакандрийцы бы сказали «среди астероидов», у них есть давняя привычка порой выворачивать Солнечную систему наизнанку. Астероиды они зовут «танцорами на пороге Великих миров». Великие миры – это планеты, которые, как мы говорим, находятся «вне» пояса астероидов. И величайший из них – именно Глундандра (или Юпитер). Это «центр», «большой Мельдилорн», «трон» и «пиршество». Они, конечно же, сознают, что планета эта необитаема, по крайней мере там нет подобных им существ. Не пыта-

¹⁸ Отсылка к философскому трактату одного из современников Льюиса – Джона Холдейна. В работе «Дедал» (1923) автор пытался предсказать развитие науки и техники. В частности, он пишет о том, что «избавление от болезней позволит сделать смерть таким же физиологическим явлением, как и сон. Поколение, живущее вместе, вместе и умрет».

ются они и язычески «поселить» там Малельдила. И все-таки с Юпитером у них связано нечто очень важное, однако что именно – «знают серони». Мне они никогда не говорили. Наверное, лучше всего об этом сказано у автора,¹⁹ о котором я уже упоминал: *«Как говаривал Публий Африканский²⁰, никогда он не бывал менее одинок, чем когда оставался один; следуя этой философии, во всей Вселенной не сыскать менее уединенного места, нежели то, которое считают уединенным плебеи, ибо когда уходят люди и звери, на смену им приходят более возвышенные создания».*

Впрочем, об этом при личной встрече. Пока же я стараюсь читать все старые книги по нашей тематике, которые только удастся достать. Теперь, когда «Уэстон» захлопнул дверь, путь на другие планеты пролегает через прошлое, и если нам предстоит еще космические странствия, то быть им вдобавок путешествиями во времени!..

¹⁹ Высказывание (по крайней мере первую его часть) приписывают Марку Порцию Катону Старшему, автору знаменитого изречения «Карфаген должен быть разрушен!». Скорее всего, речь о его трактате «Начала», до наших дней сохранившемся лишь в небольших фрагментах.

²⁰ Публий Корнелий Сципион Африканский, римский военачальник и политик II века до н. э. Согласно легендам, он имел особую связь с обитателями Парнаса и часто, перед тем как принять важное решение, уединялся в храме, чтобы получить от покровительствующего ему бога Юпитера советы и наставления.

Переландра²¹

Глава I

Я сошел с поезда у Вустера и отправился пешком к дому Рэнсома (до него было три мили), размышляя по дороге, что ни один из пассажиров, оставшихся на станции, не мог бы и вообразить, что повидал тот, к кому я иду. Унылая равнина – поселок был за ней, милях в трех к северу от станции – ничем не отличалась от других равнин. Сумрачное предвечернее небо было таким же, как всегда осенью. Редкие дома, купы красных и желтых деревьев – нигде ничего особенного. И вот, миновав эту тихую, скромную местность, я увижу того, кто побывал – и жил, и ел, и пил – в сорока миллионах миль отсюда, на планете, с которой Земля кажется крохотной зеленой искоркой, и разговаривал с существом, помнившим времена, когда здесь, у нас, еще никого не было.

На Марсе Рэнсом видел не только марсиан. Он встретил существ, которые называют себя эльдилами, и даже Великого Эльдила, который правит Марсом и зовется там Уарсой Малакандры. Эльдилы отличаются от тех, кто обитает на планетах. Их тело – если это тело – совсем иное, чем у нас или у марсиан. Они не едят, не дышат, не рождаются, не умирают – словом, в этом они больше похожи на минералы, способные мыслить, чем на то, что мы называли бы живым существом. Они часто появляются на планетах и, по нашим понятиям, живут там, но определить, где они, очень трудно. Сами они считают своим обиталищем космос («Глубокие Небеса»), и планеты для них – не миры, просто движущиеся точки, а то и разрывы в едином поле, которое мы называем Солнечной системой, они – Арболом.

Рэнсом вызвал меня телеграммой: «Если можете, приезжайте четверг важному делу». Я догадывался, какое это дело, и хотя твердил себе, что провести вечер с Рэнсомом очень приятно, так и не смог избавиться от тревожных предчувствий. Тревожили меня эльдилы – к тому, что Рэнсом побывал на Марсе, я еще как-то притерпелся, но эльдилы, существа, чья жизнь практически бесконечна... Да и само путешествие не очень мне нравилось. Побывав в ином мире, поневоле изменишься, хотя и не скажешь точно в чем. Когда речь идет о давнем друге, не так уж это приятно, – прежние отношения восстановить нелегко. Но гораздо хуже другое: я все больше убеждался, что и тут, на Земле, эльдилы не оставляют его. Что-то проскальзывало в его речи – случайный намек, порою жест, от которых он тут же неуклюже отнекивался. Словом, он общался с кем-то, у него... ну, кто-то бывал.

Я шел по пустынной неогороженной дороге, пересекавшей Вустерскую пустошь, и пытался прогнать дурные предчувствия, анализируя их. Чего, в конце концов, я боюсь? Едва я задал себе этот вопрос, я пожалел о нем. Меня поразило слово «боюсь». До сих пор я хотел убедить себя, что речь идет о неприязни, неловкости, на худой конец – скуке. Но вот я произнес «боюсь» и ощутил страх. Я боялся все время, именно боялся – и того, что встречу эльдилов, и того, что меня во что-то втянут. Наверное, все знают, как страшно «влипнуть»: ты просто думал, размышлял, и вдруг оказывается, что ты вступил в коммунистическую партию или вернулся в лоно церкви, дверь захлопнулась, ты внутри, по ту сторону. Собственно, так случилось с Рэнсомом. Он попал на Марс (на Малакандру) помимо своей воли, почти случайно; другая недобрая случайность подключила к этой истории и меня. Нас все больше и больше втягивало в эту, с позволения сказать, межпланетную политику. Не знаю, сумею ли я вам объяснить, почему мне так не хотелось знакомиться с эльдилами. Я не просто – и разумно – ста-

²¹ © Перевод Л. Сумм по редакции Н. Трауберг.

рался избежать чужих, могучих и очень мудрых созданий. Все, что я слышал о них, вынуждало соединить два представления, которые очень разделены, и это меня отпугивало. Мы привыкли относить нечеловеческий разум либо к «научному», либо к «сверхъестественному». В одном настроении мы думаем о марсианах Уэллса (которые, кстати сказать, сильно отличаются от обитателей Малакандры), в другом – об ангелах, духах, феях и тому подобном. Но если эти существа реальны, граница между классами стирается – и вовсе исчезает, когда речь идет об эльдилах. Они не животные – в этом смысле они подпадут под вторую категорию, но у них есть некое подобие тела, которое (в принципе) можно зафиксировать научно; и в этом они относятся к первой группе. Перегородка между естественным и сверхъестественным рухнула; и тут я узнал, как успокаивала она, как облегчала нам бремя странного мира, с которым мы вынуждены общаться, разделив его надвое, чтобы мы не думали о нем в его цельности. Другое дело, какую цену мы платим за этот покой – путаницу в мыслях и ложное ощущение безопасности.

«Какая долгая, тоскливая дорога, – бормотал я. – Хорошо еще, что ничего не надо нести».

Тут я вздрогнул, сообразив, что нести как раз надо – я ведь взял с собой вещи. Я чертыхнулся: значит, чемоданчик остался в поезде. Поверите ли, что сперва я решил вернуться на станцию «и что-нибудь сделать». Конечно, делать было нечего, я мог с тем же успехом позволить от Рэнсома. Поезд с моим чемоданом так и так далеко ушел.

Теперь я это понимаю, но тогда мне казалось, что необходимо вернуться, и я повернул было, прежде чем разум или совесть побудили меня идти дальше. Тут я понял гораздо яснее, что идти вперед мне очень не хочется. Это было очень трудно, словно я шел против сильного ветра, хотя вечер был тихий – ни одна ветка не шевелилась – и спускался туман.

Чем дальше я шел, тем чаще все мои мысли обращались к эльдилам. Что, в самом деле, знает о них Рэнсом? Сам он говорил, что они почти не посещают Землю, а может быть, даже и вообще не бывали тут до его визита на Марс. У нас есть свои эльдилы, теллурийские, но они совсем иные и человеку враждебны. Собственно, потому наш мир и не общается с другими планетами. Мы – как бы в осаде, вернее – на территории, захваченной теми эльдилами, которые враждебны и нам, и эльдилам «Глубоких Небес». Они кишат здесь, у нас, как микробы, и все отравляют, только их мы не видим потому, что они слишком велики, а не слишком малы. Это из-за них на самом деле все у нас пошло не туда – произошло то злосчастное падение, в котором главный урок истории. Тогда мы должны радоваться, что светлые эльдилы прорвали линию обороны там, где орбита Луны, – конечно, если Рэнсом все правильно рассказал.

Мерзкая мысль посетила меня – а что, если Рэнсома обманули? Предположим, какая-то внешняя сила хочет захватить Землю; может ли она придумать лучшее прикрытие? Где хоть малое доказательство, что на Земле живут злые эльдилы? Мой друг, сам того не понимая, оказался мостиком для врага, троянским конем, с чьей помощью враг захватит Землю. И снова, как и тогда, когда я обнаружил, что нет багажа, мне захотелось вернуться.

«Вернись, вернись, – как бы слышал я. – Пошлешь ему телеграмму, что болен, приедешь потом, да мало ли что!»

Меня удивило, что это желание так сильно. Я остановился, постоял, запрещая себе всякие глупости, и, когда снова двинулся вперед, подумал, не начинается ли нервный приступ. Едва эта мысль пришла мне в голову, она стала очередным доводом против визита к Рэнсому – конечно, я не гожусь для странных дел, на которые намекала телеграмма. Я не должен был даже отлучаться из дому, разумно одно – поскорее вернуться и позвонить врачу, пока не начался самый приступ и не отказала память. Просто безумие идти дальше.

Я дошел до конца равнины и спускался вниз. Слева была роща, справа – покинутое здание какой-то фабрики. Внизу собирался туман.

«Сперва они назовут это нервным приступом, – думал я, – а потом...»

Вроде бы есть какое-то душевное заболевание, при котором страшно бояться самых обычных вещей – вот как я боюсь теперь заброшенного строения. Кучи цемента и странные кир-

пичные стены глядели на меня поверх сухой и пыльной травы, серых луж и сломанных рельсов. Такие вот странные штуки видел и Рэнсом на Марсе, только там они были живые. Гигантских пауков он называл сорнами. Хуже того – он считал их хорошими, гораздо лучше, чем мы, люди. Он с ними в заговоре! Кто знает, обманули его или нет... А что как все гораздо хуже? Он сам гораздо хуже... И тут я снова остановился.

Читатель не знает Рэнсома и не сможет понять, как нелепа такая мысль. Даже в эту минуту здравая часть души моей прекрасно знала: если вся Вселенная безумна и враждебна, Рэнсом честен и здоров. Только это и вело меня вперед, но с каким трудом, с каким трудом! В глубине души я твердо верил, что каждый шаг приближает меня к другу, а чувствовал, что иду к врагу, к предателю, колдуну, заговорщику... иду, как дурак, прямо в ловушку.

«Сперва это назовут нервным припадком, – продолжал тот же голос, – сперва тебя положат в больницу, а там и в сумасшедший дом».

Я миновал вымершую фабрику и окунулся в туман, в холод. Мимо меня что-то промелькнуло, и меня пронзил такой бессмысленный и всепоглощающий ужас, что я чуть не вскрикнул. Это кошка перебежала дорогу; но силы совсем покинули меня, а мучитель внутри не унимался.

«Скоро и впрямь закричишь, – говорил он. – Будешь вопить, вопить, вопить и никогда не остановишься».

У края дороги стоял пустой дом с заколоченными окнами; только в одном окне блеснуло стекло, словно глаз дохлой рыбы. Обычно я думал о привидениях не больше, чем вы, – и не меньше, пожалуй. Но теперь я чувствовал точно: в этом доме – призраки, привидения... нет, какое слово! Ребенок, и не слышавший его, содрогнется, если один взрослый скажет в сумерках другому: «А там есть привидения».

Наконец я добрался до перекрестка, где стояла часовня методистской церкви, – отсюда я повернул бы налево, к березовой роще, и увидел бы свет в окнах Рэнсома, если не настало время затемнения. Этого я не знал, часы у меня остановились. Вроде бы стемнело, но ведь был туман. Да я и не темноты боялся. Бывает же так, что вещи кажутся живыми, у них свое выражение лица, и вот, мне очень не нравилось лицо этой дороги.

«Неправда, что сумасшедшие не чувствуют начала болезни», – продолжал все тот же голос.

А что, если именно здесь я и сойду с ума? Тогда, конечно, мне мерещится, что влажные от тумана стволы враждебно поджидают меня. Но это меня не утешило. Если ужас мерещится, он не легче, он страшнее, ведь с ним соединяется страх перед безумием и оно само, и совсем уж чудовищное чувство: только те, кого называют сумасшедшими, видят истинный, ужасный лик мира.

Все это обрушилось на меня. Я шел сквозь холодную тьму и был почти уверен, что вхожу в безумие. О здравомыслии я думал все хуже и хуже. Разве оно и раньше не было условностью, удобной ширмой, привычным самообманом, скрывавшим от нас чуждый и враждебный мир, в котором приходится жить? То, что я слышал за последние месяцы от Рэнсома, выходило за рамки «нормального», но я зашел далеко и не считал его рассказ вымыслом. Только вот правильно ли он все понял, был ли он вполне честен? Что же до тех, кого он видел, в них я не сомневался – в этих пфифльтригах, и хроссах и сорнах, и межпланетных эльдилах. Я не сомневался даже в том таинственном существе, которое эльдилы именуют Малельдилом и почитают, как никто не почитает земных владык. Я знал, кем считает его Рэнсом.

Показался дом, совсем темный. Я чуть не расплакался, как ребенок, – нет, почему Рэнсом не вышел меня встретить? Потом, совсем уж по-детски, я подумал, что он притаился в саду и вот-вот бросится на меня сзади. А может, я сам увижу его со спины, подойду, он обернется, а это – совсем и не человек.

Конечно, я не хотел бы рассказывать об этом подробно; я и вспоминаю-то все со стыдом, и не стал бы затягивать свой рассказ, но мне кажется, что иначе не понять всего остального. Да

я и не могу описать, как добрался до двери коттеджа. Страх и отвращение гнали меня прочь, я должен был пробить невидимую стену, я бился за каждый шаг, снова едва не вскрикнул, когда лица моего коснулась ветка, – но все же вошел в сад и как-то добрался по дорожке до дома. Тут я стал стучаться, рвать ручку, звать Рэнсома, словно моя жизнь зависела от того, откроет он или нет.

Ответа не было, только эхо разносило мои вопли. На дверном молотке что-то белело. Я догадался, что это – записка, чиркнул спичкой и увидел, как дрожат у меня руки, а когда спичка погасла, стало совсем темно. Чиркая спичками, я разобрал: «Простите, уехал в Кембридж. Вернусь последним поездом. Еда в буфете, постель – в вашей комнате. Если хотите, ужинайте без меня. Э. Р.». Меня опять отшвырнуло назад, словно бесы накинудись на меня: я еще свободен, путь открыт, только иди. Сейчас – или никогда. Так я и буду сидеть тут, ждать часами! Но едва я решился повернуть, как мне стало страшно. Неужели опять идти через березовую рощу? Теперь там совсем темно, а за спиной останется этот дом (глупо, но мне чудилось, что он погонится за мной). Потом в моей душе пробудились остатки верности и здравого смысла – я не мог так подвести Рэнсома. По крайней мере, надо было проверить, открыта ли дверь. Я потянул – она открылась, и, сам не зная как, я оказался внутри, а она захлопнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.